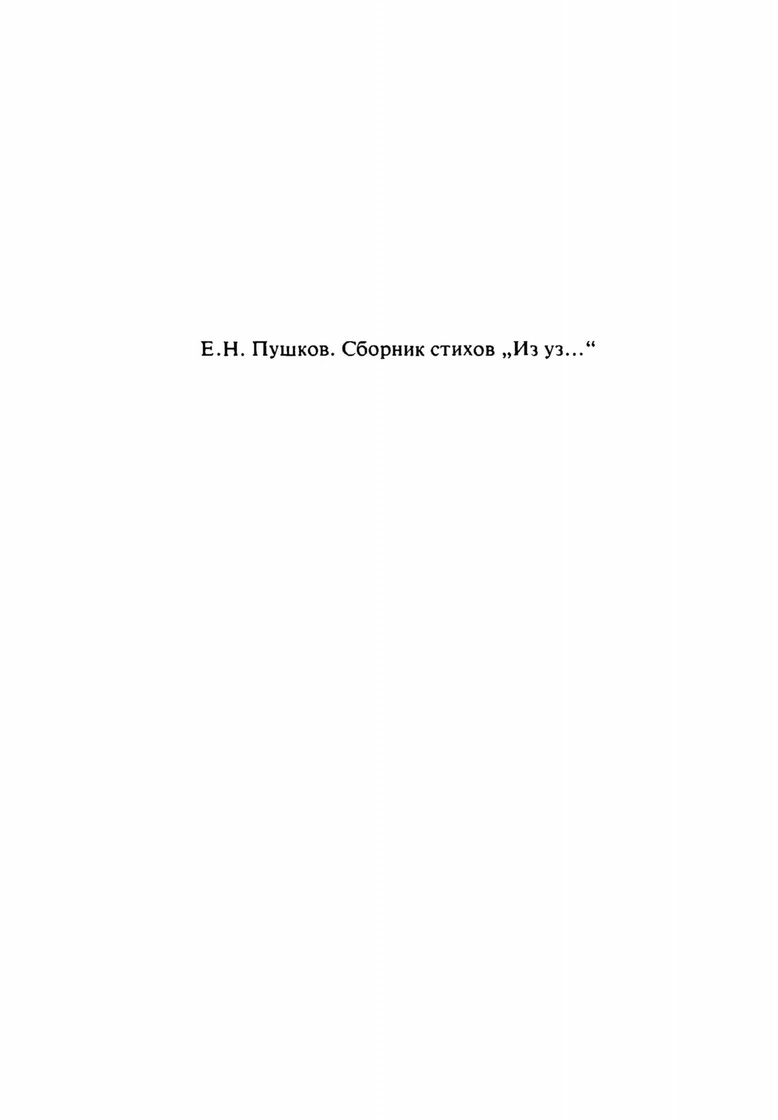
Е. Н. ПУШКОВ

Из уз

сборник стихов, рожденных
в годы гонений за веру

МИССИЯ «ГОЛОС МИРА»



Е.Н. Пушков. Сборник стихов „Из уз...“

Е. Н. Пушков

Из уз...

сборник стихов, написанных автором в местах лишения свободы

Миссия Фриденсштимме
1992

Е. Н. Пушков. „Из уз“ — сборник стихов

Missionswerk Friedensstimme
Postfach 100638
5270 Gummersbach, Germany

Оглавление

Вместо предисловия

Почти все из предлагаемых стихов написаны в местах лишения свободы, где я находился за имя Господа Иисуса Христа два срока подряд, с 1980 по 1988 г.г.

В первый срок было написано более ста стихов. Тетрадь со стихами я образно назвал „Из уз“. В следственном изоляторе и первые стихи в тюрьме „писались“ в уме, так как не было ни карандаша, ни бумаги. Оттуда их не могли изъять при частых тщательных обысках. Я не думал, что можно „писать“ в памяти. Проверил на практике, оказывается — можно! Хотя написать, отредактировать, отшлифовать ритмический строй, рифму, потом сложить в памяти и начать следующий стих — это очень трудоемкая работа. А когда на свидании я переносил все на бумагу и передавал на свободу, стихи сразу же улетучивались из головы, будто какой-то тяжелый груз с себя сбрасывал. Место в памяти освобождалось для новых стихов.

В тюрьме трудно от праздности: много свободного времени, и заключенные не знают, куда его деть. Это делает их злыми и возбужденными. А если наша душа и разум заняты, то нет гнетущего состояния. Стихи я считал своим основным служением в тех условиях. Я уже не мог не писать. Это стало моей потребностью. После отбоя заключенные засыпали, а у меня начиналась интенсивная работа мысли.

Я с раннего детства чувствовал призвание к поэзии и любил поэзию больше, чем музыку. И когда отняли скрипку, у меня осталась поэзия.

В. Г. Белинский писал в одной из своих критических статей о поэзии: „Поэт не тот, кто может писать, а тот, который не может не писать“. Я не понимал его раньше. А в узах понял. Это состояние, когда рифмы сами просятся из души. Может быть, кто-то не поймет моих стихов, но если хоть одна душа испытает благословения — я буду счастлив!

Во второй срок с 1983 года я был в тюрьме восемь месяцев после суда. Стихи писались регулярно. Здесь появился цикл сонетов. Их было написано более пятидесяти.

После освобождения я имел первоначально желание все написанное тщательно переработать, но тогда пропадало то конкретное представление о трудностях и всех переживаниях узника. Поэтому я решил оставить стихи в том виде, в каком они рождались при содействии Духа Святого.

Надеюсь, они дадут конкретное представление об узком пути, которым шло гонимое братство Христово Союза Церквей ЕХБ.

Отава

Когда молод ты был, то огнем поэтичным
Очень часто твоя загоралась душа,
Ты мечтал нас порадовать сборником личным,
Дав названье ему „Жизнь с Христом хороша“.

Но мечта не сбылась. Поседевшие пряди
После тюрем твою уж главу серебрят,
Обыск похоронил со стихами тетради,
С ними юность унес прокурорский наряд.

Сорок лет на житейских часах отстучало,
Но поэта душа не стареет совсем.
Почему ты боишься начать все сначала?
Ведь тебя жжет огонь поэтических тем.

Не писать — слышишь, брат, — не имеешь ты права!
Пусть скосил кто-то цвет твоих жизненных дней,
Но пред осенью вновь зеленеет отава
И бывает нередко еще зеленей.

Выпуск сборника, брат, не тобою отсрочен,
Ты не зря посвятил Иисусу года.
С Ним всегда будешь ты поэтически сочен,
А что стал ты седой — это, брат, не беда!

Разлука

Опять я с церковью поместной
Стеной колючей разлучен,
Опять в тюремной келье тесной
Все вспоминается, как сон.
А солнце светит все равно
В мое тюремное окно.

Жены и деток вспомнил лица,
Слезиночки их детских глаз.
Не дали даже помолиться
Нам недруги в прощальный час.
А солнце светит все равно
В мое тюремное окно.

Мои любимые, надолго
Суд разлучил сегодня нас;
Дай Бог, чтоб истинного долга
Огонь священный не погас.
А солнце светит все равно
В мое тюремное окно.

Нам в трудностях поможет очень
Молитвенный совместный пост.
Ясней горит средь мрака ночи
Небесный яхонт дальних звезд.
А солнце светит все равно
В мое тюремное окно.

На вас благословенье Бога
Пусть будет, как святой елей.
Привет пришлю, взгрустнув немного,
Я вам со стаей журавлей.
А солнце светит все равно
В мое тюремное окно.

Минуют дни скорбей, разлуки,
Даст Бог — мы встретимся опять,
Отца и мужа снова руки
С любовью смогут вас обнять.
Засветит солнце все равно
И в ваше скорбное окно!

Воспоминание

За решеткой тюремной, стальной
Вспомнил я о тебе, край родной,
И душа, видя тесную клеть,
Пожелала к тебе улететь.
Из твоих рек, лесов и полей
Я впитал, как священный елей,
Поэтичных мечтаний нектар.
Бог Творец, дав поэзии дар,
Вместе с Ним, точно пламя огня,
Чувство жгучее вдунул в меня.
И с тех пор гимн не петь я не мог,
Мне хотелось кричать, что есть Бог,
Воплотивший в премудрой красе
Совершенные качества все;
Что Христос есть Спаситель для всех,
Ставший жертвой пречистой за грех.
Он есть путь и победа над злом,
Счастье — жизнь с милосердным Христом.
С рифмой звонкой и с Божьим мечом,
Повернув против ветра плечо,
О свободе Христовой я пел,
Веря в радостный, светлый удел.
Стих мой — гимн за тюремной стеной,
Но неверьем не сломлен дух мой.
Помоги мне в страданьях, Господь!
Как трепещет порой моя плоть,
Когда вспомню о детках, семье:
Не придется теперь уже мне
Приласкать их — тернист узкий путь.
Ты Отцом, Боже, сиротам будь!
Ты не дай им чрезмерно скорбеть,
Разорвавши лукавую сеть,
Защити их, Спаситель благой,
Чтоб они были только с Тобой!

Я же жизнь всю свою и семью
В Твои руки, Господь, отдаю.
Пронесется чреда скорбных дней,
Счастье вечности будет видней
Из долины страданий и слез.
Доведи нас до цели, Христос!

Проверь себя

Ты встречался ли взором духовным с Христом,
Ты тернистой тропою пошел ли потом,
Испытал ли ты в жизни любви полноту,
Свое сердце навек посвящая Христу?
Ты свидетельство Духа имел ли в себе,
Испытал ли ты счастье в неравной борьбе
За Заветы Христа, за святой Идеал?
Может быть, под крестом ты тяжелым упал?
Может быть, крест Христов тебе больше не мил,
Встать и дальше идти в тебе нет больше сил?
Может быть, крест оставив, вернуться назад
К тихой жизни мирской ты давно был бы рад?
Может быть, крест Христов для тебя был тяжел,
И во тьме не видал ты святой ореол?
Может быть, ты в пути был совсем одинок,
Утешителя Духа принять ты не смог?
Ты рассчитывал, может быть, лишь на Фавор,
Где, не зная гонений, поет звонкий хор?
Может быть, к красноречью твой слух лишь привык,
И тебе непонятен страданий язык?
Или руку свою не желал ты разжать,
Чтобы милостыню неимущему дать;
Иль, минуя Голгофу, попасть на Сион
Ты пытался, не слышать страдальцев чтоб стон?

Если так ты служил лишь Христу жизнью всей,
То, наверное, имя тебе — фарисей.
Коль тебя занимал этой жизни удел,
Значит, счастье свое в жизни ты проглядел,
Коль тебя испугала гонений гроза,
Значит, ты не смотрел Иисусу в глаза.
За Христа если не был ты в жизни гоним,
Значит, взором духовным не встретился с Ним.
Не познал ты Того, Кто могуч и велик,
Не увидел Христа ты прекраснейший лик.
Если встретиться все ж хочешь ты со Христом,
То открой и прочти 31-й Псалом.
В Божьем деле иметь будет тот лишь успех,
Кто свергает с себя запинающий грех.
С покаяньем пред Богом предстань ты в мольбе —
Сердце чистое, друг, Он подарит тебе.
Чистым сердцем возможно лишь Бога узреть,
Ты не будешь тогда, как звенящая медь;
Счастье, радость, надежду подарит Бог Сам
И тернистым путем поведет к небесам.

Церковь

Бурею бросаемая злобной,
Бедная, гонимая толпой,
Церковь, многоликий, бесподобный,
С чем сравнить возможно образ твой?

Ты — не храм, рукой позолоченный,
А запечатленный вод родник,
Образ дивный, кроткий и смиренный
Отражает твой прекрасный лик.

Ты черна, но все равно прекрасна,
Внутреннею красотой горя,
Образ твой раскрыт предельно ясно
В символах библейских, дщерь Царя.

С утренней зарницей ты сравнима,
С блеском солнца, с красотой луны,
Хоть в безбожном мире ты гонима,
Все равно грозны твои сыны.

Как полки, поднявшие знамена,
Смелые, как львы, идут они.
Ввысь небес их правда устремленна
От земной неправды в наши дни.

Ты грозна, но все ж, как голубица,
Ты кротка и с лилией долин
Можешь нежной прелестью сравниться
Возлюбил тебя небесный Сын.

Кровью искупив, назвав невестой,
Иисус — нарцисс Саронский твой —
Ждет тебя в обители небесной,
Сочетаться чтобы там с тобой.

Снимет черное Он покрывало,
В белоснежный облечет виссон,
Чтобы ты еще прекрасней стала;
Скорбь твоя минует, словно сон.

А пока в страданьях не случайно
По земле свой путь свершаешь ты.
Церковь Господа, из тайн ты — тайна,
Станут былью все твои мечты.

Ободрись же, Церковь, скоро-скоро
Сменится страдальческий минор

Переливом радостного хора;
Песнь венчальную споет тот хор.

Пострадать осталось очень мало —
Солнце правды светит впереди.
Для тебя воззвать пора настала:
„Иисус! Спаситель! Ей, гряди!“

Ирод

На иудейском престоле сидел незаконно царь Ирод,
Сам он — из идумеян, предком его был Едом.
К трону идя вероломно, число увеличил он сирот,
Титул же царский купил Ирод у римлян потом.

Вот почему он встревожился, слыша, что царь в Иудее,
В граде Давида рожден, и, опасаясь за трон,
Осуществиться возможность он дал кровожадной идее.
Горько рыдает Рахиль, слыша младенческий стон.

Горе тебе, о страна, если царствует деспот на троне!
Не пощадит он детей, старцев твоих не почтит
И не захочет печалиться о причиненном уроне.
Воины, жесткий закон — вот узурпатора щит.

Ирод, как мог дать приказ ты
избить Вифлеемских малюток?
Трон ты опять закупил, только какою ценой?
Имя твое стало символом казни кровавой, царь лютый,
Ты на века запятнал трон и весь путь свой земной.

Ты хоть и храм обновил и нарек себе имя — Великий,
Но перечеркнуто все кровью деянье твое,

И вифлеемских младенцев загубленных
сонм многоликий,
Ирод, осудит тебя; кровь их к Творцу вопиет.

Сколько великих в истории было, но маска величья
Снята со многих была в калейдоскопе времен.
Кровь проливая людскую, свое запятнавши обличье,
Сколько они погребли скромных, кротчайших имен!

Ваш пьедестал потонул, о, великие Ироды мира,
В реках невинной крови, в море страдальческих слез.
Ваше величество, завсегдатаи кровавого пира!
Как не похож на всех вас кроткий Владыка Христос!

Он не чужую — Свою пролил кровь, на кресте умирая,
Не оскорблен был Христом даже жесткий палач,
Слезы Он Сам утирает гонимым от края до края,
В радость блаженств обратив всех обездоленных плач.

Кротость уста заграждает и адскому даже злословью,
На обновленной земле склонится сильный пред ней.
О, разреши, Иисус, увлеченным Твоею любовью
Сердцем Тебя полюбить с каждым биеньем сильней!

Рождество

Золото, ладан и смирну мудрейшие люди Востока
Долго несли в Вифлеем, в дар для Младенца Христа.
И пред рожденным Марией
склонившись в смиреньи глубоком,
С верой потом отошли снова в родные места.

Символом царственности было золото,
ладан — священства,
В смирне же жертвенность,
смерть предвозвещались Христу.
В кротком Младенце вполне совмещались
все три совершенства,
Людям явил Он в Себе Бога Творца полноту.

Агнец, Священник и Царь Иисус, как с пустыми руками
Бедным, некнижным, простым к трону прийти Твоему?
Божий спасения план был скрываем от многих веками,
Ты же есть Путь, Истина, Жизнь,
Свет, просвещающий тьму.

Ты и спеленан был в яслях, родившись в убогой пещере,
Первый воспринял поклон Ты от простых пастухов,
Ты предпочел драгоценностям бедных,
но искренних в вере,
По благодати даря мир и прощенье грехов.

Друг, истомленный грехом, ни заслуг, ни даров не имея,
Сердце свое посвяти ты Иисусу скорей!
Только лишь Он сокрушает главу ядовитого змея,
Радость спасенья дарит любящий Царь всех царей.

Ясли

Сидя группой, как воробушки на прясле,
Первоклашки жаркий спор вели:
„Почему дом малышей назвали ясли?
В яслях кормят скот, а дети — цвет земли“.

Сын учителя сказал, что он всезнайка.
Он из первоклашек был, хоть ростом мал,
Но зато бренчал всегда, как балалайка,
Перед ним и сильный даже умолкал.

„Мы — от обезьяны, знать давно бы надо, —
Он кричал, гнусавя очень сильно в нос, —
Малыши похожи вместе все на стадо,
Стадо кормят в яслях — вот и весь вопрос“.

„Всех не причисляй, — другой речь начал рьяно, —
Никогда я не был в стаде обезьян,
Вот твоя-то бабка — точно обезьяна,
И в тебе, как видно, тот же есть изьян.

А меня как будто от Карелофина
Где-то в Заполярье мать приобрела,
Род происходил наш, видно, от дельфина:
Он ведь очень добрый, и во мне нет зла“.

„Стойте, братцы, стойте, — выкрикнул тут Федя, —
Я, как вам известно, родом сибиряк,
Мне удобней как-то в предки взять медведя,
А прапрадед мой как будто бы варяг“.

Там, где спор, обычно, возникает ссора.
Перетолковавши все наоборот,
Дети стали чистить тут „мозги от сора“:
Каждый кулаками защищал свой род.

К счастью, шла старушка мимо в эту пору,
И она, ответив детям на вопрос,
Прекратила драку, погасила ссору —
Дело в том, что первым в яслях был Христос.

Пусть не каждый вечер, христианской теме
Если б отводилось время у людей,

То узнали б дети — в яслях в Вифлееме
Иисус родился — лучший Друг детей.

Без излишних ссор, без драки, без печали
На вопросы очень многие б тогда
Дети правильно и скромно отвечали,
Но Христу нет места — в этом вся беда.

Пусть сегодня Дома малышей названье
Тайну Рождества раскроет людям всем.
О Христе кто хочет приумножить знанье,
Пусть спешит скорее к яслям в Вифлеем.

Воскресенье

Бабушку за доброту благодаря,
Внук решил отметить день ее рожденья.
Он перелистнул листы календаря
И был рад, что день тот будет в воскресенье.

„У отца, у мамы будет выходной,
В воскресенье в школу мне идти не нужно,
Посвятим его мы бабушке родной, —
Думал он, — и все ее поздравим дружно“.

Долго он смотрел на красное число,
Мысль сосредоточивши на воскресеньи.
„Что же в этот день произойти могло? —
Думал он, — он как-то странно назван всеми.

Понедельник — первый день, потом — второй,
Вслед за ним среда идет среди недели,
Там — четверг и пятница, здесь счет простой,
Ну, а где шестой с седьмым дни, в самом деле?

Вместо них — субботний и воскресный дни,
Непонятны для меня названья эти.
Вопросительные знаки лишь одни
Почему-то мне встречаются на свете".

Бабушку спросивши, внук про день шестой
Услыхал таинственные объясненья:
„В Библии субботой назван был покой,
Бог в покое был, закончив день творенья.

Раньше день субботний был священным днем,
Не шестым он, а седьмым был днем недели.
Чтущие субботу в этот день огнем
Даже освещать жилища не хотели.

А потом, по истечении времен,
Иисус, разрушив цепи тленья,
В первый день воскрес, весь мир был Им спасен —
Первый день недели стал днем воскресенья.

День воскресный стал теперь уже седьмым,
А седьмой день, внучек, день покоя.
Верных Иисус ведет путем прямым,
Всем оставлено свидетельство такое".

Если бы не Бог, неверьем бы давно
Вырвана была воскресная страница.
Воскресенье для свидетельства дано,
Пред Воскресшим должен мир земной склониться.

Новая эра

Учитель в классе из истории примеры
Привел и рассказал о том, что первый год

Для всех народов стал началом новой эры —
До новой эры счет ведут наоборот.

К учителю вопросов не было обычно,
Но ученик один, молчавший до сих пор,
Учившийся, как правило, всегда отлично,
Вопрос задал, и в классе загорелся спор.

„Какого гения достойнейшее дело
Могло весь ход истории перевернуть,
Ведь не сама же вдруг взяла и захотела
Стать новой эра“, — вот вопроса суть.

Учитель, выслушав, сказал: „Оригинальный
Ребром поставлен предо мной сейчас вопрос,
Сменил теченье лет не кто-то гениальный,
А, как бы вам сказать, мифический Христос.

Со дня Его рожденья начиналась эра,
Но это — предрассудки, это — только миф.
Христос такой же, как Афина иль Венера,
Как Зевс, Геракл, Озирис, Прометей, Сифиз“.

„Но если ради мифа эра наступила, —
Опять возик вопрос, — не лучше б, например,
Начаться ей с Геракла, Зевса — вот где сила,
Или с каких-нибудь Афин, Мегер, Венер?“

Тут кто-то выкрикнул: „Решение вопроса
Внесло нам ясность, как затменье солнца днем.
Давайте лучше уж от дедушки Мороза
Мы эру христианскую считать начнем!“

Смех в зале был подобен взрыву динамита,
И, если б в этот миг не прозвенел звонок,
Теория учителя была б разбита,
И даже сам Геракл ему бы не помог.

Неверья доводы прослушаем с улыбкой,
А вывод логики, как правда, ясен, прост:
Поближе — к вере, дальше — от трясины зыбкой;
Христос — не миф, а Божий Сын — вот весь вопрос.

Море

Кто в море не бывал, тот горя не видал —
Гласит давно пословица,
Ее хотелось бы поднять на пьедестал,
Ведь с мудростью не ссорятся.

Земная наша жизнь, греховный этот мир
Сравнимы с морем стонущим,
Романтика морей, как идол, как кумир,
Кому нужна? — Нетонущим.

Да, море с чайками, с ласкающей волной —
Картина поэтичная.
Иметь на море дачу — вот престиж земной —
Романтика столичная.

Но сокрушающий морской девятый вал —
Романтика трагичная.
У тех, кто только раз крушенье испытал,
Меняется жизнь личная.

Задумайся над смыслом жизни, человек,
Нельзя здесь быть невеждою.
Пора тебе найти спасительный ковчег,
Вооружась надеждою.

Ты не минуешь моря жизни все равно,
Ведь жизнь дается каждому,
Но только б в этом море не пойти на дно
Романтику отважному.

Плывущим в море нужно знать один секрет,
Свои отбросив мнения:
Ковчег — в житейском море, в нем же моря нет, —
Вот он — залог спасения.

Джунгли

Наслажденье огромное дважды
Испытал, видя джунгли вдали,
Путешественник, видимо, каждый —
Так сказать очевидцы могли.

Первый раз, увидав храм природы,
Над собой потеряв тут же власть,
Джунгли петь он готовился оды
И стремился скорей в них попасть.

А потом, если жизнь, как награда,
Оставалась ему: он вдвойне
Счастлив был, убегая из ада,
Долго помнил об этом он дне.

Мир греха, маскарадом порочным
Увлекающий в юности нас,
Это джунгли такие же точно,
Но опасней еще во сто раз.

Юный друг, если ты знак „опасно“
На пути повстречаешь своем,

Не рискуй тогда жизнью напрасно,
Не играй безрассудно с огнем.

Если знак тот уже обнаружен,
И в бессильи главой ты поник,
Твердо знай, что тебе очень нужен
В джунглях жизни Христос — проводник.

Евангелие

Сколько народностей разных на свете?!
Трудно сегодня их счесть,
Но должны слышать народности эти
Все о спасении весть.

Мудрость безбожная, ты чудесами
Ложными хочешь увлечь.
Гении мира почили все сами,
Смолкнет о них скоро речь.

Только Христос рассказать о спасении
Миру погибшему смог.
Тайну спасенья раскроет пред всеми
Строгий евангельский слог.

Книга святая, неверия стужа
Снова согрета огнем.
Веры, надежды, бесцельности ужас
Меркнет во свете твоем.

Мир без тебя будет тьмой беспросветной,
Книга с лазурных небес,
Путь укажи людям к цели заветной,
Чтоб мрак неверья исчез.

Христианской лире

На Эльбрус и Казбек муза мира
Увлекает звенящей строфой,
Ну, а ты, христианская лира,
Песнь о вечном Сионе пропой.

И Кавказ, и вершины Памира —
Только вехи в бесплодной мечте.
Расскажи, христианская лира,
О небесной, святой красоте!

Насмехается злая сатира,
Желчь разливши своих эпиграмм.
Не грусти, христианская лира,
Не уступим мы ей ни на грамм.

Ей неведом чертог из Сапфира
И не снился ей вышний Салим.
Всем скажи, христианская лира,
Что построен он Богом Самим.

Валтасара, Нерона и Кира
Там не будет на троне святом.
О, ликуй, христианская лира,
На Сионе Царь назван Христом!

Современнику

Кровь в виски бьет, как молотом,
Пульс клокочет — скор бег.
В мире с сердцем расколотым
Стонешь ты, человек.

Сила мысли могучая
Тебя манит в тайник,
Мозг больной тайной мучая,
Глубоко ты проник.

Расщепив ядро атома,
Приоткрыв тайны дверь,
Перед силою Фатума
Ты бессилен теперь.

Напитавшись секретами,
Ядом всяческих жал,
Оградившись ракетами,
Ты теперь задрожал.

Совещаньями, пактами
Очень трудно помочь —
Застращала мир фактами
Водородная ночь.

С грибовидного облака
Рот кривит демон зла,
Над землею он — бог пока —
Князю тьмы нужна мгла.

Люди мира, к погибели
Вас влечет зла печать.
Не пора ли по Библии
Жизнь свою вам начать?

Подпишите единственный
Вы спасенья декрет,
Иисус, Царь ваш истинный,
Знает мира секрет.

Мир, познав много лишнего,
Не поймет одного:
Весь секрет — люби ближнего,
Как себя самого.

Пусть же безотлагательно
Зазвучит мира гимн:
Что себе нежелательно,
Не желай и другим!

Не наградами бранными,
Где блестит грозный меч,
А Христовыми ранами
Мир возможно сберечь.

Под рукою пронзенною
Будет легче душе,
Мудрость же лжеименную
Нужно сбросить уже.

Заверенья рискованы,
Но пульс сердца стучит:
„Будут все перекованы
На орала мечи!"

Иисус в век безумия
Чистит верных сердца,
Зла безбожного мумия
Не минует конца.

Люди, бойтесь беспечности
И беспочвенных грез...
О, гряди, Царство вечности!
Ей гряди, Царь Христос!

Источник счастья

Изменяется, вертится, движется
По строжайшим законам весь свет,

Словом Божьим Вселенная зиждется —
Без Христа на земле счастья нет.

Городов было много в истории,
Но один лишь из них — Назарет
Приютить смог Того, о Ком спорили:
Без Христа на земле счастья нет.

Были в мире великие гении.
Век пройдет — исчезает их след.
Устаревшее будет в презрении —
Без Христа на земле счастья нет.

Мудрость века сего без Создателя
Принесла людям множество бед,
От нее так устала страдать земля —
Без Христа на земле счастья нет.

Мир, прогресс — всюду лозунги слышатся,
Но, как саваном, злом свет одет,
Все трудней человечеству дышится:
Без Христа на земле счастья нет.

С тем прогрессом болезнь прогрессирует,
Мир весь стал, как сплошной лазарет,
Без Творца люди стали, как сироты:
Без Христа на земле счастья нет.

Отвергается Бог, Христос, Троица,
Жить без Бога — дан людям совет,
А тюрьма за тюрьмой снова строится —
Без Христа на земле счастья нет.

Долготерпит людское глумление
Бог Творец, Свой припомнив обет.
Божье кончится долготерпение —
Без Христа на земле счастья нет.

Люди, хватит жить экспериментами!
Вы Христов променяли Завет
На венки с погребальными лентами —
Без Христа на земле счастья нет.

Обратитесь к Творцу, люди, с нуждами —
Он откроет вам счастья секрет.
О, не будьте к спасенью вы чуждыми!
Без Христа на земле счастья нет.

Бог лишь может быть центром стремления,
А не космос и сфера планет;
В Боге, люди, ваш мир, единение —
Без Христа на земле счастья нет.

В Нем спасенье от атомных ужасов
И залог, люди, добрых побед.
Закричите, набравшись все мужества:
„Без Христа на земле счастья нет!“

Сон

Мой край родной, тебя сегодня
Я посетил в полночном сне:
Как будто бы рука Господня
Свободу подарила мне.

Открылась вмиг моя темница.
Я — на свободе, сам не свой,
Родные вижу снова лица,
Не стережет меня конвой.

Я так мечтал пред заключеньем
Побыть с семьей в родных местах,

Услышать птиц свободных пенье,
Хвалу Творцу воздать в стихах.

И вот мечта сбылась: я вижу
Природы русской пышный пир,
Хор птиц многоголосый слышу,
Кругом блаженный, чудный мир.

Мы — все в ладье. В речной лазури
Легко скользит ладья у нас,
Закат не предвещает бури.
Какой благословенный час!

Душой, пресыщенной неволей,
Вдыхал родной я аромат,
Блаженной насладиться долей,
Конечно, каждый узник рад.

Вдруг все исчезло. Вижу снова
Свою тюрьму и, как в бреду,
Я, узник за Христово Слово,
Как будто сам в нее иду.

Вот камера моя пустая,
В ней размещают хлебный склад,
Меня как будто выпускают,
Дела мои пошли на лад.

Но тут настало пробужденье,
Исчез, как дым, прекрасный сон,
В душе неясное волненье —
Опять тюрьмой я поглощен.

Когда насытишь только чрево
Ты христианами, тюрьма?
Безбожного познанья древо
Обширно разрослось весьма.

Мой Иисус, я твердо верю,
Что очень близок Твой приход,
Тюрьмы заржавленные двери
Сдержать не смогут Твой народ.

Настанет миг освобожденья,
Любовь воздвигнет свой алтарь.
Приди, желанное мгновенье!
Гряди, Спаситель, кроткий Царь!

Лебединая песня

Я хочу поэтическим словом
Рассказать всем сегодня о тех,
Кто бессмертным ученьем Христовым
Победили неверье и грех.

Иисуса Христа возлюбивши,
Юных лет ароматный букет
Они людям отдали погибшим,
Им принесши евангельский свет.

Это было вдали от России,
Где буддизма сгустился туман,
Но десницею Божьей всесильной
Светоч правды зажжен был и там.

О небесной любви Иисуса
И величье пророческих книг
Возвестил своим братьям индусам
Проповедник Саду Сундар Синг.

Словно свечка, блеснув и растаяв,
Призывал он индусам помочь,

О Христе чтобы правда простая
Озарила буддистскую ночь.

И из искр пробудившейся веры
Был зажжен яркий факел Христом,
Снова в Индию миссионеры
Устремились в порыве святом.

Над страной весть благая звучала,
Но стоял неотступно вопрос:
Почему обратившихся мало,
Почему нет раскаянья слез?

Был в стране той поселок убогий,
Огражденный в пустынных местах,
Охранялся он стражею строгой,
Навевая панический страх.

Присылали туда то и дело
Пораженных проказой людей,
Гибли там прокаженные телом
И душою несчастной своей.

Та свирепая форма проказы
Истребляла людей день за днем,
Но они умирали не сразу,
Их трагизм ощущался во всем.

Вместо глаз были впадины с гноем,
Вместо губ — обнаженный оскал,
В страшных муках, со внутренним зноем
За суставом сустав отпадал.

Всюду струпья, зловонные раны,
Но остался к сердцам путь один:
Слух у многих из них, как ни странно,
Оставался совсем невредим.

Проповедники Божьего Слова,
Этот путь предызбрав к их сердцам,
Семя чистое правды Христовой
Стали сеять обильно и там.

Очень часто теперь в воскресенье
У раскрытых железных ворот
Призывное свершалось служенье,
Слушал весь прокаженный народ.

Речи стройные миссионеров
Звали к свету Христову из тьмы,
Приводилось там много примеров,
Хоры чудные пели псалмы.

Сил и средств не жалелось в то время,
Чтоб найти путь к несчастным сердцам,
Даже проповеди Билли Грейма
По трансляции слышались там.

Но увы! Ни один прокаженный
Не открыл в покаянье уста,
Тьмой буддистскою завороженный,
Лагерь глух был к призыву Христа.

Что же делать? В бессилии руки
Опустились у многих тогда,
Смолкли гимнов призывные звуки
Без ответа на зов, без плода.

Вдруг из Англии два юных брата
Прилетели внезапно туда,
Их принять была миссия рада.
Иисуса в младые года

Всей душою они возлюбили
И, оставивши дом и семью,

Улетели за многие мили,
Посвятивши Христу жизнь свою.

И к начальнику в лагерь прибывши,
Записались к нему на прием.
„Нас прислал Сам Господь,
Царь всевышний, —
Заявили они, — и во всем

Наша добрая совесть стремилась
Людям Божью явить благодать.
Да прославится здесь Божья милость,
Жизнь за гибнущих можно отдать!

Вновь к ногам припадая пронзенным,
Верим, чудо Бог может свершить;
Мы хотели б войти к прокаженным
И у них, проповедуя, жить".

И в каких ситуациях не был
Тот начальник, но эти слова
Прозвучали, как гром в синем небе,
Закружилась от них голова.

„Для меня вы — совсем еще дети, —
Он сказал, — юной жизни пути
Пусть пройдут лучше в розовом цвете.
Как же вам к прокаженным идти?

Ваш прекрасен порыв, вы отважны,
Но поймите хотя бы одно:
„Кто войдет к прокаженным однажды,
Тому вечно там быть суждено.

Все ходатайства будут бессильны,
Заразится проказою он,

Будет страшен, как призрак могильный,
Превратится жизнь в слезы и стон.

Если вас допущу я сегодня,
То все люди осудят меня,
Пусть на все будет воля Господня,
Ведь проказа страшнее огня".

Но взирали так нежно и кротко
Двое искренних, любящих глаз,
Их ответ, до предела короткий,
Прозвучал очень тихо в тот час:

„Вас никто не осудит, начальник,
Заявление наше вот здесь,
А за нас вы не будьте печальны,
Пусть звучит о спасении весть!"

При прощании юноши вместе
Поклонились в мольбе до земли
И с бессмертной евангельской вестью
К прокаженным в их лагерь вошли.

* * *

Час за часом летел, дни за днями,
Незаметно прошел целый год.
Озарилась живыми огнями
Тьма буддизма, и вот у ворот

Перед лагерем утром воскресным
Собран был целый сонм христиан;
То собрание стало известным
Дальним миссиям множества стран.

Снова весть о Спасителе дивном,
Разорвавшем цепь рабства и зла,

В необычном служеньи призывном
Грешных к жизни с избытком звала.

Здесь была перемена ролями:
Богу вечному славу воздать
Прокаженные вызвались сами,
Их достигла Христа благодать.

Чудо Божье! Весьма пораженным
Был бы даже и сам Сундар Синг,
Когда хор из одних прокаженных
За воротами встал, в этот миг

Песнь о дивном Христе, Божьем Сыне,
Вознеслась в неземную лазурь:
„Иисус, Ты источник в пустыне,
И оплот среди жизненных бурь.

Ты скала наша, крепость и сила,
Хоть идем мы суровой тропой,
Не страшна нам с тобою могила,
В небе ждет нас желанный покой".

Без органа и без дирижера,
Красоту Иисуса раскрыв,
В исполнении этого хора
Гимн звучал, как победный призыв.

Пенье слушали миссионеры,
Затаивши дыханье свое,
Сознавая, что к подвигу веры
И любви Иисус их зовет.

Все желали увидеть скорее
Тех, кто жертвенной жизнью своей
В прокаженных разбили неверье,
Им отдав красоту юных дней.

Вот они, удивительно скромно,
Ввысь направив восторженный взгляд,
С прокаженными в хоре огромном,
Как две звездочки в небе горят.

Лица юношей также прекрасны,
Страшных впадин на них вовсе нет,
Но зловещие пятна проказы
Уже свой там оставили след.

Может быть, их прекрасные очи
На друзей зрят последний уж раз,
Беспросветной, таинственной ночи
Должен скоро пробить уже час.

Юность розой увянет навеки,
Но ведь сорвана роза не зря.
В царстве мира, живые где реки,
Они сонмы спасенных узрят.

Расцветет юность розою вечной,
Не умолкнут в хваленьи уста
Лишь у тех, кто любовью сердечной
Больше жизни возлюбит Христа.

Хор умолк, тишина воцарилась.
Только громко стучали сердца,
Бог явил Свою чудную милость,
Дух Святой снизошел от Отца.

На глазах были слезы; рыданья
Словно гром пронеслись над толпой,
Преисполнилась чаша страданья.
„Иисус, быть хочу лишь с Тобой, —

Кто-то громко взывал в исступленьи, —
Посвящаю Тебе я все дни,

Как те юноши, в дивном служеньи,
Мое сердце разбили они".

Одно сердце раскрылось сначала,
А потом, как прибой, как волна,
Повсеместно мольба прозвучала —
Богу жизнь посвящалась сполна.

Чудо! Каялись миссионеры,
Жизнь с избытком желая иметь,
Удивительны эти примеры!
Без любви жизнь — звенящая медь.

* * *

Есть легенда в народе такая,
Будто лебедь пред смертью своей
Только раз, этот мир покидая,
Песнь прощанья поет для друзей.

Больше нет этих юношей милых,
Но их юности чистой лучи
Вспыхнут снова с удвоенной силой,
Песнь любви в небесах зазвучит.

Много песен последних пропето,
Многих верных друзей уже нет,
Но в сердцах, в светлых рифмах поэта
Остается прощальный их след.

Пред любовью склоняясь Господней,
К небесам мы направим свой взгляд:
Лебединые песни сегодня
В христианских сердцах пусть звучат!

Христиане, о будьте едины,
Жизнь проверьте свою вновь и вновь,
В ваших песнях святых, лебединых
Да увидит мир Божью любовь!

Окоем

Назвал горизонт окоемом народ очень метко и мудро.
У каждого — свой горизонт и знаний различный объем:
Одних взгляд прикован к земле, у других —
в полночь, вечером, утром —
Взор к небу направлен с мольбой —
у каждого свой окоем.

Любя мир земной, эгоист чтит, как идола,
счет свой текущий,
Детей не желая иметь, с женой существуют вдвоем.
Квартира, зарплата, комфорт —
для него это райские кущи.
О смерти не думает он — у каждого свой окоем.

Обменом белковых веществ
кто-то жизнь называет резонно.
Одни говорят: „Будем есть, при жизни послаще попьем,
Сгнием все равно все в земле“, —
а другие по тюрьмам и зонам
Свет правды Христовой несут — у каждого свой окоем.

Кто Бога возлюбит всем сердцем —
любить, как себя, сможет ближних,
Для счастья людей он живет, вмещая их в сердце своем.
За истину душу положит он без заверений излишних.
Он верой бессмертья достиг — большой у него окоем.

Поднимем же взор, братья, сестры,
к лазурной, заоблачной дали
И средь испытаний земных давайте о небе споем,
Чтоб люди во мраке неверья спасения свет увидали,
Расширился чтобы у них сковавший умы окоем!

Владыка миров, Бог любви,
удали яд вражды безрассудной!

Зажгутся пусть многих сердца
небесным священным огнем!
О люди, покайтесь в грехах,
ибо день приближается судный —
Зажать хочет вас, как в тиски, греховный земной окоем.

Прорвитесь же верою, люди, скорее за обруч железный,
Христос руки к вам распростер —
помыслите только о Нем.
Для вас Он давно приготовил
спасения дар безвозмездный.
О, как беспредельно велик Христовой любви окоем!

Новорожденному

О дитя, что ты плачешь, родившись на свет,
Когда все улыбаются мило?
Даже мама улыбкой тебе шлет привет,
Хотя в муках иссякла вся сила.

Что тебя испугать при рожденьи могло?
Говорят все, что жизнь — это счастье.
Видно, ты уже знаешь, что есть грех и зло,
И они рвут сердечко на части.

Ты уже во грехах зачиналось, дитя,
И оставило матери лоно,
Грех и зло победить не удастся, шутя,
Твои слезы — предвестники стона.

Но утешься, дитя, когда собственный плач
Истомит тебя в собственной жизни,
Подойдет к тебе смерть, как гуманный палач —
Жизнь окончится плачем на тризне.

Не рыдай, о дитя! Поступи лучше так,
Оставляя приют жизни зыбкой:
Пусть все плачут,
пусть сердце последний бьет такт,
Ты же свой смертный час встреть с улыбкой.

Трудно встретить с улыбкой последний час свой,
Если совесть безжалостно судит.
Пока жизненный светоч во тьме не погас,
Нужно помнить об этом вам, люди!

Имя Господа, друг мой, скорей призови —
Примет грешника Он без укора.
Запасись плодом веры, надежды, любви:
Поезд в вечность отправится скоро.

Алена

Березка русская. Два клена.
Трава в искрящейся росе.
Одна в слезах сидит Алена —
Ромашка белая в косе.

России сын, смотрю влюбленно
На небосвод я голубой,
Аленушка моя, Алена,
Мне плакать хочется с тобой!

О, если б верой убелена
Была душа твоя вполне,
То не томился б я, Алена,
В безбожной матушке-тюрьме!

Я — не преступник. Устремлена
В лазурь небес моя душа.
Алена, русская Алена,
Мне вольно хочется дышать!

Христовой кровью убеленный,
Я пел о синем небе песнь,
Чтоб ты, российская Алена,
Узнать могла — Бог вечный есть.

Шумели на ветру знамена,
Когда я песню пел свою...
За песнь любви, пойми, Алена,
Я пред мирским судом стою.

Россия, наша мать, скреплена
Союзом брачным, но с другим.
Бьет мать меня, сестра Алена,
За вдохновенный Божий гимн.

Ты не смотри так удивленно...
С небесным буду я Отцом,
Увенчивает Он, Алена,
Всех верных жизненным венцом.

Вокруг тебя пейзаж зеленый...
Греховный нужно сбросить гнет.
В тебя, всзгрустнувшая Алена,
Пусть веру Иисус вдохнет!

Березка русская. Два клена.
Смолк соловей, горланит грач...
Ты обо мне не плачь, Алена!
Родная, о себе поплачь!

Пленница

Военачальник древней Сирии однажды
С израильским царем вел долгую войну.
С большой добычей в Сирию шел воин каждый —
Военачальник в плен вел девочку одну.
Она просилась со слезами непрестанно
Домой, к родным, у полководца Неемана,
Но он задумал, чтобы из чужой страны
Была еще служанка у его жены.

Израильтянке-девочке пришлось в Дамаске
У Неемановой жены служить в плену.
В столице Сирии без материнской ласки
Она лишь вспоминать могла свою страну
И часто плакала: „О родина! О мама!
Как трудно жить в плену у Неемана!“
Но вера в Бога вечного и в ней жила,
Она ей помогла свершить любви дела.

Что сеет каждый, то пожнет, пускай не сразу —
Есть справедливый Бог, суд Божий тоже есть.
У Неемана обнаружили проказу:
За все дела его постигла Божья месть.
Проказа — страшный бич, тут ни цари, ни жены
Помочь не смогут. Как несчастен прокаженный!
Отличный воин, покоритель многих стран
Стал никому не нужен бедный Нееман.

Кто возлюбил Творца миров душою всею,
Тот милосерд к врагам —
Бог есть любовь, Бог — свет.
Идти на родину, к пророку Елисею,
Плененная пленителю дает совет.
И он идет, страдающий, смиренный,
Страны пророков покоритель покоренный,

Хоть вера в нем едва курилась, словно лен,
И все ж, поверив в Бога, он был исцелен.

Прошли века. Тысячелетья, пролетая,
Истерли пьедесталы сильных мира в прах,
Но вечно будет эта девочка простая
Как доброты пример в библейских жить стихах.

Иродиада

День рожденья у Ирода. Много гостей.
Пляской всех покорила дочь Иродиады.
Ирод тронут, пред всеми он клятву дал ей:
„До полцарства проси — ты достойна награды!"

Эта Иродиада путь жизни земной
С царским братом Филиппом
давно шла уж вместе,
А потом она Ирода стала женой —
Удостоен царь Ирод позорнейшей чести.

Иоанн, обличивший супругов, пророк,
Не взирал ни на троны царей, ни на лица.
Чист кристально он был,
в Божьей истине — строг;
По приказу царя его скрыла темница.

Угрызения совести Ирод гнал прочь.
Вместе с танцем
к жене пробудились в нем чувства,
Видно, очень красивой была ее дочь
И владела таинственной силой искусства.

Услыхав слово отчима, дяди, царя,
Тихо мать вопросила тогда танцовщица:
„Что просить? Танцевала я, видно, не зря —
Мне приветливо все улыбаются лица“.

Чувством мести исполнилась злая жена,
Погубить обличителя жаждет царица.
С адским блеском в очах тут шепнула она,
Чтоб главу Иоанна просила девица.

И плясунья при всех объявила царю
(Содрогнитесь, услышавши это, о люди!):
„Царь, полцарства твои я тебе же дарю,
Мне же голову дай Иоанна на блюде!“

Так погиб верный Богу пророк Иоанн,
До конца на посту оставаясь высоком,
Его чтут люди всех континентов, всех стран,
Потому что он был величайшим пророком.

Кротость мудрая вместе с красой — это клад,
Красота безрассудная — к аду дорога.
Злой женой утверждается в семьях разлад,
Но достойна хвалы жена, чтущая Бога.

Мама, — лучшего имени не отыскать,
К тебе дети идут с благодарным поклоном,
Но как страшно иметь кровожадную мать,
Пренебрегшую Богом и Божьим законом!

Иоанн

Иоанн, сын Захарии, Божий пророк,
Преподавший Христу в Иордане крещенье,
Для чего ты приблизил трагичный свой срок,
Преподнесши царю вместо роз обличенье?

Ты, наверное, просто забыл, что тот царь
Был сын Ирода, — значит, и сам он был Ирод.
Его трон, его руки, семейный алтарь
Не отмоешь душистым Божественным миром.

Пусть бы жил во грехах, ты же тут ни при чем —
Сам он взял греховодницу Иродиаду,
Жену брата. Зачем ты духовным мечом
Повелел расторгаться греховному аду?

Да, темница и смерть — твой трагичный финал,
Но ведь мог избежать же ты смерти кровавой?
Просто ты компромиссов с грехом не познал —
Святость Божья не дружит с греховною славой.

Видно, не обличать, Иоанн, ты не мог
И мириться с неправдой в служеньи примерном
Не желал ты, возлюбленный Богом пророк...
Как прекрасно, как трудно быть Господу верным!

Искушение

Благ земных себя лишая,
Сорок дней держал Он пост:
Был в пустыне искушаем
От диавола Христос.

Божий Сын, сошедший с неба,
Сатану чтоб побороть,
Взалкал наконец, и хлеба
Сильно возжелала плоть.

Тот, кто раз хоть в жизни личной
Чувство голода постиг,

Должен знать, как хлеб пшеничный
Вожделенен в этот миг.

Хлеба! Хлеба — нет иного
Чувства голод заглушить.
„Хоть кусочек, хоть ржаного!“ —
Просит плоть, желая жить.

Сатана Христа тревожит.
Будучи пред правдой слеп,
Говорит он: „Ты ж — Сын Божий,
Преврати же камни в хлеб!“

Признавая Господином
Лишь небесного Отца,
Сын ответил: „Не единым
Хлебом живы все сердца,

Но животворящим Словом,
Вышедшим из Божьих уст,
Преломленном в сердце новом“, —
Так Отца чтил Иисус.

К истине любовь большая
Силы даст идти в острог,
Там диавол, искушая,
Скажет верным: „Где ваш Бог?

Все страдания — не модны,
А притом ваш Бог — Бог сил.
Если вы Ему угодны,
Он бы вас освободил“...

Брат уставший, пусть тревога
Сердце не смутит твое:
Мы с тобой — рабы у Бога,
Дух диавол не скует.

С радостью — не со слезами —
Цепи сатаны звено
Рви, мой брат! Спаситель — с нами,
Пострадать — нам суждено.

* * *

„Если Ты Божий Сын, бросься вниз
с крыла храма, —
Искушая Христа, сатана начал речь, —
Ты нигде не преткнешься, святая охрана
Божьих ангелов сможет Тебя уберечь".

Но нападки на храм в Иерусалиме
Божий Сын, возлюбивший Отца горячо,
Как и прежде, постившись в пустынной долине,
Отражал Божьим Словом — духовным мечем.

Отвечал Иисус искусителю властно:
„Так написано, — это, диавол, ты знай —
Бога не искушай в своей жизни напрасно
И Меня, сатана, не искушай!"

Брат, гонимый за истину, наше служенье
Совершать Иисус нам поможет с тобой,
Если только слова „не введи в искушенье"
Мы возносим к Творцу с ежедневной мольбой.

Защитит нас Господь. На Него уповая,
Смело, брат мой, пойдем мы тернистым путем.
Богом попрана сила греха вековая,
Мы поддержку в разумном служенье найдем.

Но искать приключений средь молний и грома
Неразумно, мой брат, пусть же наша душа
Пред людьми и пред Богом
всегда будет скромной —
Бога мы не должны никогда искушать.

На высокой горе Иисус сатаной
Искушаем опять был, как прежде, лукаво,
В миг единый пред взором предстал мир земной,
Царства все и вся их проходящая слава.

Взор с тщеславием гордым направивши вниз,
Зашептал сатана аристическим тоном:
„Все отдам я Тебе, только мне поклонись,
Раз единый меня удостой Ты поклоном!“

Враг лукавый, прикрытый плащем гордеца,
Трон земной твой пред Господом был просто жалок.
Сын небесный, видавший величье Отца,
Поразил Божьим Словом тебя, как кинжалом.

„Так написано: Богу всегда одному
Поклоняйся пред Ним совершая служенье, —
Отвечал Иисус, — Я Отцу Моему
Поклонюсь и отдамся в распоряженье“.

Поясненья излишни, сестра, также брат,
Что прибавишь к словам и деяньям Христовым?
Ради неба земных не жалейте утрат!
Ради вечности сбросьте мирские оковы!

Истина

Истина, поразмышлять о тебе захотелось стихами,
К тайнам проникнув твоим в стройном течении строф.
Ужас бесцельности
меркнет в твоем глубочайшем дыханьи,
Ты перейти помогла через неверия ров.

„Ист“ — переводится есть.
Слово „истина“ значит „естина“.
Вечная суть бытия и непреложность Творца
В слове одном съединены. Природы живая картина
Мудрой красою своей чистые манит сердца.

Тщетно пытается кто-то Творца удалить из Вселенной:
Будет природа, как труп, без Жизнедателя вмиг.
Кто же Вселенной огромной
законов дал ряд неизменный? —
Этот глубокий вопрос истины верой постиг.

Есть у любого закона, по логике, законодатель.
Скрипка могла чтоб запеть, нужен всегда музыкант;
Есть у картины художник,
у каждой скульптуры — ваятель.
Разум приложен везде, с разумом — мудрый талант.

„Есть Бог Творец“, — должен каждый сказать,
поразмысливши много, —
Вывод логичен весьма, ясен предельно и прост.
Но не сдается неверье: „А кто сотворил тогда Бога?“ —
Слышен частенько теперь полуразумный вопрос.

„Ну а материю кто сотворил? —
спросит каждый, конечно, —
Если она — мать всему, кто дать законы ей смог?
Скажет неверье, что существовала материя вечно,
Но ведь логичней сказать: „Все сотворил вечный Бог“.

„Курицу яйца не учат“, — народ говорит очень метко.
Столяр был прежде, потом он смастерил табурет,
Столяра же не могла смастерить ни одна табуретка.
Разум первичен всегда — вот мирозданья секрет.

Истины свет воссиял по-особому с новою эрой.
„Я есть путь, истина, жизнь“, —
смог так сказать лишь Христос.
Бога Творца восприняявши в смиреньи разумною верой,
Истинно можно решить сущности жизни вопрос.

Бог есть любовь, Бог есть истина, истина дарит свободу
И от греха, и от зла; рабства и тленья в ней нет.
В радости жить и в любви нести веру живую народу,
Значит увидеть Творца вечный и истинный свет.

В истине жить так легко, а гоненья за истину — счастье.
Сердце в гоненьях твердит: „Воля да будет Твоя!“
Бога любить и людей, в их скорбях принимая участье, —
Это не трудно совсем — в этом весь смысл бытия.

Сбрось же, мой друг, грех и страх, не печалься,
что жизнь быстротечна
И не грусти, что виски уж серебрит седина,
Пусть не страшит тебя смерть:
наша жизнь, как и истина, вечна.
Цель бытия на земле в истине ясно видна.

Иосиф

Время, порою так хочется вспять
Бег повернуть твой в просторах Вселенной,
Чтоб увидали народы опять
Лик Иисуса — Младенца нетленный.

Перелистнувши страницы времен,
Без сожаленья сомненья отбросив,
Вижу Младенца — Им мир был спасен —
Рядом — Мария, а с нею — Иосиф.

В книге святой только несколько строк
Образ, Иосиф, нам твой озарили.
Все, что мог, сделал ты точно и в срок,
Плотник простой и хранитель Марии.

Ты удостоился первым из всех
На руки принять небесного Сына,
Ты прекратил злопыхателей смех,
Жизнь твоя — это святая картина.

Ты, как зеницу, Младенца берег,
Хлеб добывая своими руками,
Имя Ему — Иисус — Бог нарек.
В Нем тебя чтить будут люди веками.

Царь Иисус, среди скорбных дорог
Хочется сделать добра хоть немного,
Чтобы записано: „Сделал, что мог“ —
Было в моей книге жизни у Бога.

Мария

Не несу в Вифлеем дорогие дары я,
Но, спасенный Христом при кончине времен,
Ублажаю библейское имя Мария,
Как одно из прекраснейших женских имен.

О Мария, великой, Божественной чести
Почему удостоилась ты из всех жен?
Очевидно, огонь дивной, радостной вести
В твоем сердце смиренном всегда был зажжен.

Послушанием, кротостью, также мольбою
Жизни путь украшала в девичестве ты.
Ты, себя называя смиренной рабою,
Стала вечным примером святой красоты.

Вот поэтому был Иисус, Сын кротчайший,
Чрез тебя воплощен, благодатная мать,
Он спасения подвиг свершил величайший,
Смог прекрасней имен человеческих стать.

Как все люди, Мария была в плоти тленной,
Но, склонясь пред Христом, можно ей подражать;
Ей рожден сын Владыки великой Вселенной,
И за это ее будут все ублажать.

Лозьва

Глушь. Тайга. Предо мной живописная Лозьва
Разлилась, напитавшись потоками с гор,
Ввысь, к Творцу, устремилась сердечная просьба,
И горячей слезою подернулся взор.

Иисус, Ты мои исполняешь желанья,
Пред Тобой преклоняюсь в смиренной мольбе,
Пусть в кровавых мозолях теперь мои длани,
Но зато остаюсь верным только Тебе.

Не возьму я уж в руки чарующей скрипки:
Слишком тяжек и долог изгнания срок.
О друзья мои, ваши я помню улыбки,
За меня пусть из вас возьмет кто-то смычек!

Песнь во славу Творца не должна прекратиться,
Пусть другой допоет, если смолк чей-то глас.

Торопитесь, ведь жизнь пролетает, как птица,
Дорогие друзья, я прошу очень вас.

За рекою все зелено, манят пейзажи,
Опускаются там косяки журавлей,
Там кукует кукушка, продлив век мой дважды,
Соло с хором пернатых поет соловей.

Чуть листы шелестят. Их волшебная дрема
Погружает меня в элегичную грусть.
Пойма русская или, точнее, урема, —
Я все звуки твои изучил наизусть.

Красотой бесподобной природа богата,
За рекой так хотелось бы мне отдохнуть,
Но напрасно: холодная сталь автомата
Постоянно в мою направляется грудь.

Не стучи громко, сердце! Уймись, успокойся!..
Ты пресыщено, видно, житейской борьбой.
Слушай глас Иисуса, твердящий: „Не бойся!
Я утешу тебя и пребуду с тобой“.

В одиночке

Тюремная камера, мрачные своды.
О, сколько в тебе побывало народу?!
Теперь и меня, как сырая могила,
Во чреве бетонном от солнца ты скрыла.
Железный засов, отвратительно лязгнув,
Обдал мое имя тюремною грязью.
Умолкли прощальные звуки свободы,
Потянутся дни, словно долгие годы.
Взамен песнопений евангельских стройных
Я слышу безбожную ругань конвойных,
О, сколько теперь я ее слушать должен?!
Нет, так не могу! Где взять силы, о Боже?
Как птица, забилось испуганно сердце —
Куда теперь узнику бедному деться?
Мой взор воспаленный по стенам блуждает,
О, что это? Камера вдруг оживает:
И стены, и пол под седеющей пылью
В таинственных надписях узников были.
Все те, кто страдали вот здесь предо мною,
Казалось, встают пред тюремной стеною.
Рукой начертавши всего два-три слова,
Желают, воскреснув, жить в памяти снова.
О доля земная! Тюремные стоны!
Кто выдумал только насилья законы?!
Но им не сломить дух тюремною клетью,
Он вырвется к небу, к свободе, к бессмертью.
В углу на стене я прочел наставленье:
„Склонись пред Христом, милый брат, на колени“.
О Боже, какая же это награда,
Почтить память в вечность ушедшего брата!
Душа, окрылившись, поет: „Аллилуйя!“
Я встал на колени, ту надпись целуя,
А надпись как будто со мной помолилась
И тихо сказала: „Терпи, Бог даст силы,

Взирай в трудный час на Спасителя раны,
Страдать во все дни суждено христианам..."
Вся камера стала как будто милее,
Немного уютней и даже светлее.
Кусочек небес перед радостным взором
В тюремной решетке блестел ореолом.
В час трудный в тюремном, безрадостном ските
Меня посетил Дух Святой Утешитель.
Я верю, со мной Он пребудет все время,
Легко с Ним нести христианское бремя!

В отстойнике

Табачный дым, как сизая вуаль,
Окутал тусклое оконце.
Баян-решетка скрыла неба даль
И свет полуденного солнца.

Тяжелый запах, сумрак, духота,
Людей набито до отказу.
Как только новый привезут этап,
Их всех сюда бросают сразу.

И в эту массу втиснули меня
Внезапно, со свободы прямо,
Как будто гром средь солнечного дня
Над головой моею грянул.

Ругательств адских дикий перезвон.
В глазах темно... Стоять мне надо...
Быть может, это только страшный сон?
А может быть, преддверье ада?

Нет, это быль, и в этой были — мы,
Бранится кто-то, кто-то стонет...
В хоромах старой матушки-тюрьмы
Нас принял батюшка-отстойник.

Еще этап. И под всеобщий крик
Меня притиснули к окошку.
Теряю равновесье. В этот миг
Пахнуло воздухом немножко.

Молюсь: „Господь, дай сил, меня теперь
Прислал к преступному Ты люду,
Закрыта плотно на свободу дверь,
Но я Тебя здесь славить буду!“

Осматриваю незаметно всех:
Бандиты, воры, все убийцы...
Как жизнь людскую исковеркал грех!
Какие зверски злые лица!

Иной уж много раз идет в тюрьму,
Всю жизнь, весь мир кляня безбожно.
Как только главного все не поймут:
Зло злом исправить невозможно?

Иной здесь первый раз, но все равно
Тюрьма ему не будет проком,
Жестокость приведет его на дно,
В эссенцию людских пороков.

Христос, живой Христос так нужен всем,
Его евангельские строфы
Людей ведут сначала в Вифлеем,
Из Вифлеема — на Голгофу.

Там, на Голгофе, родилась она,
Христа невеста — голубица.
Его рукой в виссон облечена,
Что может в мире с ней сравниться?!

О Церковь, о тебе пою я песнь
И поэтические гимны,
Как хорошо, что на земле ты есть!
Во тьме горят твои рубины.

Ученый мир открыть сейчас сумел,
Хоть это многим непонятно,
Что будто у галактик есть предел,
А на светящем солнце — пятна.

Быть может, есть и пятна, но взгляни —
Дарует солнце свет лишь людям,
И мы во все свои земные дни
Светилом только любоваться будем.

На Церковь я взглянул сейчас из уз,
И голос сердца мне ответил:
Да, это истинный, святой союз
Единственный на всей планете.

О братья, сестры, как люблю я вас!
Пусть к вам летит мое признанье!
Вы для меня вот в этот трудный час
Есть слава Церкви и сиянье.

Про недостатки ваши я забыл,
Всем все простил, молю: „О Боже,
Даруй любимым братьям, сестрам сил
Мои грехи простить мне тоже“.

Хочу остаться верным до конца
И к высшей почести стремиться,

В небесной славе Сына и Отца
Хочу увидеть ваши лица.

Се гряду скоро

Господи, сколько трагических стонов
К небу несется от скорбной земли!
Люди под ношей греха многотонной
В зыбкой пучине неверия тонут,
О Милосердный, их воплям внемли!

Ветер неверья порывистей свищет,
Голода скоро година придет,
Каждый тогда понуждается в пище,
Только не хлеб и не воду все взыщут —
Божьего Слова возжаждет народ!

Юные девы от моря до моря
Спрашивать будут: „Благая где весть?"
Юноши, сильно убитые горем,
Будут ходить и одно только вторить:
„Истина не проходила ли здесь?"

Люди, проходит Господнее лето,
Скоро спасенья закроется дверь,
Есть еще верные истине где-то,
Громко звучит еще голос поэта:
„Грешник, покайся и искренно верь!"

Встаньте, глашатаи истины Божьей!
Слышите, слышите гибнущих зов?
Смело сражайтесь с неверьем и ложью,
С верой любая победа возможна,
С вами Христос, Он помочь вам готов.

С хлебом небесным встречайте бегущих,
Им расскажите о жизни иной,
В небе всех верных ждут райские кущи.
Пусть же льет дождь благовестия пуще
Над исстрадавшейся скорбной землей.

Будет диавол ввергать вас в темницы,
Чтобы ваш призыв никто не слыхал.
Верное сердце темниц не боится,
Весть и в тюрьме облетит, словно птица,
Всех погибающих в рабстве греха.

Может быть, кто-то число убиенных
Должен дополнить за имя Христа,
Кровь их тогда над земною геенной
Вспыхнет, как факел свободы священной,
Испепеляя неверье и страх.

Тем, кто, сгорая любовью к народу,
Души отдали за милых друзей,
Будет воспета небесная ода,
В царствии вечном Христовой свободы
Вручит венец им Сам Царь всех царей.

Моей спутнице

Помощница верная в жизни суровой,
Моих милых деток любимая мать,
Молюсь о тебе я, и теплое слово
Из зоны тюремной спешу написать.

Я вспомнил сейчас нашей жизни дорогу
С тех пор, как ты встретилась мне на пути,

Наделали в жизни ошибок мы много.
Так хочется вымолвить: „Боже, прости!“

Я жил по-мирски, причиняя обиды,
Без Бога текли мои юные дни.
„Господь, я молю Тебя вместе с Давидом
Грехов моей юности не помяни!“

Но вот дивный светоч ученья Христова
Во мраке неверья блеснул предо мной.
Я понял, что в Нем — моей жизни основа,
Лишь в Нем я найду радость, мир и покой.

Ты вместе со мною крещенье святое
Принять обещалась, как лето придет.
Я мыслил: как счастливы будем с тобою,
Как радостно примет нас Божий народ!

Но в радость подлил кто-то горечь полыни,
Сердечной тоски передать не смогу.
Я в Волжских потоках крещение принял,
Осталась лишь ты на другом берегу.

Прильнула душа моя к обществу верных,
Сиял там Христос — мой святой Идеал.
В семье я старался быть мужем примерным,
Но мало вниманья тебе уделял.

Хотя мы в достатке те годы прожили,
И первые дети родились у нас,
Но стали друг другу как будто чужие,
Наш светоч семейного счастья погас.

Не знаю, что с нами бы дальше случилось?
Я к Богу взывал в сокрушенной мольбе.
Вдруг Божья любовь, Его чудная милость
Уста в покаяньи открыла тебе.

Я помню, вся церковь в тот день ликовала,
Потоки молитв устремилися ввысь,
Когда воды чистые, как покрывало,
В крещеньи святом над тобою сошлись.

Уже восемь лет с того дня пролетело,
Мы все возрастали духовно с тобой.
Гонимая Церковь, Спасителя тело,
Шла узкою, скорбной, тернистой тропой.

Не все в эти годы у нас было гладко.
Лукавый бросал свои стрелы в нас вновь,
Но в скорби, в гоненьях, среди неполадок
Окрепла семейная наша любовь.

Семья возрастала. Уж семь пар ручонок
Тянулось, обнять чтобы маму свою.
Два мальчика, пять бесподобных девчонок
Составили дружную нашу семью.

Три года назад вдруг приехали братья.
Пред церковью встал очень важный вопрос:
Смелей нужно за благовестие браться,
Нести весть всем людям, как учит Христос.

Кому поручить это важное дело,
Кто в жертву отдаст себя, верность храня?
Я помню, как ты удивленно глядела,
Когда выбор все же упал на меня.

И жертвуешь мужем, сгорая любовью
К Тому, Кто Сам жертвою стал за тебя.
Совет не держала ты с плотью и кровью,
Решаясь в лишениях быть и скорбях.

С тех пор приходилось мне редко быть дома,
Зато в нем был самый сердечный приют
Для тех, кого нашей России огромной
Поля благовестия громко зовут.

В тебе уже не было больше сомнений,
Что только таким должен быть жизни путь.
Сердца наши бились единым биеньем,
За правду стоять и с пути не свернуть.

Молитвы твои со Христовой невестой
Всегда в благовестии были со мной.
Была ты девчонкой простой, деревенской,
А стала служителя верной женой.

Я Господу был благодарен безмерно,
Что наши кривизны Он все устранил,
Тебя уже многим я ставил примером,
О, слава Творцу! Наш Господь есть Бог сил!

Окрепла в гоненьях поместная церковь,
Пройдя чрез горнило страданий, скорбей.
По-прежнему было связующим центром —
Родное нам братство Совета Церквей.

От внешних в мой адрес летели угрозы,
Для этого много не надо ума.
И вот, не взирая на детские слезы,
Меня поглотила сырая тюрьма.

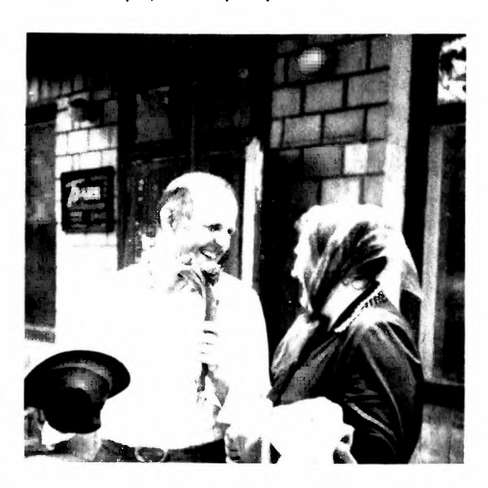
Теперь я в тюрьме возвещаю о Боге,
Стремлюсь погибающим правду сказать,
Иду за Христом по тернистой дороге,
Со мной Его милость, Его благодать.

Когда получаю твою передачу,
Как будто повеет теплом твоих рук,
А ночью тайком в умилении плачу,
Тебя и всех деток припомнивши вдруг.

Порою мне трудно в тюрьме, даже очень,
Но знаю, родная, тебе тяжелей.
Я чувствую, часто в бессонные ночи
Стоишь на коленях ты в келье своей.

Чрезмерно скорбеть, дорогая, не надо,
Воспитывай в истине деток своих.
На небе Спаситель нам вручит награду,
Ее мы поделим одну на двоих.

Приветствуй всех верных, поклон нашей маме,
Господь да продлит долготу ее дней.
Целуй милых деток, пусть Бог будет с вами,
Стой в вере, помощница в жизни моей.



У следователя

Дверь железная в камере вдруг загремела,
На пороге, как призрак, стоял часовой.
„Подсудимый, готовься к закрытию дела, —
Приказал он, — скорее, тебя ждет конвой!“

Собираюсь, а мысль устремляется к Богу:
„Помоги, подкрепи, вразуми, Дух Святой!
Я вступил на суровую жизни дорогу,
Ты пошли в мое сердце Твой мир и покой!“

Выхожу из тюрьмы. Дорогая свобода,
Солнце, небо, июньские ясные дни.
„Боже, правду Твою возвещал я народу,
И за это в наручниках руки мои!“

Подкатил воронок. Он такой же, как прежде,
Перекрасился только и стал чуть светлей.
Ворон, ворон, о, сколько разрушил надежд ты,
Сколько горя принес, разлучая друзей!

Моя спутница, детки, когда теперь с вами
Снова встречусь, чтоб вместе
пойти в Божий дом?
Ваши милые лица стоят пред глазами...
Машет ворон сердито железным крылом.

Вот и следователь. Он ведет себя смело.
В кабинете своем у него все права.
Предо мной он раскрыл уголовное „Дело“,
Что за мысли изложены там? Чьи слова?

Я знакомлюсь. В висках застучало невольно:
Неужели Иуда к нам в церковь проник?
Лишь при мысли о том стало сердцу так больно,
Что бессильно поник утомленный мой лик.

Мою слабость юрист моментально заметив,
Неожиданно задал коварный вопрос:
„Вы же жизнь отравляете юношам, детям,
Неужели и этому учит Христос?“

„Мой Христос — это жизнь, а Податель всей жизни
Не допустит никак отравленья ее.
Вы запутались сами в своем атеизме,
Вам покаяться нужно — вот мненье мое!“

Замолчал злой юрист с этой самой минуты.
Я читал показанья тринадцати лиц,
Все они на суде обвинять меня будут
И безбожно сплетать тенето небылиц.

Здесь в свидетелях только одни атеисты,
Но ведь им не раскрыть сути дела всего.
„Кто же будет свидетельствовать из баптистов?“ —
Я спросил и услышал в ответ: „Никого“.

Все они показанья давать отказались
В знак протеста, и всюду об этом трубят!..
Все равно ты в судейском окажешься зале,
Но тогда уж без них мы осудим тебя“.

Значит, тайно судить меня недруги будут.
Ну и пусть, не разбить моей веры гранит!
Не нашлось в нашей церкви поместной Иуды,
Значит, Церковь Христа очень прочно стоит.

Молодежи

Месяц май постучался в окошко
Одиночки тюремной моей,
Стало грустно на сердце немножко
Без родных, без любимых друзей.

На свободе цветет Украина,
Аромат разливая, как мед,
Гимн хвалы в честь предвечного Сына
Христианская юность поет.

О наследье Христа, ваши песни
Я в застенках тюремных пою,
Но душою я там, с вами вместе
В дорогом молодежном строю.

Хоть покрылись виски сединою,
Слабнут силы и годы не те,
С молодой христианской семьею
Буду юным всегда во Христе.

Пусть же гимны Христовой свободы
Зазвучат повсеместно, друзья,
Понесем правду Божью народу,
Нам смолкать, дорогие, нельзя.

Не страшат пусть вас тюрьмы сырые,
Не прельщает неверья обман.
Стойте, стойте в свободе, родные,
Дружный строй молодых христиан!

Ваша верность — вот мне утешенье.
Как хочу слышать вести о том,
Что опять в молодежном общенье
Души встречу имели с Христом.

Иисус

Иисус, Иисус, о Страдалец святой,
Дай взглянуть на прекрасный Твой лик,
Весь истерзанный гневной, жестокой толпой,
И познать, как в любви Ты велик.

Милосердный, за что Ты весь мир возлюбил,
Смерть позорную кротко принял? —
Это грех мой Тебя ко кресту пригвоздил,
Я Тебя, мой Спаситель, распял.

Я страдания глубже Твои познаю
Здесь, в тюрьме. Пусть Твоя благодать
Мне поможет исполнить всю волю Твою,
Чтоб я мог правду людям сказать.

Истекает из ран искупления кровь,
Оборвется вот-вот жизни нить.
Люди, люди, за вас умирает Любовь,
Чтоб спасение вам подарить!

Припадаю с мольбою к священным стопам,
Сердце трепетно бьется в груди.
На меня кровь святая стекает из ран,
А уста тихо шепчут: „Прости!"

Благодарность прими, Искупитель Христос,
Пред Тобой преклоняюсь в мольбе.
На Голгофе решен моей жизни вопрос:
Я всю жизнь посвящаю Тебе.

Посвящение

Из застенков тюрьмы на свободу
Улетай, поэтический стих,

И поведай святому народу,
Что мой голос еще не утих!

Хоть порою душа моя стонет,
Изнемогши в неравном бою,
Церковь Божья, стою я в проломе,
Сердцем гимны свободы пою.

Сторожей, кому в полночи трудно
На посту христианском стоять,
Ободрит пусть мой стих гласом трубным,
Чтобы дух их воспрянул опять.

Дорогие друзья, ободритесь,
С Богом свой обновите завет.
Спящий, встань как пробужденный витязь!
Близок правды Христовой рассвет.

Моей сестре В. Н.

Никогда для тебя не писал я стихов,
Мы лишены с тобой переписки,
Но сегодня пишу и заплакать готов
О тебе, и далекой, и близкой.

Мне припомнилось детство, родительский дом,
Наша мама, с любовью во взоре
Нас учившая жить с Иисусом Христом
И делить с Ним и радость, и горе.

Рано в вечность ушла наша милая мать.
Жизнь ее подражанья достойна.
На могилу мы в детстве ходили рыдать,
Преклоняя колени невольно.

Наше детство прошло, дорогая сестра,
Пролетели и юность, и зрелость.
Осень жизни — печальная очень пора —
Growth Сединою в виски наши въелась.

Не пора ль подвести нашим жизням итог
И реально остаток дней взвесить?
Пред тобою излить свою душу я б смог,
Если б были с тобою мы вместе.

Но опять мы в разлуке. Сегодня тайга —
Мой приют, а потом — крайний Север,
Но не сломят изгнанья, морозы, снега
Тех, кто Господу хочет быть верен.

Видно, нам на земле не обняться с тобой:
Не сулят атеисты нам встречи.
Я за правду иду на решительный бой —
О свободе не может быть речи.

Я, узнав, что тебя поразила болезнь,
Погрузился в раздумье невольно.
Неужели прервется твоей жизни песнь?!
Сердцу стало, родная, так больно!

Неужели тебя я в рядах христиан
Никогда не увижу, родная?
За тебя же пролил кровь святую из ран
Иисус, на кресте умирая.

Вот поэтому стих написать я спешу.
Дай Господь, чтоб последним он не был!
Когда будешь читать ты его, то прошу,
О сестра, подними взор свой к небу!

Посмотри, как прекрасна небесная синь!
Чтоб быть в небе, покаяться нужно

И крещенье по вере принять, и „аминь“
С тобой скажет тогда церковь дружно.

Отдай сердце Христу, и тогда не страшна
Будет нам в этой жизни разлука.
Пусть бушует неверия вьюга,
С верой чашу скорбей мы осушим до дна
И там, в небе, обнимем друг друга.

„Сердце сестры — это алмаз чистоты, бездна нежности“ *(Оноре Бальзак „Отец Горио“)*

За перо вновь берутся персты,
Вдохновеньем душа окрылена.
Твое сердце — алмаз чистоты,
Бездна нежности в нем заключена.

Кто так искренно любит, как ты?
Кто поймет меня так углубленно?
Твое сердце — алмаз чистоты,
Бездна нежности в нем заключена.

Средь безбожной мирской суеты,
В сфере зла и пустого трезвона
Твое сердце — алмаз чистоты,
Бездна нежности в нем заключена.

Хоть слова твои очень просты,
Но любовь в них обильно вкраплена.
Твое сердце — алмаз чистоты,
Бездна нежности в нем заключена.

Внешне мало в тебе красоты —
Ты душевной красой наделена.
Твое сердце — алмаз чистоты,
Бездна нежности в нем заключена.

Осень жизни уносит мечты,
Лист спадает с житейского клена.
Твое сердце — алмаз чистоты,
Бездна нежности в нем заключена.

Рвутся в жизненной книге листы,
Сединой голова посребрена.
Твое сердце — алмаз чистоты,
Бездна нежности в нем заключена.

Запоздалых признаний цветы
Пред тобою, сестра, преклонены.
Твое сердце — алмаз чистоты,
Бездна нежности в нем заключена.

Достигай той святой высоты,
Где ты будешь в виссон облечена.
Твое сердце — алмаз чистоты,
Бездна нежности в нем заключена.

Сестре Л.

Ты носила меня на руках в раннем детстве,
В голод часто свой хлеб отдавала ты мне.
Приходилось встречать много всяческих бедствий,
Дорогая сестра, нам в родной стороне.

Я был младшим в семье и, сказать нужно прямо,
Без тебя было б трудно мне на ноги встать.
Рано в вечность ушла наша милая мама,
Но ты мне заменила любимую мать.

Ты меня из всех братьев любила особо,
Я заботу твою испытал на себе.
С личным счастьем расстаться была ты способна,
Лишь бы быть со мной рядом в житейской борьбе.

Иисуса спасенье познавши однажды,
Ты решилась идти за Ним скорбным путем.
Я с Ним встретился тоже; рожденные дважды,
Подражать Иисусу мы стали во всем.

Я семейным стал вскоре — забот стало много.
За добро добротой я мечтал заплатить,
Но моя пошла вскоре по тюрьмам дорога,
И я мог лишь надеяться, верить, любить.

Мои дети почти что сиротками стали,
И именьем своим ты служить стала им.
Узник я до сих пор и из северной дали
Шлю, сестра, тебе стих — за Христа я гоним.

Постарела ты сильно, совсем поседела,
Дорогая, тобой столько пролито слез,
Но свершать христианское доброе дело
Дает силу тебе Искупитель Христос.

Я ценю тебя очень и добрых даяний,
Дорогая сестра, позабыть не смогу,
Только мне суждено быть в долине страданий,
Пред тобою до гроба я буду в долгу.

Вероятно, не быть уже мне на свободе,
Но я духом свободным останусь и здесь.
Я хочу быть светильником в русском народе
И до смерти нести о спасении весть.

Не печалься, родная, страдать нам не долго!
Надоест людям ползать в неверьи и зле.
Не забудем пред Богом священного долга,
Чтоб скорей воцарился Христос на земле.

Обо мне слез не лей — моя в небе награда.
Там заменится радостью узника стон.
В благодарность за все ты от узника-брата,
О родная, прими самый низкий поклон.

Сыну П.

Мой сын родной, тебе у колыбели
Я много лет назад писал с мольбой
Послание, предвидя, что метели
Гонений злых разлучат нас с тобой.
Так и случилось, сын: тебя одела
Царица-юность в дорогой наряд.
А у меня в изгнаньи поседела
Вся голова. Я много лет подряд
Являюсь узником за Иисуса.
Нас разлучил безбожный суд, сынок.

На Севере моя взгрустнула муза,
Ведь впереди разлуки долгий срок.
Мечтал я все накопленные знанья
Тебе, мой сын, с любовью передать,
Чтоб вместе строить Церкви Божьей зданье,
Воспринявши Христову благодать.
Но я не смог, мой сын, верней, не дали
Безбожники исполниться мечте;
И вот из северной таежной дали
Пишу тебе я, узник во Христе.
Не устрашись, мой сын, креста Христова
И узника-отца не устыдись!
Сроднимся дважды, сын, чрез Божье Слово
И, в голубую устремляясь высь
От мира лицемерного и злого,
Свет правды людям вместе понесем!
Порывы сердца своего младого
Отдай Христу! Ему всегда во всем
Ты доверяйся, сын, Его лишь слушай,

Ему во всем старайся подражать!
Сей, сын, не в плоть, а в дух, в живую душу,
Тебе чтоб тленье после не пожать!
Мой сын любимый, сложные вопросы
Нам нужно бы решать с тобой двоим,
Но злых гонений вьюги и морозы
Лютуют снова над отцом твоим.
Но воцарится правда на планете —
Мой сын родной, ты этого держись!
Пусть на вопросы все тебе ответит
Моя Христу порученная жизнь.
Спят узники. Уже двенадцать ночи.
Отцовским сердцем трепетно любя,
Пишу тебе послание, сыночек,
И поручаю Господу тебя.

Друзьям

Перерыв на обед — полчаса.
Замкнут узник в колючем загоне,
Но вверху надо мной — небеса,
Дух свободен и в лагерной зоне.

Он стремится в родные места,
Не догнать его птице летящей.
Церковь Божья, невеста Христа,
В единеньи с тобой — мое счастье.

Я хочу вам, друзьям дорогим,
Посвятить стихотворные строки,
Вместе с вами о Церкви спеть гимн,
Хотя вы от меня так далеки.

Дорогие, пишу Вам письмо —
Без чернил, пояснить хочу сразу.
Сердце сердцу все скажет само.
Я навеки к Вам сердцем привязан.

Мы в гонениях стали родней,
Удалясь от безбожных наитий.
До конца наших жизненных дней
Бог удержит судьбы нашей нити.

Кто свое все богатство отдал
За прекраснейшую из жемчужин,
Тот постиг красоты идеал,
Мира блеск для того стал не нужен.

Иисус, будь всегда все во всем
Для гонимых средь злобного мира.
Да, идем мы тернистым путем,
Но мажорно звучит наша лира.

Седьмой уж раз Дина свои именины
Встречать будет снова без папы родного —
За имя Христа он гоним.
В тайге он далеко, где ворона клекот,
Где рядом нет брата, где сталь автомата
Усиленно следит за ним.

Хотя у разлуки длиннющие руки,
Но им невозможно там, в зоне таежной,
От Дины скрыть папу совсем.
Придет время — вьюга с полярного круга
Умчится в бессильи за многие мили;
Весна придет в полной красе.

С весной к Дине папа вернется с этапа.
Пусть каркает ворон, но радостным хором
Гонимые гимн воспоют
И звонче, и шире в мятущемся мире.
В страданьях чрезмерных
хранит Бог всех верных,
Их в небе ждет вечный приют.

Я молюсь о тебе, во Христе Назарянине
Не по плоти — по духу родная сестра.
Бриллиант Божьих милостей
светлыми гранями
Да направит к тебе луч надежды с утра.

Ты теперь, как и я, за стеною колючею.
За Христа нам с тобою страдать суждено,
Зло надвинулось снова свинцовою тучею,
Но в проломе нам нужно стоять все равно.

Верной истине будь, невиновная узница,
Не закроет неверье твоих нежных уст.
Дышет жаром горнило, беснуется кузница —
Не смущайся! Тебя сохранит Иисус.

Понести свет спасенья
несчастным преступникам,
Дорогая сестра, Иисус вверил нам.
Пусть Он будет твоим
нежно-любящим Спутником,
С Ним все межи пройдут
по прекрасным местам.

Прочь печаль! Дорогая, духовных союзников
У тебя будет больше теперь, о поверь!
В нашу семью за правду страдающих узников
Мы достойно тебя принимаем теперь.

Чаша жизненных дней наших где-то надколота,
Но пройдут годы жизни у верных не зря.
Из горнила скорбей верный выйдет, как золото,
Для него заблестит вечной жизни заря.

Ночь кончается. Утро. С молитвами ранними
Обратиться к Владыке вселенной пора.
Я молюсь за тебя во Христе Назарянине
Не по плоти — по духу родная сестра.

Сестре-узнице

Мы с тобою для счастья созданы.
Нам бы гимны воспеть прекрасные,
Но удел наш — с волнами грозными
Биться насмерть, по тюрьмам странствуя.

Мы с тобою сердцами жаркими
К Иисусу на грудь склонилися.
Пусть мы не были очень яркими,
Но явил нам Бог много милости.

Мы устами, а также письменно
Звали грешников к Искупителю.
Нас к злодеям теперь причислили,
И тюрьма стала нам обителью.

Орхидеями и геранями
Расцвести б средь удушья грешного,
Преломить бы сердечными гранями
Для замерзших луч солнца вешнего!

Стать бы каплей дождя кристальною
Иль криницей воды живительной,
Чтоб преступника душу печальную,
Напоив, обратить к Спасителю.

Трудно быть средь волков овечкою.
Стонет сердце порой от ужаса.
Боже! Сил дай во тьме быть свечкою,
Помоги нам набраться мужества!

Пусть не факелом, а лучиною
Освещаем мы тьму кромешную —
Прозвучит над ревущей пучиною
Гимн спасенных мелодией нежною.

Ничего, что мы небо лазурное
Видим в клетку — оно будет познано.
Счастье есть, и мы жизнь нашу бурную
Не сменяем на жалкое ползанье.

Мы с тобою для счастья созданы.
Завершится земное странствие.
В небе верные станут звездами —
С ними гимны споем прекрасные.

Сестре в день возвращения из уз

Ты вернулась, сестра?! Церковь рада
Принимать возвращенных из уз.
Венец жизни — всем верным награда,
Его вручит им Сам Иисус.

В хор вставай и побудь на Фаворе,
Ты устала в борьбе — отдохни.
Только долго нельзя: снова вскоре
Встретят нас испытания дни.

Быть в проломе — вот верного место.
Кто-то должен стоять на посту.
Ты устала, Христова невеста,
Верной будучи только Христу!

Не грусти, что дни жизни проходят,
Что теряем лета мы, как звук,
Стой в дарованной Богом свободе!
Иисус — неизменный твой Друг.

Защитит Он тебя и утешит,
И отрет слезы горькие Сам.
Ты ж в молитве скажи: „Мои межи
Шли по самым прекрасным местам".

Трудно так говорить, вспомнив нары
И тюремный ужасный притон,

Где безбожное действие кары
Исторгает из узников стон.

Но ведь голос Спасителя слышен,
Дорогая сестра, там ясней.
В посылаемой помощи свыше
Мы любовь познавали, а в ней

Красота Иисуса светилась,
И мы вновь по Его шли стопам.
Все страданья — особая милость
Иисуса Спасителя к нам.

Породнилась теперь навсегда ты
С семьей узников ради Христа.
В ней скорбями все очень богаты,
Но, с себя не слагая креста,

Они с радостью истины знамя
Через зоны изгнанья несут.
Никогда христианское пламя
Не угасит безбожников суд!

Иисусу служа своим даром
И познав, как тяжел скорбный путь,
Ты люби всех приписанных к нарам
И в молитве о них не забудь.

Снова верность яви в Божьем деле,
Не теряй драгоценных минут.
Нивы Божьи совсем побелели
И работников опытных ждут.

Орленок

От стоял, волосенки трепал ветерок,
Очень худенький, милый мальчишка,

Для него диктовался суровый урок
Не по школьным, по жизненным книжкам.

В христианском общенье сегодня был он,
Гимны пел в майский день на просторе,
Его дискант чистейшим звенел серебром
В многосотенном радостном хоре.

Он витал своей детской прекрасной душой
В голубом, белооблачном небе
И тихонько шептал: „Боже, как хорошо,
В жизни счастлив я так еще не был!“

В океан детских дум он был так погружен,
Что не слышал, как в пение гимнов
Шум моторов вдруг врезался с разных сторон
Диссонансовым, сумрачным клином.

Он очнулся от дум... Что за люди кругом?
Их кокарды на солнце блестели,
От машин много штатских бежало бегом,
Значит, будет разгон, неужели?!

Он подумал: с отцом что-то будет сейчас,
К нему недруги лезли упрямо,
На мгновенье отцовский услышал он глас,
Вслед за тем гимн любви громко грянул...

А потом что-то страшное вдруг началось...
Словно эхо трагической были,
Показали безбожники всю свою злость,
Рвали волосы, руки крутили...

Затащили в машины, в автобусы всех,
Не взирая на вопли и стоны;
Все святое они поднимали на смех,
Будто подвиг свершали огромный.

От машины к машине мальчишка бежал,
Вмиг разбились мальчишкины грезы;
Скорбный взор христиан лишь его провожал, —
Это Церкви Христа были слезы...

Он отца через несколько длинных минут
Разыскал в окруженье безбожном:
„Может, папу, — он думал, — они не возьмут
С ним вернуться домой вместе можно?"

Но увы! Окружили отца неспроста...
Так хотелось бежать прямо к маме.
Вдруг, прорвавшись сквозь строй,
он с отцом рядом встал
С твердой верой, как маленький камень.

Взял он руку отца, к ней прижался, как мог,
Крепко-крепко, что было силенок,
И услышал: „Тобой я доволен, сынок,
Верный мой христианский орленок.

Помни Господа, сын мой, запомни отца
И гонителей злобные лица,
Мы за правду должны постоять до конца,
За гонителей наших молиться".

У мальчишки меж русых изгибов бровей
Залегла, как у взрослого, складка...
Он отцовскую руку сжимал все сильней,
И не смог в этот миг не заплакать...

Посмотрел он отцу в дорогие глаза,
Все понятно ему сразу стало,
На отцовскую руку, как искра, слеза
Не из глаз, а из сердца упала.

Кто-то грубо от сына отца отстранил,
Повели его, в спину толкая...
Не рыдай, мой орленок, крепись что есть сил! —
Христианская доля такая!

Атеисты, о где только ваши сердца?
Куда совесть могла ваша деться?
У мальчишки забравши родного отца,
Вы забрали мальчишкино детство.

Сотруднице изд-ва „Христианин"

Девушка русая, с длинной косой,
С чистым, задумчивым, искренним взглядом.
Как оказалась в тюрьме ты сырой?
Как можешь с миром преступным быть рядом?

Помнишь ли чувства, весенний разлив?
Юноша был у тебя очень милый,
Ты же, сдержавши к нему свой порыв,
В секту баптистов зачем-то вступила.

Что у баптистов прельстило тебя?
Крест на Голгофе и блеск на Фаворе
Или же просто, искусство любя,
Петь пожелала в прекрасном их хоре?

Пела в том хоре ты несколько лет,
Даже солисткой в последний год стала.
Вдруг все оставила... вот где секрет,
Может быть, хора тебе было мало?

Мать покидая, друзей и подруг,
С торной тропы ты идешь в бездорожье.
Ну, для чего захотела ты вдруг
Тайно печатать в глуши Слово Божье?

Мало того, проходили года,
В жизни твоей кто-то принял участье;
В церковь могла ты вернуться тогда,
Чтобы устроить семейное счастье.

Ты же в тот час в сокрушенной мольбе
К Богу взывать стала с верой сердечной,
Если труда срок продлится тебе, —
Значит, и счастье твоей жизни вечно.

Срок твой продлился. В духовном строю
Воином верным была ты все время,
Но загубила всю жизнь ты свою,
Ну, для чего ты взяла это бремя?

Вот и расплата за тяжкий твой труд:
Камера жуткая с мрачной решеткой.
Тюрьмы тебя в порошок изотрут.
Ужас! Подумай, наделала что ты?

В зоне увянет твоей жизни цвет,
Иней в висках — вот тебе вся награда...
Девичьи губы шепнули в ответ:
„Большего счастья мне в жизни не надо!

Жертвою стал для меня Иисус,
Буду святить Его славное имя.
К небу пусть гимн вознесется из уз:
В жертву Спаситель всю жизнь мою принял!“

Растоптанная тетрадь

Руками он сдавил виски седые.
На месте как стоял, так и застыл...
О юность, юность! Годы золотые,
Блаженный мир, как дорог ты, как мил!

Он вспомнил юность, в ореоле света
Летели незабвенные года,
Хотел он пылкою душой поэта
Запечатлеть полет их навсегда.

Он был поэт, хотя и неизвестный,
Свои стихи он не писать не мог.
Орлу летать по клетке очень тесно,
Душа его рвалась туда, где Бог.

Стихам биенье сердца он доверил,
Пел о любви, о небе и о том,

Как в юности, души открывши двери,
Духовным взором встретился с Христом.

Года минули. Люди всей планеты
Стремились ввысь и в глубину земли,
Но только Иисусу в жизни этой
Уж очень мало места отвели.

Он поседел. Родители почили...
Так закружила жизни суета,
Но юные порывы не остыли,
Искрилась в сердце трепетном мечта.

За те стихи хотел он взяться снова,
Чтоб юность сединой посеребрить,
Сказать последнее напутственное слово
И христианской Церкви подарить.

Он начал труд, уже готов был опус,
В стихах воскресли юные года,
Но вдруг машина... люди в штатском, обыск...
Мечта заветная исчезла навсегда.

Духовный труд забрали моментально.
Он так стихи просил вернуть назад,
Но их с литературой „нелегальной"
Конфисковал бесчувственный наряд.

Душе так тесно стало в плоти бренной:
Полжизни уносили люди те...
Закрылась дверь, завыл мотор сиреной,
Как реквием несбывшейся мечте.

Сказать тебе, страдалец, в утешенье
Никто из смертных ничего не смог,

Твоей души возвышенной волненье
Лишь успокоит всемогущий Бог!

Ты мир души хотел раскрыть пред всеми,
Тебе не дали, ты не виноват,
Но в нашу поэтическую семью
Ты входишь полноправно, милый брат.

И всей семьей мы просим Христа ради,
Пока порыв сердечный не утих,
Взамен своей растоптанной тетради
Ты напиши один — железный стих.

Скажи в нем, что безбожья протоколы
Так омрачают радость наших дней,
И пусть его небесные глаголы
Огнем любви зажгут сердца людей.

„Никто“

В 10 „б“ сегодня оживленье,
Принарядился каждый, кто как мог.
Все ожидают в трепетном волненье,
Когда последний прозвенит звонок.

Прочувственно сказавши пожеланье
И вдаль направив мысленную нить,
Учитель перед классом на прощанье
Вопрос поставил: кто кем хочет быть?

Как будто этого все ожидали,
Заволновался оживленно класс,
Звала всех юность в розовые дали,
Хоть вместе помечтать в последний раз.

Здесь: космонавты, гиды, музыканты,
Актрисы, поэтессы и врачи;
Раскрылись всевозможные таланты,
Но почему один из всех молчит?

Он встал. Застенчивый, в одежде скромной,
И телом, и душой предельно чист.
Над ним всегда стоял вопрос огромный,
Все в классе точно знали, он — баптист.

Класс тотчас стих, а юноша с улыбкой
Ответил просто слушающим всем:
„Непостоянно все здесь в жизни зыбкой,
Поэтому я быть хочу никем.

Любую я приму от жизни долю,
За Иисуса буду я гоним,
Но исполнять Его желаю волю,
Чтоб в небесах быть вечно только с Ним.

А чтобы мне исполнить волю Божью,
От воли отрекаюсь я своей;
И верю, Дух Святой мне Сам поможет
Быть верным Богу до кончины дней.

Хочу, чтоб „я“ плотское растворилось,
Чтобы исчезло и сокрылось в Нем,
Хочу в святую погрузиться милость,
Чтоб Иисус во мне был все во всем.

Я верю, что достигну совершенства,
Чтоб я не жил, а жил во мне Христос —
Вот в этом будет высшее блаженство,
Вот мой ответ на заданный вопрос...“

Молчит весь класс, на лицах удивленье,
Учитель раздраженья скрыть не смог,
Он высказался резко перед всеми:
„Да ты неисправимый демагог!

Нет, нашей юности твой дух несвойствен,
Ты чужд дерзаний и больших начал,
Ты в нашей жизни будешь только гостем“, —
Но юноша в ответ молчал.

Роза

Роза прекрасная, в рифмах сонета
Знойным дыханьем цветущего лета,
Блеском росинки в зарнице рассвета
За красоту, аромат ты воспета
Пылкой душой и мечтою поэта.

Роза, я узник, и в келье убогой
Душу сжимают решетки острога,

Но ты со мной, как дыхание Бога,
Узника, роза, обрадуй немного,
Слишком смущает страданий дорога.

Роза, смотрю на тебя я, и снова
Судьи встают с приговором суровым,
В зале суда я за имя Христово.
„Верность до смерти — вот жизни основа“, —
Так я закончил последнее слово.

Судьи, как камни, на лицах угроза,
Веет от них лишь тюремным морозом.
В зале суда кто-то тихо льет слезы...
Вдруг, словно сон, словно сладкая греза,
Кто-то мне бросил пахучую розу.

Роза, сегодня мы в камере вместе.
Ты увядаешь, но дивные песни
В блеске аккордов созвучьем чудесным
В сердце звучат о Христовой невесте,
Будь же ты песней,
мой скорбный путь крестный!

Пусть я не выдержал формы сонета,
Лишь бы мне знать, что носители света
Стойко за правду сражаются где-то;
Лишь бы иметь на молитвы ответы
И исполнять Иисуса Заветы!

Свидание

Семь личиков детских сейчас предо мною,
От них отделен я стеклянной стеною.
В глазах, полных горьких, страдальческих слез,

Застыл надрывающий сердце вопрос:
„Наш папа, расстанься скорее с тюрьмой,
Когда же вернешься ты к деткам домой?

Мы будем послушны, приветливы, кротки,
Без папы нам плохо, мы словно сиротки,
Соседи так жалостно смотрят на нас.
Настанет ли в жизни тот радостный час,
Когда вместе с папой с сердечной хвалой
Прославим мы Господа всею семьей?

А мамочка наша все чаще болеет,
Приди, приласкай нас рукою своею!
Ослабла и бабушка, видно, вот-вот
На вечный покой ко Христу отойдет.
Сегодня всю ночь ее слышался стон,
Тебе она шлет свой прощальный поклон“.

„О, что же могу я теперь вам ответить,
Познавшие горечь страдания дети?
Смущаете сердце мое вы опять,
Но мы же за правду должны постоять,
Спаситель вас, деточки, любит и Сам
Своею рукою ведет к небесам!

Путь в небо один — это верность до смерти,
Другие пути все — лукавые сети.
Меня атеисты могли бы вернуть,
Оставить лишь требуют истинный путь.
Но, детки, до смерти должны быть верны
Страдающей Церкви Христовой сыны“.

„Нет, лучше будь верен, наш папочка милый,
Страдай с благовестьем, дай Бог тебе силы.
Вся церковь тебе шлет сердечный привет
И просит сказать, что изменников нет.
Семь душ вновь вступило в завет со Христом.
Порадуйся, папочка, с нами о том.

О нас не печалься, среди всех гонений
Почаще мы будем вставать на колени,
Хоть дома у нас будет много невзгод,
Господь нам Свое утешенье пошлет.
Чем больше прольется молитвенных слез,
Тем ближе к нам будет Спаситель Христос".

„Да, детки мои, все слезиночки ваши
Господь собирает в небесные чаши,
Они драгоценные, как фимиам,
На небе отрет их Спаситель вам Сам.
Ему благодарны мы будем тогда
За скорбный наш путь, за земные года".

Свиданье окончено. В камере мрачной,
К стене отвернувшись, на нарах я плачу.
„Господь, Ты надежда моя, сохрани
Жену, мать и деток в тяжелые дни.
Меня же десницей могучей укрой,
Тебе доверяюсь, навеки я Твой!"

Молитва

Сквозь решетку проник луч июньской зарницы,
Еще спят арестанты на нарах рядком.
Рвется сердце Творцу моему помолиться,
Быть в общении с Ним и поведать о том,

Что я счастлив, идя по дороге страданий,
Это школа смиренья Христа моего,
В ней преподано много бесценнейших знаний,
А духовные знанья дороже всего.

Дух Святой, надо мной потрудился Ты много,
Я колени склоняю в сердечной мольбе.
Так свободно средь узников в келье убогой
Возношу благодарность за это Тебе!

Мне с Тобой так легко на тернистой дороге,
Не пугаюсь я больше безбожных угроз,
Искроши мое „я“, раствори его в Боге,
Чтоб не жил я, а жил во мне только Христос.

Знанье мира, как сор пред Твоей высшей школой.
Я хочу, чтоб Самим Иисусом Христом,
Когда кончится курс испытания полный,
Мне был вручен смиренья небесный диплом.

Возноситесь же к небу потоки молений:
Ночью, утром, в обед, в поздний час, перед сном —
Преклоняйтесь пред Богом смиренно колени,
Буду духом молиться моим и умом!

„Не зря“

Нет, не зря идут страдальцы в узы,
Смысл в страданьях, безусловно, есть;

Души стонут под греховным грузом,
Кто им понесет спасенья весть?

Трудно вестникам, неравна битва,
Но плоды страданий налицо,
Глубже скорбь — сердечнее молитва,
Пламенней общение с Творцом.

Ободрившись узами страдальцев,
Юность христианская встает.
Меч духовный крепко сжали пальцы,
Молодежь Христа, за Ним вперед!

Огонек любви горит, не гаснет,
Превратиться в пламя должен он.
Пусть же вспыхнет заревом гигантским
Темный от неверья небосклон!

Испытанье в пламени горнила
Правды вестники проходят вновь,
Чтобы кровь в их жилах не остыла,
Чтобы пламенела их любовь.

Солнце правды, ты желанно всеми,
Но предшествует рожденью стон.
Кровь страдальцев — это Церкви семя.
Так гласит проверенный закон.

Братья, сестры! Знамя правды выше,
Весть спасенья понесем в народ!
Вот уже шаги Господни слышны,
Иисус Спаситель к нам грядет.

Первородство

Благословенье отца Исаака
Мог получить первородный Исав,

Чтобы уйти от греховного мрака,
Быть сопричастным родительских прав.
Продал Исав первородство сам лично,
Дешево очень — за суп чечевичный.
Как сожалел он об этом потом,
Поздно! Прозвали Исава — Едом.

К вам теперь слово, носители света,
В небе — наследственный вечный ваш дом,
Избранный род вы и кровью завета
Призваны царствовать вечно с Христом.
Новый Завет у Спасителя с вами,
Вас Иисус называет друзьями.
Курс очень верный вам Господом дан,
Он вас в небесный ведет Ханаан.

Тем, кому в небе дарована слава,
Господа воля дороже всего,
Два первородных вверяются права —
Верить в Христа и страдать за Него!
Духом Святым им преподано знанье:
Нет благочестия здесь без страданья.
Знают все верные также секрет —
Веры живой без страдания нет!

Похоть очей, похоть плоти и гордость —
Мира сего чечевичная снедь.
Кто оставляет свое первородство,
Будет ее в преизбытке иметь.
Кто в компромиссе с безбожьем лукавым,
Тот с первородным расстанется правом,
Кто в первородстве не хочет страдать,
Тот потеряет Христа благодать.

Братья мои, мы теперь Божьи дети.
Путь наш проходит долиною слез,

Но сохраним верность Богу до смерти,
Не устрашимся безбожных угроз!
Мир весь изъязвлен греховной коростой,
Стойте же, братья, в своем первородстве!
Кто первородства преступит закон,
Имя получит духовный Едом.

Сретение

Древний старец Симеон,
Божий полюбив закон,
Посещал прилежно храм,
Богу он молился там.
Благочестие храня,
Ожиданьем жил он дня,
В мир когда придет Спаситель,
Смерти, ада Победитель,
И скорбящему народу
С неба принесет свободу.
Обещание одно
Было старцу лишь дано.
Бог ему тогда сказал,
Что его узрят глаза
Воплощенного Христа,
И восторженно уста
Вознесут хваленье Богу,
Многотрудную дорогу,
Свой Христу воздав поклон,
Завершит там Симеон.
Иисус Христос рожден,
Чтоб исполнен был закон,
Соблюдавшийся так строго,
Принесен Он в храм пред Богом.

Видит в храме весь народ:
Симеон Христа берет,
Мир в сердца людей вселяя,
Он Его благословляет.
Хоть для скорби есть причина;
Симеона ждет кончина,
Но ликует Симеон:
Мир от гибели спасен.
Нет спасенному печали,
Смерть спокойно он встречает,
Помышляя лишь о том,
Чтоб быть в вечности с Христом.
Счастлив тот, кто в мире этом
Освещен Христовым светом,
Чья житейская дорога
Привела к познанью Бога.
Кто с грехом расстался, с ложью,
Тот увидит славу Божью,
В жизни он не будет сирым,
Но оставит землю с миром.
С правдой Нового Завета
Будет вечно в царстве света.

Благовещение

Первый год до нашей эры
Дал нам чудные примеры
Ожидания Мессии.
Это было не в России,
Речь пойдет об Иудее;
Там Марии, кроткой Деве,
Небажитель Гавриил
Весть благую возвестил.

Удивляется Мария,
Почему святые крылья
Опустились перед ней,
Ход прервав обычных дней,
Принесли веленье Бога?
Так девиц на свете много,
Почему из всех она
Тайною облечена?
Гавриил, возвысив глас,
Возвещает ей в тот час:
„Благодатная, ликуй,
Радуйся и торжествуй!
Превзошла ты всех в смиренье,
Преклоняясь на колени
Пред Создателем всесильным,
Ожидала ты Мессию.
Вот теперь настало время,
Чтоб с людей греха снять бремя,
Дать всем радость вместо слез,
Должен в мир прийти Христос.
Исполняя волю Божью,
От тебя родиться должен
Чудный Царь Еммануил,
Бог тебя исполнит сил.
Ты не знаешь даже мужа? —
Удивляться здесь не нужно.
Это чудо из чудес:
Дух Святой сойдет с небес,
Силой осенит Всевышний,
Хоры неба будут слышны,
С исполнением времен
Будет Иисус рожден.
Назовется Он Святым,
Это будет Божий Сын.
А тебя за эти роды
Будут ублажать народы“.

Сестры, яркие примеры
Кротости, смиренья, веры —
Пусть послужат образцом
Как вам строить Божий дом.
Вера, кротость и смиренье —
Это жемчуг украшенья.
Чтоб Христовой быть Невестой,
Этим жемчугом небесным
Украшайтесь во все дни
С юности до седины!

Орхидея

Равнодушным остаться никак я не мог,
Ты к себе привлекла, как идея,
Удивительный, нежный, прекрасный цветок,
Дивный отблеск небес, орхидея.

Мир твоей красоте поклоняться готов,
Культивируя в оранжереях,
Тебе титул присвоен, царица цветов,
Ты достойна его, орхидея.

Расцвела ты в тропических странах давно,
Аромат разливая свой тонкий,
Европейцам открыться тебе суждено
В диких джунглях реки Амазонки.

За ажурным во многих расцветках цветком
В поиск ринулись все цветофилы,
Открывателем кто-то из них стал потом,
Кто-то в джунглях погиб молчаливо.

Составлять каталог я в стихах не могу,
Не моя это роль, в самом деле,
Но считаю, что рифма поэта в долгу
Пред одной неземной орхидеей.

Опишу всю историю кратко подряд:
Началась лишь Америки эра,
В Перу прибыл военный испанский отряд,
Было несколько в нем офицеров.

Среди воинов был офицер молодой,
Размышлявший об истине много,
Своей чувственно-нежной и пылкой душой
Он в твореньях желал видеть Бога.

Вот однажды начальник ему дал приказ:
Расстрелять на рассвете индейца.
В эту ночь не сомкнул воспаленных он глаз,
Сильно билось в груди его сердце.

Утром в джунгли индейца повел офицер.
„Где же правда, — он думал, — где милость?“
Уже пленника взял он на смертный прицел,
Вдруг с мушкетом рука опустилась.

На поляне, подобно безгрешной мечте,
В форме голубя, взмывшего в небо,
Расцвела орхидея во всей красоте,
Изваянная словно из снега.

Офицер, про индейца совсем позабыв,
Красотой восхищаясь творенья,
Не сдержал свой молитвенно-пылкий порыв,
У цветка преклонил он колени.

Но начальник суровый за ним подсмотрел.
Он, боясь, чтобы милость и вера

Не поставили планам отряда предел,
Приказал расстрелять офицера.

Тот цветок злой начальник ногой растоптал,
Но напрасно, нашли его снова.
Назван он, как святой чистоты идеал —
Орхидеею Духа Святого.

Все, кто с пылкой душой, те, сомнения нет,
Захотят орхидею ту встретить.
В ее чудном названье таится секрет
Правды Божьей и счастья на свете.

Для меня приоткрылся мир радостных грез,
Разыскал я ее в Иудее.
О, великий Творец, мой прекрасный Христос,
Дух Святой, Ты — моя орхидея!

Голубь нежный, плененный Твоей белизной,
Я Тебе доверяю путь жизни,
В Твой виссон облекусь я желанной весной,
В Царстве мира, в небесной Отчизне.

Две горы

В ясный день на парковой аллее
Школьники затеяли вдруг спор:
На какой горе всего светлее
И какая выше всех из гор.

„Эверест, — кричал один, — всех выше,
Все блестит, наверное, на ней,

Я еще давно от папы слышал:
Ближе к солнцу, значит и светлей!“

„Ничего подобного, — кричали
Школьники другие впопыхах, —
Мы совсем недавно изучали,
У нее вершина в облаках!“

„Значит, — молвил кто-то, — Пик Победы,
Он светлей всех гор во много раз“.
„Нет, — кричали, — в Азии ты не был,
Перейдем-ка лучше на Кавказ!“

Не нашедши на Кавказе гору,
К Альпам уж хотели перейти,
Но, на счастье, старец в эту пору
Повстречался с ними на пути.

На вопросы школьников во взоре
Старческом заискрилась слеза.
„Эх, — вздохнул он, — если б на Фаворе
Вам побыть! Ермонская роса

Оживляет все там, а вершина
Упоена славой неземной,
Свет преображенья Бога-Сына
От нее разлит над всей землей.

Ну, а выше нет горы Голгофы:
В небеса идет Голгофский путь,
Даже поэтические строфы
До нее не могут досягнуть.

Всем горам земным она — столица,
Крест ее из многих виден стран,
Вознестись к нему всегда стремится
Дух всех чистых, верных христиан“.

Приуныли школьников вдруг лица,
Кто-то с грустью молвил: „До сих пор
Как же так могло все же случиться,
Мы и не учили про Фавор?

И Голгофа — незнакома тоже,
А так хочется о ней узнать,
Видно, нам о Том, Кто всех дороже,
Позабыли в школе рассказать..."

Детки, в Библию направьте взоры
С ясной верой, с чистою душой.
На прекрасные святые горы
Возведет тогда вас Дух Святой!

Крещение

Пророк великий Иоанн,
Христа Спасителя Предтеча,
Пришел крестить на Иордан,
С Мессией предваряя встречу.

Возвысив вопиющий глас,
Взывал пророк: „Покайтесь, люди!
Крещу я в Иордане вас,
Грядет Христос, крестить Он будет

Могучим Духом и огнем,
Ему лишь путь я приготовил.
Спасенье миру только в Нем, —
Так Бог сказал в предвечном Слове.

Теперь Он встанет впреди,
Чтобы исполнить волю Божью.

Мне — умаляться, Он — расти
В сердцах людей отныне должен".

Меж тем, Христос уж подходил,
И дух великого пророка
Гласил: „Гряди, Царь, вечных сил!
Я уровнял Тебе дорогу!

О Агнец кроткий, не испуг
Меня смиряет, не безвестность.
Я радуюсь, как брачный друг,
Ты есть Жених, Твоя невеста

Предуготована Отцом
В Его предвечном чудном плане.
Пройдут века, и под венцом
Она с Тобой на небе встанет!"

Крещенье чтоб принять, Христос
Подходит к Иоанну тоже,
В глазах Крестителя вопрос,
Решиться он никак не может

Христу крещенье преподать,
В поток кристальный погрузивши.
Пред ним святая Благодать,
Но в плане положил Всевышний

Явить пример в Христе во всем,
Чтоб догмат о крещенье водном
Не извращал никто потом.
Так было Господу угодно

Во взрослом виде Самому
Прийти к реке, принять крещенье.

Пусть этот свет рассеет тьму
И в лабиринте разных мнений.

Еще всем правило одно
Пророк оставил в назиданье:
Перед крещением должно
Свершиться в сердце покаянье.

Крещенье приняв, пред толпой
Христос благословлен обильно,
К Нему спустился Дух Святой
В обличье кротком, голубином.

А в довершение всего
Раздался с неба голос Божий:
„Сей Сын Мой, слушайте Его,
Он для Меня всего дороже".

О христиане, хочет Бог,
Чтоб каждый, принявший крещенье,
Христу остаться верным мог,
Имея с Ним всю жизнь общенье.

Сердцу

Сердце, сердце, зачем ты болишь у меня?
От твоей я измучился боли,
За тюремной решеткой без радости дня
Ты, как птица, все рвешься на волю.

Перестань, успокойся, смиряйся с судьбой!
В этом жизненном, стонущем море.
Еще много придется страдать нам с тобой,
Видеть слезы людские и горе.

Сердце, ну для чего вся людская печаль
Заставляет сильней тебя биться?
Уносись от забот ты в лазурную даль,
Не взирай на скорбящие лица!

Все равно всем в страданьях не сможешь помочь,
Вьется смерть над людьми, словно кречет,
Зло спустилось на мир, как гнетущая ночь,
Так уймись же, и мне будет легче!

Люди гибнут без веры в земной суете,
Мир изъеден грехами, как молью,
Ты стремишься всем правду сказать о Христе,
И опять безутешною болью

Отдается в тебе безрассудство людей.
Жизни чистой святые примеры
Преподать ты стремишься погибшим скорей,
Рассказать о поэзии веры.

Но сильнее всего ты болишь у меня,
Когда видишь, что проза всей жизни
Во мне губит порывы святого огня
И стремленья к небесной Отчизне.

Сердце, должен же кто-то смириться из нас,
Не могу враждовать я с тобою.
Так уймись же, прошу, хоть на день, хоть на час
Со своей непомерною болью!

Ты все время твердишь, что земная жизнь — грош,
Боль за истину — вот твое счастье.
Ты, наверное, сердце, мгновенно умрешь,
Если в скорби не примешь участья?

Нет, уж лучше боли, рви лукавую сеть,
Не хочу я быть в море греховном.

Если ты, мое сердце, не будешь болеть,
Это значит — я умер духовно.

Сестре

Друг мой верный по скорби безмерной,
Дорогая сестра во Христе,
Мне посланье из зоны тюремной
Написать очень нужно тебе.

Обо мне ты прилежно молилась,
Подкреплялся твоей я мольбой.
Пусть же Божья любовь, Его милость
Будут вечно, сестра, над тобой.

Вот за эти святые молитвы,
Твердость веры, любви полноту.
Среди скорби земной, среди битвы —
Возношу благодарность Христу.

Бескорыстной любви, чистой дружбы
Мир греховный усвоить не смог.
О сестра, Иисус людям нужен,
Милосердный Спаситель и Бог.

Стоны в узах, темница сырая,
Эгоизм, грех и злоба везде
Заставляют, сестра дорогая,
С просьбой вновь обратиться к тебе.

Помолись за меня, как и прежде,
Пусть Христа моего благодать
Устоять мне поможет в надежде,
Нужно узникам правду сказать.

Так несчастны они в мире этом,
Так жестоко избиты грехом,
Просветить бы их всех Божьим светом,
Чтобы встречу иметь им с Христом.

Я так часто бываю бессилен,
Отогреть их сердца не могу.
Нужен дождь благовестья обильный;
Мы, сестра, перед ними в долгу.

Нам трудиться с тобой нужно вместе,
Ты колени склоняй в тишине,
Ну, а мне пострадать с благовестьем
Суждено здесь, в безбожной тюрьме.

Полюбить погибающих надо,
Без любви все — звенящая медь.
Ожидает всех верных награда,
Мы ее будем в небе иметь.

Вознесение

Воскресенье Христа целый мир потрясло,
Да не царствует грех в плоти тленной.
Ад теперь побежден, ниспровергнуто зло,
Воссиял Иисус во Вселенной.

Сорок дней после Пасхи являлся Христос,
Мир и радость вселяя скорбящим,
Кто о царствии Божьем пролил много слез,
Факел веры тот поднял горящий.

В эти дни пятьсот братьев видало Христа.
„До скончания века Я с вами", —

Сам Спаситель сказал им, из гроба восстав,
Называя Своими друзьями.

Своих верных собрав на горе Елеон
И обильные дав наставленья,
Попирать вражью силу дал власть им там Он,
Преподавши все тайны ученья.

Духа Божьего ждать Иисус повелел,
Облеклись чтоб все силою свыше,
Весть спасенья нести — вот теперь их удел,
Эту весть должен всякий услышать.

Незабвенный Учитель в прощальный тот час,
Мир оставив и благословенье,
Вдруг поднялся пред ними и скрылся из глаз —
Это было Христа вознесенье.

Грусть на лицах. Учителя мудрого нет.
Впереди — путь страданий суровых,
Пред апостольским взором лежал белый свет,
Ожидающий Божьего Слова.

Очи в небо смотрели, ни слова из уст,
Но в одно съединившись сердцами,
Вдруг услышали ангельский глас: „Иисус
Вновь придет, как вознесся пред вами“.

Уже двадцать веков над землей слышен стон,
Грозно воет неверия ветер.
Скоро, скоро опять на горе Елеон
Иисуса Христа Церковь встретит!

На смерть матери моей жены

Над решеткой тюремной ветер
Гневно спорит с осенним дождем,

Я держу извещенье о смерти:
Горе вновь постучалось в мой дом.

Ты из жизни ушла вместе с летом,
Пульс сердечный навеки утих,
Меня сделало горе поэтом.
Из тюрьмы запоздавший мой стих

Пусть летит на могилу сырую,
Чтоб прощальный поклон передать.
Ты свершила дорогу земную,
Дорогая, любимая мать.

Семерых нам внучат ты взрастила,
Нужен был благородный твой труд.
Пусть цветы над твоею могилой
В благодарность весной расцветут.

Мое сердце исполнено болью:
Безутешную дочь и жену
Мы оставили вместе с тобою.
Ты на небо ушла, я — в тюрьму.

Я представил такую картину,
Душат слезы и сил моих нет:
Деток семеро, старшему сыну
Лишь тринадцать исполнилось лет.

Ожидая младенца восьмого,
Мать скорбящая с ними стоит.
Черный гроб посредине. Ни слова...
Эта скорбь тронет даже гранит.

Нет семейства главы в этой сцене,
И на день не пустили отца,
Крепко держат тюремные стены
Тех, кто верен Христу до конца.

Люди, кто-то из вас не поверит,
Что в двадцатый, гуманнейший век
Должен жить вот в такой атмосфере
Верный Богу простой человек.

Мои детки, жена, ваши лица
Стали Церкви гонимой лицом.
Боже, Боже, дай сил не сломиться,
Увенчай нас победным венцом!

Мои милые, буду я с вами,
Завершится трагический том,
С ликованьем Творца мы прославим
Всей семьею, придя в Божий дом!

Призыв

Зазвучи стих, подобно набату!
Христиане, проснитесь скорей!
Помогите скорбящему брату,
В узах братья Совета Церквей!

Камень веры — вот Церкви основа,
Претерпеть нужно много скорбей,
Чтоб Рахиль не заплакала снова,
Если в Церкви не будет детей.

Мера верности — скорби и узы.
Христиане, пусть только Христос
Будет символом ваших союзов,
А не жизни греховный вопрос.

Церковь — тело Христа и невеста.
Он — единый Глава, вот секрет;
С ней вступил Он в союз самый тесный,
Миру грешному места там нет.

Тело боль ощущает все время.
Кто член Церкви Христа, тот готов
Понести брата-узника бремя, —
Так закон исполняют Христов.

Если в теле болезнь приключится
Или вдруг постигает беда,
Нервы все встрепенутся, как птица,
Крик о помощи слышен тогда.

Христиане, о, если вы живы,
То возвысьте за страждущих глас,
Поддержите святые порывы,
Чтоб священный огонь не погас!

Если ж страх пред суровым гоненьем
Вам постыдно закроет уста,
То придет все равно избавленье,
Но погибнете вы без Христа.

Встаньте, спящие, время настало!
Все сплетитесь в единый венец,
Иисус — наша цель, наша слава;
Бог Творец — наш единый Отец.

Не страшат пусть вас страждущих стоны,
Честь тому, кто за правду гоним.
Братья, станем же смело в проломы,
Церковь Божью врагу не сдадим!

Отступившему брату

Притаились тюремные тени,
Спят все узники, скорбь позабыв,
Я на нарах встаю на колени,
Не сдержавши сердечный порыв.

О тебе в эти длинные ночи
Я молюсь много раз уж подряд,
Потому что люблю тебя очень,
Путь страданий оставивший брат.

Обладая природным смиреньем
И познав христианства всю суть,
Рано избран ты был на служенье,
Смог к гонимому братству примкнуть.

В поученьях ты мудр и пространен,
Очень выдержан, вежлив, умен;
Наделенный обильно дарами,
Ты являл совершенство во всем.

Подавал за страдающих голос,
Семьям узников ты помогал,
Богом был сохранен, даже волос
С головы у тебя не упал.

Но одна есть бесценная ценность,
Чтоб ее непременно иметь,
Сохранить надо Господу верность,
Если даже в глаза смотрит смерть.

Часто только сырая темница
Вдруг решеткой железной пугнет,
И готов уже кто-то сломиться,
Не желая нести тяжкий гнет.

Пострадать мы должны непременно,
Но тюрьма не страшна со Христом.
Страшно то, если слово „измена"
Относиться к нам будет потом.

Не могу я быть, брат, лицемером,
Совесть трудно свою обмануть.
Ты для многих был ярким примером,
Но, оставив страдания путь,

Задал трудную многим задачу,
Слабых в вере ты, брат мой, смутил;
Я тебя не сужу, только плачу
И молюсь, Бог чтоб дал тебе сил

Возвратиться в гонимое братство,
В этот созданный Богом союз.
Страх пред миром — позорное рабство,
Нам свободу дает Иисус.

Оцени же свое первородство,
С атеизмом порви компромисс,
А иначе потерпишь банкротство.
О подумай, мой брат, и вернись!

Музыке

Музыка, зачем в сиянье дня
Ты зовешь вернуться к жизни бренной?
Бросят судьи вечером меня
За решетку камеры тюремной.

Не увижу больше я друзей,
Деток милых скроется улыбка,
Больше не коснусь рукой своей
Нежных струн твоих, царица-скрипка.

Только грустных песен мне не пой,
Я с Христом, Он — жизни всей основа.
Меня вызвало неверье в бой,
В руки меч беру я — Божье Слово.

Музыка, к людским сердцам ключи
В юности с тобой мы находили,
Но сейчас, родная, помолчи:
Атеизм — не время для идиллий.

Я, наверное, прощусь с тобой,
Слишком уж грохочет канонада,
Вот уже за мной идет конвой...
Не рыдай, о музыка, не надо!

Мы с тобой сроднились с детских лет,
Нам неверье не дает жить дружно,
Вот теперь наш рушится завет,
Но прошу тебя, грустить не нужно.

Музыка, лети в тот чудный край,
Где со злом навеки смолкнет сеча,
Должен я сказать тебе: „Прощай!“,
А вернее: „До небесной встречи!“

Наседка

Нам встречается в жизни нередко
Очень добрая птица — наседка.
Вероятно,все знают в народе,
Что цыпляток наседка выводит.
Появился цыпленок чтоб милый,
На гнезде она так терпеливо
Дни проводит и даже недели,
Терпеливая тварь, в самом деле.
Не взирая на саны и лица,
Рассказать еще нужно решиться,
Пока юмор с сатирой в разгаре,
Нам об очень загадочной твари.
Ее жительство — тюрьмы. В темницу
Прилетела залетная птица
Не по воле своей, прямо скажем,
Но пригнал ее ворон под стражей.
Что же все-таки с ней приключилось,
Почему она впала в немилость?
Видно, где-то случилась накладка,
Замаралась в чужом птичья лапка.
Хоть богатства у ворона много,

Покарал он преступницу строго.
Быстро действуют ворона чары,
Вот преступница наша на нарах.
Ах, куда ей теперь бедной деться?
Разорвется, наверное, сердце.
Благородный вдруг принявши вид,
Ворон ласково ей говорит:
„Ты давай-ка, кума, не тужи,
Лучше куму теперь послужи,
Чтоб быстрей тебе быть на свободе,
То, живя здесь, в преступном народе,
Превратиться должна ты вся в уши,
Разговорчики чтобы подслушать.
Если нужно, то лезь прямо в душу —
Только так кое-что ты заслужишь.
Обо всем доноси моментально,
Будешь птицей у нас идеальной.
Действуй ловко, надменно и смело,
Ну, так что, по рукам и за дело?
Кум тебе за примерную службу
Даст черпак баланды наилучшей,
Табаком и чайком „подогреет".
Благодарность рукою своею
Он запишет тебе в личном „Деле",
На свободу чтоб крылья летели".
Ожила приунывшая птица,
Искупить преступленье стремится,
Словно пчелка по нарам порхает
И тюремный нектар собирает.
Эта птица в тюрьме очень метко
Называется тоже — наседка.
Я за имя Христа Иисуса
Нахожусь за решеткою в узах,
Выбрав нужный момент, беру Слово,
О любви возвещаю Христовой.
Из угла выкрик слышится едкий,

Сразу понял, что это наседка.
Ну и пусть! Умолкать я не должен,
Возвещаю опять волю Божью.
Всем напомнил, что суд Божий будет,
А потом рассказал об Иуде.
Тут из узников каждый отметил,
Что предатель достоин был смерти.
Кто-то молвил: „Иуды здесь нет ли?
Его участь — позорная петля“.
Удивительно, этой же ночью
Просветлели наседкины очи.
Мне шепнул он: „Вовек не забуду
Я про жалкую участь Иуды.
Ты же в камере будь осторожней,
На тебя доносить я был должен,
Но не выйдет у кума затея,
Я теперь стал намного умнее“.
Я Христу благодарен был очень
После этой особенной ночи.
Возвещаю об истине много,
Всюду видя присутствие Бога.

Болезнь

Я в тюрьме изнываю в болезни,
Все болит в истомленной груди.
Похоронные слышатся песни,
Дух твердит уже: „Боже, гряди!“

Смрад табачный, железные нары.
Солнца свет снится только во сне.
Вероятно, суровей нет кары,
Чем из жизни уйти здесь, в тюрьме.

Доведенные грубостью злобной
До отчаянья в жизни своей,
Заключенные стали подобны
Страшной оргии диких людей.

Да, тюрьма — это верх беспредела...
Пить лекарство совсем не хочу,
Запишусь на прием лучше смело
К моему неземному Врачу.

Ругань адская лезет мне в уши,
Но к Творцу устремляюсь с мольбой:
„Боже праведный, лечащий души,
Так устал от борьбы я земной!

Ты пошлешь, верю я, исцеленье,
Прикоснувшись Своею рукой;
Если ж нет, то в небесных селеньях
Утомленный мой дух успокой!"

Я припомнил жену, милых деток,
Все друзья вдруг представились мне.
Неужели прошло мое лето,
И путь жизни я кончу в тюрьме?

Хоть бы кто-нибудь принял участье,
Трудно пить чашу скорби до дна.
Быть с любимыми вместе — вот счастье!
Без друзей же кончина страшна.

Помолившись, в раздумьи глубоком
Я был в мир неземной погружен,
Милосердным и любящим Богом
Мне был послан целительный сон.

Тех, кто в вечности, видел я лица,
Хоры пели псалмы в тишине,

Вдруг почувствовал, чья-то десница
Прикоснулась легонько ко мне.

Я проснулся и вижу, о Боже,
Злой преступник стоит предо мной,
Из своей передачи ничтожной
Сыр он дружеской подал рукой.

На душе сразу стало светлее.
Здесь, где царствует дикое зло,
Иисус, Твое семя я сеял,
Видно, в ком-то оно проросло.

Библия

Книга из книг, из заветов Завет,
Пусть озаряет твой истинный свет.
Боже, любовью Твоей я согрет,
Выше ее ничего в жизни нет.
В ризы спасенья Христом я одет,
Он мой покров до скончания лет.

Мой Иисус, я Тебе как Царю
В узах мольбы фимиам воскурю.
Я чрез молитву с Тобой говорю,
С Библией раньше встречал я зарю,
Ей, как жемчужине, как янтарю,
Лучшие рифмы стихов я дарю.

Библия, нет тебя больше со мной.
Я, просвещенный твоей глубиной,
Скрыт от друзей ненасытной тюрьмой.
Верность Христу и стране неземной

Судьи назвали тяжелой виной
И оградили тюремной стеной.

Плоть изнывает, но дух мой поет,
В Библии счастье нашел я свое.
Край обетованный верных зовет;
Боже, веди Свой спасенный народ
Через долину страданий вперед.
В небе Спаситель все слезы отрет.

Мудрый Учитель и Бог, Дух Святой,
Слово Христа в моем сердце сокрой,
Чтоб я не сломлен был мрачной тюрьмой,
Ты, Утешитель, всегда будь со мной.
Радость пошли и желанный покой,
Боже, отныне и вечно я Твой!

Жемчуг, топаз, хризолиф, аметист,
Правды библейской над миром светись.
Свет твой прекрасен, таинствен, лучист,
Только лишь в нем человек будет чист.
К небу ведет он в лазурную высь,
Библии верным быть, брат мой, стремись!

Выше, выше!

Я лечу выше, выше и выше,
Светом радости лик озарен,
Гимны счастья душою я слышу,
Пульс сердечный твердит: „Я спасен!“

Только вера, кристальная вера
От безбожной мирской суеты

Вознести может в высшие сферы
Дивной радости, светлой мечты.

К изумруду небесной лазури
Просветленный мой дух устремлен;
Не страшусь рева дьявольской бури,
Крылья веры блестят янтарем.

Там, в заоблачной дали безбрежной,
Где страданий окончится путь,
Брошен якорь блаженной надежды,
Там с Христом я смогу отдохнуть.

А пока заключен я в темнице.
Здесь неверья бесплодного пир,
Но врываются райскою птицей
В сердце радость, любовь, чудный мир.

Я не знал, что долина страданий
Так терпенье мое укрепит,
Что надежда небесного звания
Будет с верой тверда, как гранит.

О, как жалки потуги неверья
Дух свободы упрятать в тюрьму!
Скорбь за истину — неба преддверье,
В небе жизни венец я приму!

Я страдать за Христа удостоен,
Стонет плоть от чрезмерных скорбей,
Дух же в тоне мажорном настроен —
В этом счастье всей жизни моей!

Другу

Ионафан, мой верный друг,
Как пусто без тебя вокруг!

Ты очень нужен стал мне вдруг,
Воздетых не хватает рук.

Враги, Христовых слуг гоня,
В темницу бросили меня.
Лишен свободы, света дня,
Но им не погасить огня.

Его зажег Сам Иисус,
Горит в груди он, бьется пульс.
Без Бога мир никчемен, пуст,
Несись к Творцу мой глас из уз!

Я дружбу оценил вполне
В безбожной матушке-тюрьме;
И верю, в дальней стороне
Ты вспомнишь, друг мой, обо мне.

Я выхожу на смертный бой,
Мой друг, увижусь ли с тобой?
Скрепленный дружеской рукой,
Ты вспомни наш союз святой.

Хотел бы быть я, как Давид,
Хоть рыкающий лев не спит,
Но в вере твердой, как гранит,
Христово братство устоит.

Что передал, то сохрани...
Мы искры сеем в наши дни,
В грядущем вспыхнут все они,
Как веры узников огни.

Хочу всех искренних друзей
Я встретить там, где Царь царей
Снимает гнет земных скорбей,
Мой Иисус, гряди скорей!

Памяти мамы

За железной тюремной решеткой,
Ослабевший в тяжелой борьбе,
Помолившись у нар Богу шепотом,
Мама, вспомнил я вновь о тебе.

Ты прости, что мирскими деяньями
Много горя тебе я принес.
На могилке твоей в покаянии
Мне открылся Спаситель Христос.

Ты теперь у престола Всевышнего,
Ты узнай, дорогая, о том,
Что молитвы твои все услышаны,
Что все дети твои со Христом.

В благодарность за жизнь неизменную,
Твердость веры, любви полноту —
Они стали достойною сменою
И сердца посвящают Христу.

А от младшего сына ты выслушай
Благодарность, родная, вдвойне:
Мне оказана честь наивысшая —
Пострадать с благовестьем в тюрьме.

Скоро встреча с Христом долгожданная
Оборвет моих скорбных дней нить;
Скоро в небе надежда желанная
Во Христе нас с тобой съединит.

Воспоминание об отце

Ты был очень суровый и строгий,
Заставлял нас трудиться всегда;

Смысл всей жизни увидевши в Боге,
Ты Ему посвятил все года.

Смерть встречалась тебе не однажды,
В годы культа на Севере был
Охраняем суровой ты стражей,
Но Господь даровал тебе сил.

Жизни трудную школу прошедши,
Ты к страданьям готовил детей.
Не ценил я, отец, тебя прежде
В ранней юности пылкой своей.

Но минули года, и вот снова
Вспоминаю тебя, мой отец,
Когда стал благовестником Слова,
Воспитателем юных сердец.

Ты был прав, мой родной, абсолютно,
Наставленья твои я приму:
Не дождаться нам жизни уютной,
Как и ты, сын твой брошен в тюрьму.

Благодарностью нежной исполнен
Я теперь за всю школу твою;
Пусть бушуют житейские волны,
Я Творцу гимн хвалы воспою!

Ты хотел, чтобы мудрые знанья
Я во всех областях приобрел,
Чтобы правды евангельской знамя
Я держал, как святой ореол.

Спи спокойно, отец мой любимый,
Все, что мог, сделал ты для меня.
Я уверен, неверия силы
Не погасят святого огня.

Разгорится он яркой зарею,
И к нему устремится народ.
Над омытой слезами землею
Все равно солнце правды взойдет!

Все мы люди, все воздухом дышим,
И у каждого много забот.
Все по-новому создал Всевышний,
Все по-старому в жизни идет.

Вновь воркует голубка под крышей,
Пчелы снова несут сладкий мед.
Все по-новому создал Всевышний,
Все по-старому в жизни идет.

Расцветают весной снова вишни,
В декабре старый кончится год.
Все по-новому создал Всевышний,
Все по-старому в жизни идет.

Мир поэзии очень возвышен,
Проза видит лишь круговорот.
Все по-новому создал Всевышний,
Все по-старому в жизни идет.

Клич безбожников снова мы слышим,
Но прейдет непременно сей род.
Все по-новому создал Всевышний,
Все по-старому в жизни идет.

Путь земной христиан очень тесен,
Их кончина трагична, но вот
День настанет с симфонией песен,
Все по-новому в небе пойдет.

Звездочка

Ночь спустилась, запоры тюремные
Отделяют меня от друзей,
Изнывает в боренье плоть бренная,
Дух же рвется к Творцу все сильней.

Небо скрыла решетка берийская,
Как за ней изнывает душа!
Сердца скорбь Иисусу я высказал
И на нары полез не спеша.

Еще раз с просветленной надеждою
Сквозь решетку я, ввысь бросив взор,
Вдруг увидел даль неба безбрежную,
Где Творцу пел свой гимн звездный хор.

Там сияла во тьме аметистами
С бриллиантовым бликом звезда.
В небе — радость, любовь;
в небе — искренность.
Небо, будь со страдальцем всегда!

Обласкай и обрадуй гонимого,
Луч любви в его сердце пролей,
Чтоб, как звездочки, были все дни его,
Чтобы стало в темнице светлей.

Будет время: темницы откроются,
Вспыхнет пламя Христовой зари,
А пока, Церковь, чистая горлица,
Яркой звездочкой в небе гори!

Над землею висит еще ночь пока,
Но зовет обетованный край,
Иисус, моя ясная звездочка,
В тьме неверья мой путь освещай!

Христос

Христос, о, сколько тяжких мук
Ты испытал в земную бытность!
К Тебе тянулись сотни рук
При всем народе или скрытно.
Страдал со страждущими Ты,
Вселяя в их сердца надежду,
Ты всех хотел облечь в одежду
Святой духовной чистоты.
В двадцатый век страдает снова
Христос в венце Своем терновом.

Священный Иерусалим,
Ты видел множество пророков.
Христос, предвечный Божий Сын,
В Нем избавленье от пороков.
Он много благородных дел
Свершил в стенах Святого града,
Венец терновый лишь в награду
Жестокий род Ему одел.
В двадцатый век страдает снова
Христос в венце Своем терновом.

День посещенья не узря,
Народ святых обетований
Отверг Мессию и Царя,
Себя обрекши на страданье.
Лил слезы горькие Христос
О всех потомках Авраама.
Народ, оставшийся без храма,
Ты и теперь достоин слез!
В двадцатый век страдает снова
Христос в венце Своем терновом.

Христа страданье и позор
Пересказать язык не сможет.

Он на кресте, но кроток взор,
Уста твердят: „Прости им, Боже!“
Скорбел Спаситель за врагов,
Они, не принявши спасенье,
Платили за любовь презреньем.
Мир грешный и теперь таков.
В двадцатый век страдает снова
Христос в венце Своем терновом.

Смерть Искупителя Христа
Здесь возвещать дано лишь верным,
Чья жизнь кристальна и чиста,
Кто в мире может быть примером.
Мой брат, нам Иисус места
Готовит любящей рукою,
А мы — колючки лишь с тобою,
Язвим грехом чело Христа.
В двадцатый век страдает снова
Христос в венце Своем терновом.

Чиста, едина и верна
Должна Христова быть невеста,
Ей заповедь Христом дана:
Всех возлюбить в союзе тесном,
Но где же первая любовь?
Где ты, мой брат, носитель света?
Пусть факел Нового Завета
Над миром воссияет вновь,
Чтоб не страдал Спаситель снова
За нас в венце Своем терновом.

Родина

Край мой родной, небосвод светло-синий,
Радость и скорбь моих песен — Россия.

Звонкое пение птиц на просторе,
Трель соловья над рекою, как море!
В водах купаясь, заря на рассвете
Нежные чувства рождает в поэте.
Бор вековой что-то шепчет угрюмо,
Дышет глубоко таинственной думой,
Русь, восхищенный твоей красотою,
Стал я поэтом с открытой душою.
Пылко любя свой народ и природу,
Им воспевать я готовился оду.
Но, размышляя об истине много,
В песне творенья увидел я Бога.
Юность свою нерушимым союзом
Я обручил со Христом Иисусом,
Чудное имя в добрейшем народе
Стал воспевать я в Христовой свободе.
С болью сердечной увидел я вскоре,
Что возмутилось житейское море.
Дух атеизма, господствуя властно,

Счел меня вдруг человеком опасным.
Гневно прибой бьет холодной волною —
Вмиг поглощен я безбожной тюрьмою.
Русский народ, ты сердечные двери,
Быстро открыл для греха и неверья.
Грозно воссело неверье на троне,
Родина-мать, о тебе сердце стонет!
Буду скорбеть я до самой могилы —
Верных Христу ты жестоко избила.
Все я прощу, мой народ, лишь воскресни,
Сердцем воспой искупления песни!
Родина, вспомни же Бога заветы,
И повернись к христианскому свету!
Вечно любить с затаенною грустью
Буду я землю, что названа Русью!

Зона

Умолкни язык мой, к гортани прилипни!
Одно теперь нужно — терпеть и терпеть.
Гремит до предела набитый „Столыпин“,
Как будто его создала сама смерть.

Какой беспредел, дикость, волчьи законы!
У слабого сильный отнять все готов.
Молчи, мое сердце, сдержи свои стоны,
Никто здесь не слышит о помощи зов.

Продуктов для брата хранил я немного,
Я знал, что так трудно на зоне теперь.
Остались во всем мы с ним верными Богу,
На волю для нас запечатана дверь.

Продукты и вещи забрали все воры,
Природный дар речи мне здесь не помог,
Напрасно звучали мои уговоры...
Как скорбно мне было, один знал лишь Бог.

И вдруг, словно эхо трагичного звона,
Послышались возгласы с разных сторон,
Промолвила грудь арестанская: „Зона!“
Те возгласы были похожи на стон.

Так вот она зона с колючею сталью,
Везде часовые, кругом — провода,
Тут сердце от боли сжиматься вдруг стало,
Пройдут здесь мои дорогие года.

Но твердо я знаю, что, где бы я не был, —
Не вырвать из сердца Христа у меня,
Не скрыть адским силам лазурного неба
И не погасить благовестья огня!

Со стоном железным открылись ворота,
Встречали нас узники черной толпой.
Меня вдруг окликнул по имени кто-то.
Да, это был брат во Христе дорогой.

Как он похудел в эти годы разлуки,
Но очи горели все тем же огнем,
В приветствии братском сплелись наши руки,
Сердца съединились в объятьи святом.

Мой брат, как хочу твои слышать я речи,
Ловить будет каждое слово мой слух.
В долине страданий так радостны встречи!
Восторженно молится ум здесь и дух!

Воспоминание страданий Христовых

Собрав на тайную вечерю
Учеников в последний раз,
Христос молил Отца и верил,
Что Он молитвы слышит глас.

„Да будут, Отче, в нас едины
Все те, которых дал Ты Мне,
Прославь, Предвечный, славой Сына
В Своей лазурной вышине".

Хлеб преломив с благодареньем,
Сказал Христос: „Мой близок час,
Я добровольные мученья
Приму, друзья Мои, за вас.

Мое ломимо тело будет,
Как этот хлеб, приму Я смерть
За вас в страданьях тяжких, люди,
Чтоб вам спасение иметь".

Он чашу взял, сказав при этом:
„Пролиться крови суждено.
Кровь льется Нового Завета,
О ней напомнит вам вино.

Вкушайте хлеб, из чаши пейте;
Мою смерть людям возвещать
Воспоминаньем нужно этим,
Доколе Я приду опять".

Спаситель мой, не на амвоне
Вкушаю хлеб я и вино.
Мне возвещать в тюремной зоне
Твои страданья суждено.

Нас трое здесь. Перед Ваалом
Колен не преклонили мы,
Идем путем страданий алым
Сквозь стены мрачные тюрьмы.

Глоток вина и хлеб причастья
Имеем мы сегодня здесь.
Спаситель, о, какое счастье
Нести евангельскую весть!

С благодареньем разделивши
Хлеб и вино вот в эти дни,
Тебя мы молим, Царь всевышний,
Нас в Иисусе съедини.

Ревут кругом морские волны,
Но мирны узников сердца,

Спаситель, кровью обагренный,
Дай сил быть верным до конца!

Детям

Декабрьская ночь с чернотой террикона,
Как черные птицы, нависли над зоной,
Надсмотрщиков ругань и узников стоны
Совсем потонули в молчании сонном.

Устал я в изгнаньи, истаяли силы,
Порой стали сниться мне тени могилы,
Сейчас же пред взором стоят молчаливо
Печальные лица детей моих милых.

За чудное имя Христа Иисуса,
Отвергнув с неверьем лукавым союзы
И сбросивши бремя греховного груза,
Я принял безропотно скорби и узы.

Мои дорогие, любимые дети,
Страх Божий и добрую совесть имейте,
Чтоб не увлекли вас лукавые сети,
Любите Христа всего больше на свете.

Примите родного отца назиданье:
Чтоб быть гражданином небесного званья
Иметь нужно Божьей премудрости знанье,
И с ней приготовиться в жизни к страданьям.

Кто в мире греховном хранит благочестье,
Тот примет от мира позор и бесчестье.
Невесте Христовой из сфер поднебесья
В небесное Царствие путь очень тесен.

За истину Церковь здесь, дети, гонима,
Но в небе блаженство ни с чем несравнимо,
С гонимою Церковью будьте едины,
Чтоб встретил я вас в Царстве Божьего Сына.

До свиданья

До свиданья, мой брат во Христе дорогой,
Наконец ты дождался свободы.
Распрощаюсь я в зоне изгнанья с тобой
Этим утром на долгие годы.

За тебя я спокоен, так радостно мне,
Что неверье тебя не сломило.
Пусть же реки живые в родной стороне
Потекут с обновленною силой.

Когда встречен порывом святого огня
Будешь ты в ликовании трубном,
Среди церкви тогда вспомни, брат мой, меня,
Одному мне здесь в зоне так трудно.

Может быть, на мгновенье умолкнет оркестр,
Будет пауза сладостным музам,
И польются молитвы сердечные с мест
За страдальцев, томящихся в узах.

Хор „Священный огонь" гармонично споет,
Всколыхнутся в едином биенье
Все сердца, и воспрянет гонимый народ,
Ободренный тем огненным пеньем.

Я уверен, потоки священных молитв
Сокрушат мрачных тюрем затворы,

Вновь поднимется узник, уставший от битв,
Сердцем чувствуя пение хора.

Дай же руку, мой брат, на прощанье свою,
Пусть слеза не туманит нам взора.
Гимн святой еще вместе с тобой я спою
На свободных высотах Фавора!

Эвроклидон *(Деян. 27, 14)*

Ветер неверия — эвроклидон.
В жизненном море — яростный стон,
Эвроклидон все ломает и рвет,
Борется с бурей отважный народ.
Молнии, громы. Прочен ковчег,
Море стремится сдержать его бег,
Оргии мрака ринулись в бой,
Чтобы ковчег захлестнуло волной.
Плыть нужно курсом верных отцов,
Силы слабеют, мало гребцов.
Злобствует буря, сердит ее вой,
Но не меняет курс рулевой.
Может быть, лучше назад повернуть?
Пусть отдохнет истомленная грудь,
Может быть, ветер подует другой
И воцарится на море покой?
Кто-то поддаться уж соблазну рад,
Кто-то готов всех лишиться наград,
Кормчий же тверд, невзирая на стон,
Держит он курс против ветра и волн.
Хоть истомились в страданьях друзья,
Курс изменить в бурном море нельзя.
Стоит бортом повернуться к волне —

Кто-то окажется сразу на дне.
Бурное море ковчег захлестнет,
Бедствовать, гибнуть будет народ.
Волны мгновенно его понесут,
Эвроклидона свершен будет суд.
Много прольется отчаянья слез,
Будет разбит тот ковчег об утес.
Крепче же, брат мой, держись за весло,
Чтобы волною не унесло.
Церковь гонимая — прочный ковчег,
Скоро небесный покажется брег,
Чтобы тебя не постигла беда,
Слушай, мой брат, рулевого всегда!
Эвроклидоны, зной и мороз —
Все претерпи! Рулевой наш — Христос!
Знает Он путь в обетованный край,
На Иисуса, брат мой, взирай!

Новогоднее

Церковь родная, в узах страдая,
Шлю я тебе свой привет.
За Иисуса быть в тяжких узах —
Большего счастия нет.

Миг за мгновеньем маятник времени
Слезы жемчужные льет.
В сумраке полночи старое кончится,
Новый приблизился год.

Братья и сестры, меч Божий острый
В сердце сокрывши своем,
С радостным пеньем гимнов спасенья
Через страданья пойдем.

В мире греховном слышатся стоны,
Гибнет несчастный народ.
Нужно, чтоб все мы весть о спасеньи
Людям несли в новый год.

С благодареньем склоним колени.
Слава Царю вечных сил!
Из поднебесья мы не исчезли,
Бог Свой народ сохранил.

Год на исходе. Стой же в свободе,
Будь, как слезинка, чиста.
Бескомпромиссная, верная истине,
Церковь, Невеста Христа!

Брату

На кого же взирая, любимый мой брат,
Не решился идти ты в пролом?
Так лишиться ты можешь небесных наград,
Захлестнуть может море твой челн.

О тебе твои братья-страдальцы скорбят,
Божьим воином быть ты рожден;
Неужели и совесть не судит тебя,
Когда слышишь гонимых ты стон?

Может быть, рабский страх обладает тобой,
Ты боишься лишений и бед?
Иисуса, мой брат, возлюби всей душой,
В совершенной любви страха нет.

И еще тебе знать нужно тайну одну:
Призадумайся, брат мой, о том,

Больше Бога кто любит детей и жену,
Тот не сможет идти за Христом.

Уже в битву вступил Гедеона отряд,
Звук трубы снова верных зовет.
Неужели ты, брат, обратишься назад?
Встань в проломе, там место твое!

Имя Господа — башня, броня, крепкий щит,
Полный мир в Нем от яростной бури,
Благодарное сердце в волненье стучит,
Устремляясь к небесной лазури.

Зона. Проволока, как колючая сеть,
Пайка скудная черного хлеба,
Но не сломлен мой дух, гимн хочу я воспеть,
Надо мной мое синее небо.

Мне так внятно твердит голубой, небосвод,
Что Творцом я не буду забытым,
В этом стонущем море страданий,невзгод
Я познал счастье жизни с избытком.

В Иисусе смысл жизни, в Нем „да“ и „аминь“.
Жизнь — борьба, это сказано точно,
Но борьба не за землю, а дальнюю синь,
Вечный день где сияет без ночи.

О, сокровище жизни моей,Иисус,
В благодарном смиренном поклоне
Я душою с молитвой к Тебе вознесусь,
Мне с Тобою легко даже в зоне.

Иисус, как злодей я заброшен в тюрьму,
Духа плод здесь в страданиях зреет,
За Тебя я бесчестье как честь восприму.
О, гряди, мой Спаситель, скорее!

Лилия

Над мелководной кристальной рекою,
Корни пустив до земли,
Белые лилии летней порою
В дивной красе расцвели.

Солнцу навстречу бутоны раскрывши,
Взор привлекая людской,
Гимн они пели о том, как Всевышний
Создал все мудрой рукой.

Берегом речки в тот миг шел прохожий,
Лилий услышал хоралл,
Руку к одной протянул он
И что же?.. Лилию грубо сорвал.

Полюбовавшись красой белоснежной,
Путник тот смог отдохнуть.
Нежную лилию бросив небрежно,
Дальше свершал он свой путь.

Дикий терновник, играя шипами,
Тут произнес свою речь:
„Что это, лилия, сделали с вами?
Нужно себя вам беречь.

Должен ваш род породниться со мною,
Вашу прекрасную плоть

Вмиг наделю я колючкой стальною,
Чтобы прохожих колоть".

„Дикий шиповник, шипов нам не нужно, —
Кроткий был слышен ответ, —
Созданы мы, чтоб семьи нашей дружной
Радовал всех белый цвет".

Лилия — образ Невесты Христовой,
Знает пусть весь белый свет.
В тех, кто родился от Божьего Слова,
Острым шипам места нет.

Братья любимые, милые сестры,
Чудный прообраз дан нам,
Чтоб в нашей жизни язвительным, острым
Не было места шипам.

Пусть отделяет стена семимильная
Нас от колючих грехов,
Чтоб отразился, как в той белой лилии,
В нас кроткий образ Христов.

Новобрачным

Вы стоите вдвоем в подвенечной красе,
Счастьем юности светятся лица.
Взоры многих друзей к вам прикованы все,
Стали вместе сердца ваши биться.

В вашей жизни подобных не встретится дней,
Все желают вам счастья так много.

С каждым днем вы любите друг друга сильней,
А источник любви есть у Бога.

К счастью вечному тропка ведет лишь одна,
В нерушимом семейном союзе
Ей идите, отныне вы муж и жена —
Ваше счастье — в Христе Иисусе.

Новобрачные, к вашим горячим сердцам
Пусть сегодня из зоны изгнанья
Донесется вопль узника, чтобы и вам
Не чуждаться Христовых страданий.

Вы ликуете, вместе вам так хорошо,
Но припомните тех, кто сегодня
Стонет в узах, Христа возлюбив всей душой,
Дорожа делом правды Господней.

Кто решился во всем благочестье хранить,
Мир тех гонит, ругая безбожно.
Если вместе с Христом жизни скручена нить,
То порвать ее дьявол не сможет.

Среди бурного моря житейских невзгод
Вы пребудьте всегда только с Богом.
Иисус вас десницей Своей доведет
К лучезарным небесным чертогам!

Возвращение в церковь

Гонимая Церковь, я снова с тобою
Стою в боевом христианском строю;
Уста наполняются дивной хвалою,
Я гимн благодарности сердцем пою.

Друзья, как я рад видеть вновь ваши лица,
Желал бы я всех вас любовью обнять!
Считаю за счастье с тобой помолиться,
Гонимая Церковь, скорбящая мать!

Окончились годы тюремной разлуки,
По вашим молитвам хранил Бог меня.
Пусть крепче сплетутся теперь наши руки,
Пусть тьму озарит луч святого огня.

Опять мы пойдем по тернистой дороге.
Христос проложил нам Голгофский Свой путь,
Должны рассказать о спасеньи мы многим,
За правду стоять и с пути не свернуть.

На этом пути нам не встретятся розы,
Неверье надвинулось мрачной стеной,
В наш адрес посыпятся снова угрозы,
Опять повстречается кто-то с тюрьмой.

Но кончатся скоро страданья и беды,
Друзья, ждет нас отдых от яростных бурь.
За нас Иисус, в этом наша победа,
Для верных откроет Он неба лазурь!

Пасхальное

Над тюремной мрачной зоной
Мелодичным перезвоном
В воскресение апреля
Льются жаворонка трели.
Разливаясь перламутром,
Встало солнце ранним утром —
Все в природе славит снова
Воскресение Христово.
За железною решеткой
Узник пел с улыбкой кроткой
В такт симфонии небес
Тихо гимн: „Христос воскрес!"
Веря в Иисуса милость,
Его сердце сильно билось
И рвалось из мрачной клети
К братьям, сестрам — Божьим детям,
К тем, кто этим утром рано
Чрез спасительные раны
Чистым сердцем и умом
Съединились со Христом.
Их сердца ликуют в вере —
Больше нет Христа в пещере.
Чудный мир святых чудес —
Иисус Христос воскрес!
О, воспрянь же духом с ними,
Узник, с дивными святыми!

Пусть тернист твой путь и тесен,
Но сдержать свободных песен
Тюрьмы мрачные не смогут.
Будь же стойким, верным Богу,
И прославь в сей день пасхальный
Пением души, стихами
И молитвою сердечной
Лишь Того, Чей подвиг вечно
Озаряет все народы
Символом любви, свободы,
Братства, равенства и жизни —
Он есть путь к святой Отчизне!
Следуя Его примеру,
Не страшась страдать за веру,
Возвещать о правде людям,
Узник, мы с тобою будем!
Вместе с чудною природой
Воспоем хваленья оду!
С сонмом верных христиан
Всех наречий и всех стран
Возвестим: „Принявший крест,
Иисус Христос воскрес!“

На встречу узника

Наш брат дорогой, мы в церкви родной,
Забывши земные печали,
Средь многих друзей из зоны скорбей
Сегодня тебя повстречали.

Как радостно нам в семье христиан,
Твой дух отдохнет пусть немного,
Чтоб вместе опять нам с песней шагать
По трудным, тернистым дорогам.

Мир гибне во зле, на грешной земле
Шатер свой воздвигло безбожье.
Последний призыв... Про раны забыв,
Идти нужно снова в бой с ложью.

От адских цепей несчастных людей
Избавит лишь кровь Иисуса.
Ты нес правды весть; великая честь
За правду Христову быть в узах!

Наш брат, ободрись, направив взор ввысь!
Пусть силы у нас так ничтожны,
Но помни о том, что вместе с Христом
Любая победа возможна.

Любимый наш брат, из нас каждый рад
С тобой для Христа потрудиться.
Сегодня — Фавор, звучит стройно хор
И радостно светятся лица.

А завтра — нам в бой, жестокой толпой
Мы снова поруганы будем;
Пусть много угроз, но мы, как Христос,
Всю жизнь посвятим свою людям.

Призыв

С полей благовестья разносятся вести,
Что Бог Свой народ посетил.
Гонимое братство, порвав цепи рабства,
Ждет новых Божественных сил.

По милости Божьей на грешный мир должен
Пролиться потоками дождь,

Встань, Царства наследник,
дождь льется последний,
С тобой Дух Святой — верный вождь.

Ты гибнущим людям скажи: „Славить будем
Христа мы в последние дни!“
Пусть в жизни примерной плод истинной веры
Сегодня увидят они.

Словами одними никто не поднимет
Из бездны греховной людей,
Лучом личной жизни путь к вечной Отчизне,
Мой брат, освети им скорей!

Не бойся гоненья, твое поколенье
В суровые годы росло.
Ад рыкает львицей, пусть сердце стремится
Любовью ответить на зло.

Все зоны, темницы стремительной птицей
Должна облететь правды весть.
Страдальцы Христовы идут в тюрьмы снова,
Для них много дела там есть.

Гори ж в поднебесье огонь благовестья,
Теплом мир греховный согрей,
С евангельской песней жизнь станет чудесней;
Гряди, наш Спаситель, скорей!

Душе

Зари пожар угас бесследно,
Приблизился шатер небес,

Стал одевать вуалью бледной
Туман реку, луга и лес.
Псалом вечерний спели птицы,
Уж тишина свои страницы
Торжественно перелистнула,
Вступила ночь в свои права,
Росой упоена трава,
Все в ароматах утонуло,
Природа спит, едва дыша,
Но ты не спишь, моя душа.

Ты вспомнила красу природы,
Светил небесных консонанс,
Пьешь мысленно нектар свободы.
Напрасно, бедная, ведь нас
Кругом железо окружило,
Очнешься — кровь застынет в жилах,
Увидишь вновь в решетке небо;
Услышав заключенных стон,
Поймешь, что это был лишь сон.
Каким бы он прекрасным не был,
Тебя пробудит часовой
И псов его протяжный вой.

Оставь ласкающие грезы,
Будь в вере твердой, как гранит,
Твои страдальческие слезы
Один Творец пусть только зрит,
В сосуды Он их собирает,
Чтобы воздать блаженством рая.
В житейском море все так зыбко,
Несчастных много гибнет здесь,
Неси им о спасеньи весть.
Своей небесною улыбкой
Среди печалей и скорбей
Холодный мрак сердец согрей!

Настанет день, когда оковы
С борцов за истину спадут,
Воспрянут воины Христовы,
Над злом свершится Божий суд.
К гонимым в тусклое оконце
Заглянет правосудья солнце,
Осветятся страдальцев лица —
Наполнилась их чаша слез.
На землю вновь грядет Христос,
Скорбящий может восклониться.
Душа моя, тогда вдвоем
Мы гимн свободы воспоем.

Брату В.И.К.

До свиданья, милый брат,
Чистое любви лобзанье,
Как духовный аромат,
Подари мне на прощанье.

Мы, страдая за Христа,
Скорбный путь свершали вместе,
Бога славили уста,
И евангельские вести

В немощи и в простоте,
Пусть не с колокольным звоном,
Прозвучали о Христе
Над тюремной мрачной зоной.

Но настал прощанья час...
Видно, так угодно Богу,
Чтобы разлучили нас.
С Богом, милый брат, в дорогу!

Что же ждет тебя теперь,
Радости иль скорби снова?
Не смущайся, только верь,
Проповедуй Божье Слово!

В радости или в беде,
Что бы в жизни ни случилось,
Пусть с тобой всегда везде
Будет Иисуса милость.

Руку дай! Не унывай!
О мой брат, в последний вечер
Должен я сказать: „Прощай!
До небесной, чудной встречи!“

Брату В. Н. Д.

За двойною решеткой с железною сеткой
Провести нам с тобою пришлось много дней,
Нас кормило безбожье угрозою едкой,
Но мы стали от этого только родней.

Труден путь наш, пред нами тернистые дали.
Со свободой придется прощаться опять,
Но изменниками мы с тобою не стали —
Значит, будем совместно за правду стоять!

Вновь этапы, авралы, тюремные нары,
Трудно узникам жить за колючей стеной,
Все равно не придумает дьявол той кары,
Победить чтобы Церковь в долине земной.

Мы седые уже, и в безбожном кювете,
Может быть, скоро кончится жизненный путь.

Но теперь знамя правды возьмут наши дети,
Им мы прямо в глаза можем, брат мой, взглянуть.

Может быть, где-то раньше, увлекшись борьбою,
Мы друг друга понять не сумели вполне,
Но теперь, переплавившись, вместе с тобою
Мы теснее сплотились в духовном огне.

Да поможет Господь, чтоб из нас каждый верным
До конца своих дней смог остаться, мой брат,
Пусть Христос вдохновит нас
служеньем примерным,
Удостоиться чтобы небесных наград!

Посвящение В. М. В.

Расстаюсь я с тобою, мой брат во Христе,
И на память прощальные строки
Я пишу для тебя на конвертном листе,
Приняв милости Божьей уроки.
Вспоминай, милый брат мой, почаще о том,
Что возлюблен ты вечной любовью Христом.

Знамя правды Христовой совместно нести
Довелось почти год нам с тобою.
В „зоне" скорбных разлук прошли наши пути,
Подкрепляя друг друга с мольбою.
Семя правды мы сеяли, скорбь претерпев,
Вызывая порой у гонителей гнев.

Чрез страданья мы стали с тобою родней,
Не сродняют так путников мили,
В трудный час мы мечтали о радостном дне,

Пайку скудную ровно делили.
Восхищались небесною мы бирюзой,
Божьей правды посев поливая слезой.

Вот теперь ты один в этих мрачных местах
Знамя правды нести удостоен...
Верю я — ты поборешь сомненья и страх
И сумеешь, как доблестный воин,
Быть оплотом для истины в „зоне" теперь,
Не смущайся в борьбе — только искренно верь.

На прощанье тебя обниму я, мой брат,
Со слезою и чистым лобзаньем...
Дай Господь, чтоб достоин ты был всех наград
С вожделенным небесным признаньем!
Будем помнить друг друга в сердечной мольбе.
Это, брат мой, последняя просьба к тебе.

Прощание с юностью

День склонялся к концу, солнца луч догорал
В переливах пурпурного света;
Было шумно, оркестр танцевальный играл,
Возвещая пришествие лета.

Я беспечно кружилась в саду городском
Вместе с пышной мирской молодежью,
Я плыла по инерции в море людском,
Приближаясь все ближе к безбожью.

Но Спаситель мне руку Свою протянул,
Помню я эту дивную встречу;
Веру Он в мою душу больную вдохнул
Своей нежной и ласковой речью.

Помню, грустно мне стало в кругу суетном.
Сколько можно бездумно кружиться?
Лето кончится, осень настанет потом,
Пролетит моя юность, как птица.

Убежать захотелось от всех в тишину,
Позабыть шутки, музыку, пенье.
Нужно срочно решить мне задачу одну,
Перед вечностью встать на колени.

* * *

Я очнулась вдали от мирской суеты,
Взор туманили жгучие слезы.
Где же вы, так пленявшие душу мечты?
Где же вы, мои юные грезы?

Слышу голос, смотрю — предо мною малыш
Смотрит нежно, как Божия милость:
„Няня, что же ты здесь одиноко сидишь,
Может, что-то с тобою случилось?

Посмотри, как прекрасно и тихо кругом,
Зацветут скоро лилии, розы,
Птички хором поют свой вечерний псалом,
А ты льешь безутешные слезы“.

„Мой малыш, подрасти, ты поймешь все потом:
Не хочу я встречаться с могилой,
Не хочу, чтобы смерть постучалась в мой дом;
Хочу вечно быть юной, красивой!“

„Почему я все это пойму лишь потом?
Я сейчас знаю, жизнь быстротечна,
Но кто прожил всю жизнь с Иисусом Христом,
Тот с Ним будет и царствовать вечно“.

„Мой малыш, кто тебе о Христе рассказал
И о том, что есть жизнь неземная?“ —
„Каждый день мне об этом мой папа читал,
Когда он еще был вместе с нами“.

„Ну а где же твой папа?“ — „Томится в тюрьме:
Проповедывал он Иисуса.
Как увидеть хотелось бы папочку мне,
Каждый день за него я молюся!

Он всегда говорил: „Со Христом будь, мой сын,
Вырастай и готовься к служенью,
Со Христом не останешься в жизни один,
Не сломить нас суровым гоненьям!

У нас с мамой так много печалей, забот,
Но всегда с нами Тот Утешитель,
Кто Своею рукою нам слезы сотрет
И введет в неземную обитель.

Я, как папа, хочу проповедником стать,
Крест нести с христианской любовью,
На весь мир я хочу о Христе закричать,
Нас омывшем голгофскою кровью!“

„О мой маленький вестник страдальца Христа!
С детства тягость вкусивший гонений,
Пред твоею вся жизнь моя так нечиста,
Пред тобой я встаю на колени!“

„Предо мной ты не плачь и колен не клони —
Перед Богом одним лишь склоняйся,
У креста ты сложи все прожитые дни,
Во грехах своих тяжких покайся!“

„Иисус, я приемлю Тебя всей душой,
Я Тебе теперь только внимаю,

В Твои руки вверяю путь жизненный свой,
К небу радостный взор поднимаю!“

ШИЗО

Я заточен в подвале мрачном из бетона,
Прославленный ШИЗО — губитель жуткий мой,
О, сколько выжал ты трагического стона
Из тех, кто называл тебя в тюрьме тюрьмой.

Могильным холодом меня ты встретил ныне,
Явив во всей красе безбожья злую месть,
За то, что узникам я нес о Божьем Сыне,
Запреты преступив, спасительную весть.

Но не пугай меня, ШИЗО, своим оскалом,
Не устрашит меня твой преисподний бред,
Я Иисусу верен был в большом и малом,
Я не умолкну, слышишь, изолятор, нет!

Нельзя сковать мой дух решетками из стали;
Пусть отвратителен, ШИЗО, твой гнусный хлев,
Молитва сердца вырвется к лазурной дали,
Бетона перекрытья все преодолев.

Утешитель придет ко мне без замедленья,
Бессильны перед Ним и ненависть, и зло.
Нет, не проклятья стон, а трепет песнопенья
Услышишь ты еще, могильщик мой, ШИЗО!

Прощание с зоной

Сегодня, зона, я прощусь с тобой, наверно,
Несчастных узников безнравственный притон,

Насилья и греха ужаснейшая скверна.
Как истомил меня твой ежедневный стон!

Да, квинтэссенция безбожного хожденья
Здесь, в зоне, как-то по-особому видна.
О, как растлился человек — венец творенья,
Грехов неверья чашу выпивши до дна.

Зло разветвленной сетью всех здесь окружило,
Систему зла порвать хотят все тем же злом,
И мучается люд. Творец, кровь стынет в жилах
При виде, как вся жизнь берется на излом.

Кто разорвет цепь зла, кто страждущим поможет?
На раны нужно лить не уксус, а елей.
Народу гибнущему помоги, о Боже,
Спасительный бальзам на грешников пролей!

Христос, я о Тебе свидетельствовал в зоне,
Как мог, я узникам о правде возвестил.

Прости, Спаситель мой, что в истинном законе
Пребыть всегда и мне здесь не хватало сил.

Мой Иисус, всех слабостей своих не скрою,
Грехи спешу сложить я у пронзенных ног.
Прости, Господь, что тускло я светил порою
И истину раскрыть пред многими не смог!

Но несколько сердец Твоей любовью все же
Зажглось, желая жить по-новому, с Тобой.
Их сохрани от зла, Владыка, вечный Боже,
И помоги идти тернистою тропой!

Прости гонителей моих, влекомых злобой,
Им грубость черствую простил я от души.
Храни свидетелей Твоих, народ особый,
На помощь узникам за правду поспеши.

О, неужели я с друзьями встречусь вскоре!
Стремится к дивным и святым из уз душа.
О, как хочу я снова петь в церковном хоре
И искренним мольбам внимать, едва дыша!

Пульс сердца все сильней, его биеньям внемлю
Глас радости уж вскоре вырвется из уст.
Хотел бы я в свой час оставить эту землю
С таким же чувством, Царь мой, Иисус!

Крылья веры

Часто в буднях жизни серой
Слабнут силы, нет огня.
Крылья христианской веры,
Поднимите вы меня!

Мир Амуров, Вакхов, Геры —
Это суета-сует.
Крылья христианской веры,
В вас нуждается поэт!

Пламенной любви примеры
Я в стихах воспеть хочу,
Крылья христианской веры,
С вами все мне по плечу!

Я любить хочу без меры,
Быть среди отрадных гор.
Крылья христианской веры,
Покажите мне Фавор!

Там бесценнейшие перлы
Духом я приобрету.
Крылья христианской веры,
Наберите высоту!

Злобствуют пусть лицемеры
И готовят мне Патмос.
Крылья христианской веры,
Лишь бы был со мной Христос!

От безбожной атмосферы
В край немеркнущего дня,
Крылья христианской веры,
Вознесите же меня!

Молитва

Мой Господь, о услышь Ты молитву мою,
Вопль души средь житейских тревог и волнений.

В этом гимне я скорбь пред Тобой изолью,
О, взгляни, Иисус, Ты на слезы молений.

Тьма сгустилась над узкой, тернистой тропой.
Братья в узах томятся и горько стенают.
Помоги, Иисус, лишь идти за Тобой,
Средь гонений пребудь,
Милосердный, Ты с нами.

Если мне суждено за Тебя пострадать,
Быть изгнанником вечным без счастья, общенья —
Помоги к небесам чаще взор поднимать
И в Тебе лишь одном находить утешенье.

И далекая, ясная неба лазурь
Пусть мне будет залогом той радостной вести,
Отзвучит когда песня страданий и бурь —
С Иисусом навеки там будем мы вместе!

Снегирек

Расскажи-ка, снегирек,
На красивой веточке —
Кончится ли папин срок?
Ждут его все деточки!

С ним нам было хорошо
Славить Иисуса,
Поскорей бы он пришел,
Как устал он в узах!

В тюрьмах плохо, не секрет,
Мрачная картина.
Снегирек, неси привет
От дочурки Нины.

Посвящение отца — сыну

Ты крепко спишь в уютной колыбели,
Теплом согретый мамы дорогой,
В окно стучат дождливые капели,
Не нарушая мирный твой покой.

Совсем ты маленький, ночной порою
Тебе исполнится второй годок;
Пока бежишь ты жизненной тропою,
Не ведая ни горя, ни тревог.

Ты видишь жизнь в ее кристальном свете,
Она в прекрасном, радужном венце.
Для тех, кто чист душой, как дети,
С безгрешною улыбкой на лице.

Тебя лелеют бабушка и мама —
Любовь свою всю детям отдают;
Отец идет работать очень рано,
Чтоб в доме был порядок и уют.

Лишь только утром ты откроешь глазки,
Увидишь солнце утреннее вновь,
Встречаешь снова ты улыбку, ласки
И мамину бесценную любовь.

Но не всегда, сынок, в твое оконце
Любви и ласки будет свет светить,
Бывает, что закроют тучи солнце
И оборвется радостная нить.

Тебя хотел бы я увидеть взрослым,
Но, кажется, мне счастья не дано
Ответить взрослому на все твои вопросы, —
Пишу тебе в грядущее письмо.

Быть может, в будущем твое сознанье
Смутится вдруг в отчаянной борьбе,
Прочти тогда отцовское посланье,
С молитвою пишу его тебе.

„Услышь, Всевидящий, мое моленье,
В смиренье пред Тобою я стою!
Возгрей, Господь, отцовское стремленье
Поведать сыну истину Твою.

Тебя молю, мой Царь и мой Спаситель,
На сыне не оставь моих грехов!
Раскрой пред ним небесную обитель,
Даруй ему Твой мир и Твой покров!

Зажги в нем огнь Твоей любви священной,
Чтоб яд неверья в душу не проник,
Чтоб славил он Тебя, Творца Вселенной,
Как вожделенен Ты и как велик!

Чтоб христианскую любил свободу
И чтобы жизнь его была чиста,
Пусть проповедует Христа народу,
Доколе не закроются уста!

Что ждет его? — Невзгоды и лишенья!
Но помоги быть верным до конца.
Пусть в книге Библии находит утешенье,
Чтоб не похитил кто его венца.

Пусть не страшит его земная доля,
В борьбе с грехом его Ты не покинь!
Во всем Твоя, Господь, да будет воля,
Хвала Тебе за все. Аминь..."

* * *

Мой милый сын, я все поведал Богу,
Что так волнует душу день и ночь.

Пишу последнее напутствие в дорогу,
Совет последний, чтоб тебе помочь.

Найди стезю среди людских блужданий,
Она надежно к истине ведет;
На ней ты встретишь множество страданий.
Не ужасайся! — Это легкий гнет

Для тех, кто в истине находит силу,
Кто осознал величие креста,
С улыбкою кто смотрит на могилу,
За нею видя чудный лик Христа!

Все ищут истину на белом свете,
За ней ракеты устремились ввысь,
А нам Христос давным-давно ответил,
Что только Он есть истина и жизнь.

Ищи Его, цени дороже жизни,
Любовью беззаветною служи.
Он — путь надежный к радостной Отчизне,
Он — мир святой для сердца и души.

К Нему беги со всякою нуждою,
Он — чудный врач, источник новых сил.
Люби людей всем сердцем, всей душою,
Как некогда Господь их возлюбил!

Во всем держись евангельской основы,
Ортодоксальных споров избегай,
Заветы в сердце запиши Христовы,
Вникай в ученье и в себя вникай!

Запомни: все, что нужно для спасенья,
Ученикам завещано Христом,

Не принимай иные добавленья,
Чтоб горько не раскаяться потом.

Пребудь всегда в евангельском законе,
Люби премудрость с отроческих дней;
Создателя, о сын мой, свято помни
Во дни прекрасной юности своей.

Молись всегда: со счастьем ли, в беде ли,
Будь совестью, мой сын, пред небом чист...
Писал тебе отец у колыбели,
Евангельский христианин-баптист!

Сынок мой любимый Павлуша,
К тебе долетит пусть стих мой,
Отца наставленье послушай,
Сокрытого мрачной тюрьмой.

Ты знаешь, мой сын, что я Богу
Души своей силы отдал
И сам добровольно дорогу
Тернистую в жизни избрал.

Мне трудно бывает и очень,
Порой выбиваюсь из сил,
И все же я счастлив, сыночек,
Что жизнь всю Христу посвятил!

Поэты несут свои строфы
На горы Казбек и Эльбрус,
А я восхожу на Голгофу,
Где распят был мой Иисус.

Нелегок, мой сын, крест страданья,
И рвется порой жизни нить,

И все ж я имею желанье
С собою тебя пригласить.

Уж юность жемчужные двери
Раскрыла, мой сын, пред тобой;
Познай же Христа в полной мере,
Идем вместе узкой тропой!

Сегодня встречать, мой сыночек,
Ты будешь рождения день.
Пусть не омрачит твои очи
Печали непрошенной тень.

Пусть в сердце, как луч в изумруде,
Любовь возгорится огнем...
Когда хорошо тебе будет,
Ты вспомни о папе своем.

Моя милая доченька Маша!
В день рождения стих небольшой
Я пишу тебе, радость ты наша;
В этот день я с тобою душой.

Почему-то припомнил сейчас я
Твою родину, дальний Урал.
Ты росла, наша веточка счастья,
Но потом счастье кто-то украл.

Поразил тебя недуг смертельный,
Врач сказал: „Безнадежна... умрет".
Пятна смерти алели на теле,
Но в молитвах был Божий народ.

Лучший друг Иисус, Врач твой нежный,
Когда мы пребывали в мольбе,
Озарил нас желанной надеждой,
Исцеленье послал Он тебе.

А потом вместе с братиком, дочка,
Ты опять нам на радость цвела.
Два счастливых зеленых листочка
Утешеньем нам были средь зла.

А теперь тебя юность зимою
Одевает вуалью красы...
Помолись Иисусу со мною,
Дочка Машенька, в эти часы!

Ты сердечко свое за дар жизни
Иисусу Христу посвяти,
С Ним стремись ты к небесной Отчизне,
В Нем лишь счастье ты сможешь найти!

Как пчелки с полей устремляются в улей,
Так стих мой летит пусть к дочурке Нинуле,
Встречающей свой день рождения снова
С глубокою грустью без папы родного.

Не надо печалиться, доченька, много —
Такая уж выпала папе дорога:
За имя Христа быть с семьею в разлуке,
Сказать заключенным о Том, Кто все муки

Безропотно принял, на крест вознесенный,
Чтоб верный Ему был навеки спасенный.
Дочурка, не будем грустить мы с тобою,
А лучше к Творцу обратимся с мольбою;

Прославим Его со спасенными дружно,
Возрадоваться нам, моя доченька, нужно!
Тернистой тропой понесем правду людям,
Страдая с Христом, мы с Ним царствовать будем!

В день рождения, доченька Оля,
Стих на память тебе я пишу.
Хоть трудна христианская доля,
Но тебя я утешить спешу.

Не смущайся, дочурка родная,
Что твой папа за правду гоним.
Такова наша доля земная,
Богом я утешаюсь одним.

Только с Ним отыскать счастье можно.
Пусть бушует мирской ураган,
Пусть толпа нас ругает безбожно,
Мы в небесный идем Ханаан.

Чтобы жизнью прекрасной, большою
В этом мире, дочурка, прожить,
Нужно Бога любить всей душою,
За друзей нужно жизнь положить

Нужно в нуждах скорбящих участье
Принимать, их всем сердцем любя,
И тогда, дочка, веточка счастья
Расцветет по весне для тебя.

Как в твоем взоре, доченька, кротком
Отразился свод неба без гроз,
Так в пути этой жизни короткой
Пусть во всем отразится Христос.

К дню рожденья

Я хотел бы из зоны изгнания
Улететь в дорогие края,
Чтоб сердечные пожелания
Услыхала сестра моя.

Воет буря опасными рифами,
Море жизни встречает мой челн,
Я же с песней и громкими рифмами
Покоряю громады волн.

По молитвам твоим терпение
В преизбытке Господь даровал,
Часто слышу твое я пение,
Хоть грохочет девятый вал.

В день рожденья Христу могучему
За тебя помолюсь я в тиши,
Чтобы штормом, скалистыми кручами
И тебя Люцифер не страшил.

Львы рычат, угрожая оскалами,
Твой опасен для жизни сей рейс.
Meine Schwester, за дикими скалами
Есть прекрасный цветок Эдельвейс.

Ты его ароматами нежными
Упивайся, забывши мир слез,
Одеяньями белоснежными
Облекись. Эдельвейс — твой Христос.

В синем небе забудем печали мы,
Не припомним страданий, разлук...
Пусть же гимнами встретит венчальными
Там тебя Иисус, верный Друг!

Посвящение Любочке К.,
отошедшей в вечность после тяжелой болезни

Мне 14 лет. Открываю уста,
Чтобы в кратких словах передать,
Как всем сердцем люблю я Страдальца-Христа,
Даровавшего мне благодать.

Я смотрю на Голгофу, мой взор полон слез,
Я готова сейчас зарыдать.
На ужасном кресте мой прекрасный Христос
Должен был за мой грех умирать.

Капли крови очистили сердце мое,
Благодарная льется слеза;
Гимн спасенья душа моя громко поет,
Я смотрю Иисусу в глаза.

О, безмерная Божья святая любовь!
Распростерла ты руки свои.
Ты готова обнять утружденных всех вновь,
Их омывши в пречистой крови.

Тихо-тихо сказали мне Божьи уста,
Проливая бальзам для души:
„О дитя, будь отныне ты сердцем чиста.
Так иди же и впредь не греши!"

Мне сказал Иисус нежно-нежно, как мать:
„Не смущайся, Я дам тебе сил,
Тебе много придется еще пострадать,
Но безропотно крест свой неси!"

Чрез страданья и скорби тебя убелю,
Укажу путь к святым небесам.
Голубицу прекрасную, Церковь Мою
В царстве вечности встречу Я Сам".

Иисус, мой Спаситель, мой Царь и Господь,
В моей жизни так много скорбей,
Но Ты мне помоги врага душ побороть,
Приходи к нам на землю скорей!

С юных лет познаю — без Тебя счастья нет,
Бесполезна надежда на плоть.
Жизнь без Бога никчемна — один пустоцвет.
Хорошо, что Ты есть, мой Господь!

Я в страданьях страданья Твои познаю
И частичку любви неземной,
Что от ада избавила душу мою,
Даровав радость, мир и покой.

Кроткий Агнец, хочу быть такой же, как Ты
Во все дни, что назначены мне.
Ты есть Истина, Жизнь, Идеал красоты,
Верный путь к той небесной стране,

Где забуду я тяжкую долю свою,
Где нет смерти, страданий и слез,
С чудным хором песнь новую там воспою
О Тебе, мой Спаситель Христос!

Дорогому наставнику

Памяти Я.Р.Буденкова

Безмолвен ты, глаза твои сомкнуты,
Навеки отзвучал правдивый голос твой;
Печально тянутся прощальные минуты,
Прощай, наш брат — наставник дорогой!

Твой путь окончен, смерть навек смежила
Уста, что людям истину несли.
В тебе горел огонь небесной силы,
Чтоб правду несть всем жителям земли.

Всем сердцем, всей душой любил ты человека,
Переполнен был любовью путь суровый твой,
Из уст твоих текли все время реки
Воды кристально-чистой и живой.

Тернист был путь, но беды и лишенья,
Угрозы не смогли твой голос заглушить.
Твое единое души стремленье —
Для истины святой, для правды жить.

Ты был светильником для многих в этом мире,
Ты, не колеблясь, рвал лукавства злую сеть.
В беде и радости, подобно древней лире,
Ты был готов о вечной славе петь.

Но смолк аккорд, прорвались струны лиры.
Как рано твой пробил последний час!
И нет в тебе уже могучей силы,
Светильник яркий навсегда угас...

Но нет! Не надо слез. Умолкните рыданья!
Крепитесь все, насколько хватит сил.
Пусть слишком много выпало страданий,
Но трудный путь он с честью совершил.

О братья, сестры! Нам скорбеть не надо:
Взгляните на него, на путь его святой,
Ему готовится теперь награда
Всевышним праведным Судьей.

Взгляни же, молодость, на эти вот останки:
Здесь смерти пир, здесь смерти торжество.

Но знайте все, что это был наставник.
Вас умоляю, помните его!

И вот настал последний миг прощанья,
Сомкнется скоро дверь могильных врат,
Прощай же, милый, дорогой наставник,
Прощай, наш друг, отец, любимый брат!

Декабрь 1962г.

Мама

(моим родным к 10-летию, 1954-1964)

Сегодня во сне я видел тебя
Усталой, больной, постаревшей.
Хотел я обнять тебя, мама, любя,
Но ты удалилась поспешно.

Напрасно к тебе я с тоскою взывал,
Напрасно простер к тебе руки,
Мой голос в сгустившейся тьме затухал,
Все стихло... Вдруг дивные звуки

Божественно-нежного гимна любви
С какою-то светлой печалью
Чудесной гармонией где-то вдали
Как ангельский хор зазвучали.

Я замер и с чувством совсем неземным,
В каком-то немом восхищенье,
Смотрел, как кругом вдруг все стало иным,
Все ожило в быстром движенье.

И тьма разлетелась, как призрак пустой,
И радость все вдруг озарила.

Я вижу народы великой толпой
Идут, чтоб взглянуть на Светило.

А хор, что звучал еле слышно вдали
С какою-то грустью печальной,
Разросся в симфонию, в гимн всей земли
В честь сущего Слова сначала.

И видел я, стоя один в стороне,
Тебя в этом тысячном хоре;
Приблизиться ты не решалась ко мне,
Хотя мое видела горе.

Проснулся. И взор затуманен слезой,
Тоска мое сердце сжимает.
О, если бы, мама, была ты со мной!
Тогда б я не мучился, знаю,

Согрела бы сына ты лаской своей
В печали и, что б не случилось,
Спешила б утешить его ты скорей,
За сына бы ты помолилась.

О, как бы хотелось вот в этой тиши
Мне душу излить пред тобою,
Чтоб ты залечила все раны души
Своей христианской любовью!

Прости, мама милая, если порой
Тебе причинял я страданья,
Я понял все лишь над могильной плитой.
Как поздно! Минуты прощанья

Заставили вспомнить заветы любви,
Значенье Голгофских страданий.
Я помню, о мама, молитвы твои
И в святости их сохраню!

Как мало мы в юности пылкой своей
Внимаем благим наставленьям!
Как мало при жизни мы чтим матерей,
Предавшись земным наслажденьям!

Но годы идут, и уходят от нас
Любимые матери наши,
Упрек нам бросает прощания час,
Но что над могилою скажешь?

О дети! Любите и чтите вы мать,
Ее наставленьям внимайте!
Чтоб вам над могильной плитой не рыдать,
При жизни ей почесть воздайте!

Памяти дедушки

Сегодня поутру, совсем еще рано,
Я вдруг невзначай получил телеграмму;
Родные с прискорбьем меня известили,
Что все они с дедушкой нашим простились.

Наш дедушка... Добрый и скромный мой дед!
На этой земле тебя, значит, уж нет?
Жестокая смерть заскорузлой рукой
Твой путь прервала многотрудный, земной.

Прощай, дорогой мой, любимый старик!
Из уст моих рвется отчаянья крик!
Я всю доброту твою вспомнил, дед милый,
О, если б мне быть над твоею могилой,
В глубокой печали с моими родными
Тебя я омыл бы слезами своими.

Ты слишком был дорог для нашей семьи,
Ведь ты возвестил нам ученье любви.
Совсем молодым, на заре юных лет,
Ты в семью принес дивной Истины свет.
Бесхитростной жизнью в святой простоте
Ты всем возвещал о страдальце Христе.

Наставник! Забыть я тебя не смогу.
Лишь только весна расцветет на лугу,
В приют милый детства я снова вернусь
И там над могилой твоей помолюсь.

Тебя буду помнить не сорокоустом,
А добрым деяньем, добрейший дед русский,
Хочу, чтоб твоя и в моих жилах вновь
Текла благодарная, добрая кровь!

Посвящение Н. П. Храпову

„В вечной памяти будет праведник" (Пс. 111, 6)

Ты очень много претерпел страданий
За тридцать лет скитаний за Христа;
Пройдя через подвалы мрачных зданий,
Ссылался ты в суровые места.

Но перед истиной бессильна злоба.
Ты в сердце смог огонь любви сберечь;
Оставшись верным Господу до гроба,
Ты в ножны не вложил духовный меч.

И где бы ни был ты, везде и всюду
Об истине не умолкал твой глас,

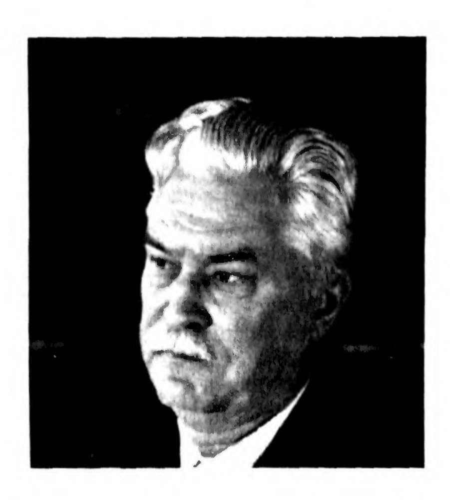
Преступному свидетельствуя люду
О Том, Кто грешников от смерти спас.

Кончался срок очередной скитанья,
Но ты опять, не покладая рук,
Совместно с братством верных строил зданье,
Которое Христос создал средь мук.

Умел ценить ты каждое мгновенье,
И как поэт, путь проложив к сердцам,
Стихами звал младое поколенье
На смену встать измученным отцам.

Таланта пламя действие имело —
Ты мог у Бога много силы брать.
Поднявши с пеньем знамя правды смело,
Вставала юная Христова рать.

Глашатаем для молодежи ставши
И посетивши многие места,



Ты мудрым был наставником для старших
Домостроителей Церквей Христа.

Совсем седым ты старцем на свободе
Дописывал о жизни третий том,
Солидный труд об избранном народе
Мог ярким поученьем стать потом.

Но „черный ворон“, не стыдясь ни мало,
Спешил прервать твой многолетний труд.
Всем в братстве верных ясно сразу стало —
Теперь тебя с лица земли сотрут.

Больное сердце уж не билось вскоре.
Как воин „в зоне“ встретил ты свой час.
Твоя кончина — это наше горе,
Любимый старец, ты ушел от нас!

Жизнь описать свою тебе не дали.
Ее допишет Бог Своей рукой.
Дела твои пойдут к лазурной дали,
К Отцу любви, где ждет тебя покой.

Прощаясь, припадаем к изголовью...
Ты стал для нас теперь еще нужней.
Твой подвиг верности в сердцах с любовью
Хранить мы будем до кончины дней.

Памятник

„Я памятник себе воздвиг...“ (А. С. Пушкин)

Нет, не воздвиг себе я памятник и не поставил стеллы,
Тропы своей я не облек ни в мрамор, ни в гранит,

Не покорил я высшей славы мира бренного пределы,
Которые надежно Цербер гордости хранит.

Я фимиама почести не воскурил земным кумирам,
Меня к себе манила неба голубая ширь,
Всем музам аполлоновским,
языческим кифарам, лирам
Я предпочел Давида сладкозвучную псалтирь.

Нет! Не прельстилось мое сердце
красотою пьедестальной,
Я не пленился вакханальным обществом Венер:
Собранье кротких и смиренных
с красотой души кристальной,
Небесный Агнец Иисус — вот для меня пример.

Ему я гимн любви воспел, забыв о славе мира тленной,
Его увидев красоту, не петь я гимн не мог,
Прекрасней ныне подвига я не нашел
во всей Вселенной,
Прославлен вечно будь в единородном Сыне Бог!

Среди простых людей, не преклоненных
пред вратами ада,
Нашел я очень много верных, искренних друзей,
Мы вместе шли в пролом.
Стоять за истину — моя награда.
В любви не жалко было мне для них и жизни всей.

Я верю твердо, Иисус, что в царственном тысячелетье
Награду — жизненный венец —
Ты дашь всем верным Сам.
Умолкнут песни скорби, слез,
сплетутся пальмовые ветви,
Ликующий воспрянет гимн к лазурным небесам.

Быть в царстве кротких — вот мой памятник,
прочней он лучшей стали,
Славнее бюстов бронзовых, мемориальных плит.
Гряди, мой Иисус, и царствуй
на небесном пьедестале!
Твоею славой будет жив слагавший стих пиит (поэт).

Счастье

Радостно, утром воскресным проснувшись,
Видеть чудесный непрожитый день,
Видеть, как солнечный луч, улыбнувшись,
Все оживил вдруг игрой в светотень.

Радостно жизненный импульс услышать,
Радостно, сбросив сонливую лень,
Сердцем сказать: „О Создатель всевышний,
Благодарю за дарованный день!"

Радостно горе, невзгоды, ненастья,
Что где-то в прошлой гнездятся глуши, —
Все позабыть в этот светлый миг счастья
В дивной молитве бессмертной души.

Счастье не вымерять мертвою мерой.
Каждый о счастье так много мечтал;
Счастье есть жизнь с ясной, чистою верой
В жертву Голгофы, в святой Идеал.

Юность

Юность нежная, юность поющая,
Чувств проснувшихся бурный разлив,

Ты прекрасна, как роза цветущая,
Благодарен твой чистый порыв.

Юность светлая, юность летящая
И смотрящая правде в глаза,
С твоей смелостью был очень счастлив я
И стремился всем правду сказать.

Все дела твои славные помню я,
Быть с тобою мне хочется вновь,
Ты — прекрасная в жизни симфония,
Лейтмотив твой зовется „любовь".

Ты — страница всей жизни заветная,
Пусть твои отзвенели года.
Ты зовешь, словно песня неспетая...
Не допеть мне тебя никогда!

В небесах, в лучезарных обителях,
Где свой бег прекращают года,
Верю, буду я встречен Спасителем.
Вечно юным с Ним буду всегда!

Полночное небо

Полночное небо огромным шатром
Таинственно смотрит на землю;
Природа безмолвна... Все тихо кругом...
Небесному гласу я внемлю.

Какое величье! Какая краса
В гармонии неба ночного!

Поют симфонический гимн небеса
О славе Творца всеблагого.

Кто Ты, так искусно соткавший ковер
Из яхонта звезд многоликих?!
Как мудро его Ты везде распростер
В пространствах Вселенной великих!

Кто Ты, даровавший движенья закон
Светилам небесным всем вместе?
Где пульт управления, Твой царственный трон
Галактик и дальних созвездий?

О Ты, несравненный Ваятель миров,
Безвременный, ветхий веками,
Тебе землянин поклониться готов:
Сраженный мой разум смолкает!

Пигмей на несчастной пылинке — Земле
В гордыне познать Тебя тщится;
Все званье его, как лучина во мгле,
То тлеет, то слабо дымится.

Вот если стаканом все выпить моря
Безумец задумает прыткий,
Мудрец ему скажет: „Пытаешься зря, —
Напрасная эта попытка“.

Разумнее будет у моря стоять,
Его наслаждаясь прохладой,
Зиждителю вечному славу воздать,
А пить море, братец, не надо!

Ты выпьешь 30-й последний стакан,
Возможно, уместится фляга,
Но чрево твое разорвет океан,
Безумный и жалкий бедняга.

Быть может, героем тебя назовут
Пред смертным трагичным порогом,
Гимн славы безумству героя споют,
Но кем ты предстанешь пред Богом?

Смирись, человек, пред величьем Творца,
Пред Богом будь духом, как нищий,
Противен Ему ум больной гордеца,
Он сердце смиренное ищет.

Пустой колос гордо вздымает свой плод,
У спелого — к низу стремленье.
Лишь малое знанье гордыню дает,
Большое, напротив, — смиренье.

Стремится гордец бесконечность познать
В своем безрассудстве убогом.
Нельзя необъятное смертным объять,
Иначе Бог не был бы Богом.

Бог все наполняет, Он есть все во всем.
Все в Боге стремится сокрыться,
Смиренные сердцем находятся в Нем,
И в них живет Бога частица.

Хоть Бога не видел никто никогда,
Бог — Дух и Любовь, но доныне,
Кто истину ищет всем сердцем всегда,
Тому Он открыт в Своем Сыне.

Всех грешников Бог Святым Духом зовет
И всем говорит в назиданье:
„Кто верой Христа примет в сердце свое,
В том вера является знаньем“.

О люди! Познайте вы верой Творца,
Идя по житейской дороге,

В восторге твердить будут ваши сердца:
„Да, истина только лишь в Боге!“

Ответное послание

„Кто крест решил однажды несть,
Тот распинаем будет вечно.
И если счастье в жертве есть,
Он будет счастлив бесконечно“.

(из русской литературы)

Мы не знаем, придется ли свидеться снова
В этом мире греха, беззаконья и зла.
Нас, носителей света ученья Христова,
Отовсюду сжимает неверия мгла.

Дни лукавы, и все на земле скоротечно,
Скоро кончится путь испытаний и слез.
О Творец! Удостой всех увидеть, где вечно
В диадеме святыни сияет Христос!

Мы читали твое дорогое посланье
В нашем тихом общенье. Христа возлюбя,
Мы молились все с верою и со слезами,
Чтоб призвал на служенье Господь и тебя.

Сознавая свой долг пред тобой и пред Богом,
В назидание стих посвящаем тебе,
Чтоб, идя по суровым житейским дорогам,
Не забыла к Творцу прибегать ты в мольбе.

Твоя рифма звучит ясно, нежно и просто,
Все в любви — эта истина очень проста.

Если есть еще в сердце сомненье, вопросы,
Разреши их скорей у подножья креста.

Не смущайся, что мало борцов за свободу,
Со Христом не страшна даже лютая брань.
Правду Божью должны возвестить мы народу,
В строй борцов-христиан поскорее ты встань!

Не пугайся скорбей, шествуй узкой тропою
К счастью вечной любви и Христова добра.
Мы в гоненьях о счастье петь будем с тобою;
Твердо верим, что будешь ты наша сестра.

Если чье-то служенье прервется могилой
Или струны умолкнут в застенках тюрьмы,
Пусть звучит тогда стих твой с удвоенной силой,
Пусть зовет к свету правды от гибельной тьмы!

Пусть прекрасный букет наших лучших дней жизни
Ко Христу вознесется от скорби земной!
Так идем же без страха к небесной Отчизне:
Бурей мы рождены и великой судьбой!

Еще есть время

Отзвучал благовестника истины глас,
Благодарность и радость в сердцах.
Заключительный гимн хор исполнит сейчас,
Почему же ты, друг мой, в слезах?

Еще можешь теперь покаянье принесть,
И тебя, друг, достигла спасения весть,
Голос нежно тебя неумолчно зовет:
„Сын Мой, сердце отдай Мне твое!“

Почему же опять не раскаялся ты?
Испытав столько горя и слез,
Возвращаешься вновь в океан суеты —
О тебе горько плачет Христос.

О, не будь же безмолвен, беспечен и горд,
Сердца дверь не замедли открыть,
Может быть, под последний минорный аккорд
Оборвется твоей жизни нить.

Иисуса сегодня принять поспеши,
Грех Ему исповедуй в слезах:
Счастье, радость и мир обретешь для души
И блаженный покой в небесах.

Скрипке

Забыта ты, покрыта серой пылью,
Ослабли струны на твоих колках.
А помнишь ли с какою чудной силой
Звучала раньше в чьих-то ты руках?

Ты пела громко, пела неумолчно,
Ты за собою вдаль всегда звала;
Могла развеять ты и сумрак ночи,
Могла сжечь сердце гордое до тла!

Могла запеть ты, радостно ликуя,
Ты побуждала многих свято жить.
Бывало, море жизни так бушует,
А ты поешь, зовешь людей любить...

И внемля сердцем ангельскому звуку,
С улыбкой долгожданной на устах

Враги друг другу пожимали руку,
Повергнув зло и ненависть во прах.

Как часто все несбывшиеся грезы
Ты заставляла вспомнить невзначай:
Родную церковь, семью, слезы
И тихое последнее „прощай".

О, если б в эту тяжкую минуту
Запели струны нежные твои!
О, если б вновь услышать голос чудный,
Поющий вдохновенный гимн любви!

Что было бы с тобой, душа больная?
Какою радостью воспрянешь ты,
Когда польется песня неземная,
Когда опять заветные мечты

Всплывут перед тобою в ярком свете
И понесутся вдаль с чредою дней? —

Ты снова запоешь о дивном лете
Цветущей в Боге юности твоей.

Воспрянь же, скрипка, струны, напрягитесь,
Запойте песнь о вечной жизни вновь,
Пассажем нежных звуков встрепенитесь,
Воспойте христианскую любовь.

О, вспомни, скрипка, песню неземную,
Чтоб отогреть замерзшие сердца.
Пусть слышат всюду люди весть благую,
Пусть познают величие Творца!

Но не служи людскому сладострастью,
Пустому развлеченью не служи,
Пой, скрипка, пой! Но не для низкой страсти,
А для спасенья жаждущей души.

Иначе снова эта пыль забвенья
Покроет струны вещие твои,
Тогда достойна будешь ты презренья,
Так пой же, скрипка, вечный гимн любви!

Рождественский праздник

Рождественский праздник... как много святого
Сокрыто в простых этих дивных словах,
И разум невольно уносится снова
В приют Вифлеемский, где кротко в яслях

Младенец лежал. Он рожден был Марией,
В гостинице места Ему не нашли.
А Он факел братства, любви поднял в мире,
То был Царь царей, Искупитель земли.

Встревожился Ирод о царской короне,
Младенца-царя приказал погубить.
Не зная, что царство Его не на троне,
Он призван духовно над миром царить.

Напрасно Его ко кресту пригвоздили,
Чтоб люди забыли о Нем навсегда,
Его Слово живо и в действенной силе,
Не сгладят ни войны его, ни года.

В двадцатый наш век на огромной планете
Оно возвещается людям всех рас,
О нем знают в Африке, в дальнем Тибете,
Повсюду звучит „вопиющего глас".

Да, голос звучит еще, грешник, приди же,
Ведь время настанет — закроется дверь,
Так будь же ты в деле великом сподвижник,
Познавши Спасителя, искренно верь.

Напрасно безбожье на всем земном шаре
Под лозунгом „вера мешает нам жить"
В каком-то безумном, ужасном угаре
Пытается Слово Христа задушить.

В историю кануло много столетий,
Стрелой промелькнет новых дней череда,
Но Слово Христа, люди, братья, поверьте,
Безбожье не сможет распять никогда.

* * *

Состарится молодость, будущим детям
На вечно волнующий, важный вопрос:
Кто братство и равенство людям принес?
Священная мудрость смиренно ответит:
Великий Учитель, Мессия Христос!

Путь последний Христа

Путь последний Христа приближался к концу:
Капли крови текли по святому лицу.

Весь изранен Он был, на Голгофу крест нес.
О, скажи, за кого Ты страдаешь, Христос?

Изнемог и упал, выбиваясь из сил.
Мой Христос, кто Тебя ко кресту пригвоздил?

Нежный, ласковый взор мне ответил любя:
„Эту страшную казнь принял Я за тебя!“

Милый друг, о, ответь ты теперь на вопрос:
„За кого пострадал кроткий Агнец Христос?“

Уснувшему

Нервы засохшие, снова проснитесь;
Сердце заскорбное, болью заной.
Дух, встрепенись, как разбужденный витязь —
Путь ведь бесцельно проходит земной!

Братья! О, сколько же можно влачиться?
Скованы страхом вы — цепью греха,
Вспомните, вы же летели, как птицы,
Зов ваш в неравной борьбе не стихал.

Встаньте, спросите о древнем пути вы,
Где же путь добрый и где же путь злой?
Шествуйте добрым путем терпеливо
С радостной, чистой и мудрой душой!

Правде, раз познанной, не изменяют!
Нет, невозможно предать свой народ.
Правдой неверия тьму разгоняют,
С правдой и истиной шествуй вперед!

Спящий, о встань же, из мертвых воскресни,
Пусть осенит тебя вновь свет Христов!
Радостно, смело, с ликующей песней,
Брат мой, воскликни: „Я к битве готов!“

К битве с неверьем, со страхом и ложью,
К битве за истину, правду, любовь.
С верой любая победа возможна.
Брат! Препояшься, зажги факел вновь.

Шествуй без страха, не бойся лишений!
Сменится полночь прекрасной зарей!
И засияет тебе в утешенье
Солнце Христовой любви над землей.

К синему небу (сестре Э.)

К синему небу, в безбрежный простор,
Я поднимаю с надеждою взор;
Скорбные стоны несутся с земли,
Отче небесный! Молитве внемли!

Господи! Горя так много кругом,
Силы слабеют в борьбе со грехом;
Оргии мрака сомкнули свой строй,
Время зовет на решительный бой.

Падают в битве неравной друзья,
Поле сраженья оставить нельзя.

Боже! Дай силы среди всех скорбей
Помнить в молитвах страдальцев-друзей.

Помощи руку подай им, Господь!
Дух укрепи и уставшую плоть.
Мне же в пути помоги не роптать,
С радостью дня Твоего ожидать.

В радости, в скорби хочу быть с Тобой,
Мой Иисус, Искупитель благой!
Сил во мне мало и мало огня,
Крыльями веры покрой Ты меня.

Дивный плод духа, святую любовь
Сам преумножь в моем сердце Ты вновь.
С кроткою, чистой, смиренной душой
Волю Твою признаю над собой.

Девичье сердце и душу, мой Царь,
Все я к Тебе приношу на алтарь.
Пусть мое сердце среди всех скорбей
Кровью Христовой забьется сильней!

Шествовать узкою, скорбной тропой
О Иисус! Я хочу лишь с Тобой!
В жизни не надо мне цели иной,
Только пребудь до могилы со мной!

Боже, прими благодарность мою,
Счастье в сей жизни в Тебе познаю!
Неба преддверье в любви и мольбе
Ты мне открой на греховной земле.

В час, когда Ты оборвешь жизни нить,
Я об одном лишь хочу попросить:
Чтобы смиренно закрылись уста,
Имя твердя Иисуса Христа!

Канареечка

Канареечка, птичка крылатая,
Ты прекраснее всех певчих птиц;
Твоя песня, мечтою объятая,
Красоту предваряет зарниц.

Твои трели руладами сладости
Гармонично и нежно текут,
Их сравню я с полетами радости
Вдохновенной молитвы минут.

Канареечка, птичка пернатая,
Почему замолчала ты вдруг?
Чем, скажи, пред тобой виновата я?
В твоем взоре таится испуг.

Ты гордилась бы лучшею клеточкой,
От решетки цвет золотом льет;
Твои крылышки связаны ленточкой,
Ее цвет тебе очень идет.

Канареечка, певчая пташечка,
Я тебя так люблю, о поверь!
Пред тобою живая ромашечка,
Можешь думать, ты в поле теперь.

Можно много увидеть и в форточку:
Свежий воздух, равнину и бор,
Если к стенке прижаться на корточках,
Даже небо увидит твой взор.

Канареечка, музыка нежная,
Ну, запой же о небе теперь,
Твоя песня, как море, безбрежная
Зазвучит в клетке звонче, поверь.

Малыши под окошками криками
Нарушают морозную тишь,
Воробьи в блеске солнца чирикают,
Почему же одна ты молчишь?

Я тебя накормлю лучше кушаньем,
Напою ключевою водой;
Всей семьею тебя мы послушаем,
Только песнь своей родины спой!

Вдруг запела певунья прелестная...
Тихий голос был дивно красив.
Сердце грусть наполняла безвестная,
Весь в минор был окутан мотив.

В прут железный впилась она лапками,
Выводя изумительно трель;
Вся душа канареечки плакала —
Жить в неволе придется теперь.

Зазвучала та песня загадочно.
Сколько в ней нераскрытых чудес!
Она пела, смотря лихорадочно
На полоску лазурных небес.

Песнь звучала со скорбной надеждою,
Скорби той не расскажешь в словах;
И лились трели музыкой нежною
О канарских родных островах:

„Моя дивная Родина милая,
Погибаю в суровом краю,
Но своими последними силами
Я тебе песнь прощанья пою!“

Мой Господь! Если в тяжких гонениях
Суждено моим братям страдать,

Помоги мне в последних молениях
Тебе, Вечному, славу воздать.

Вспомнить тех, кто с кровавыми ранами
Знамя правды вперед понесут,
Пусть живут и умрут христианами!
Да свершится Твой праведный суд!

Помоги

Мой Господь, изнемог я в неравной борьбе,
Труден путь поношений и слез.
В сокрушении сердца взываю к Тебе:
„Помоги, милосердный Христос!“

Греет солнышко, радостно птички поют,
Распускаются листья берез...
Не развеять им грустную думу мою —
Помоги, милосердный Христос!

Песнь ожившей природы зовет за собой
В мир прекрасных и радостных грез.
Но идти предстоит мне тернистой тропой —
Помоги, милосердный Христос!

Так прекрасны пейзажи зеленых лугов,
Мирный отдых и небо без грез,
Но я слышу лишь злобные крики врагов, —
Помоги, милосердный Христос!

Пилигрима так часто зовет отдохнуть
Аромат распустившихся роз,
Но опасно оставить спасительный путь, —
Помоги, милосердный Христос!

Часто злобно бушует мирской ураган,
Все небесные тропки занес.
Всюду ненависть дикая, злоба, обман —
Помоги, милосердный Христос!

Без жнецов одинокая нива стоит,
Виноградник травою зарос;
Факел веры так слабо порою горит —
Помоги, милосердный Христос!

Очень мало любви, поношенье кругом,
А в сердцах наболевший вопрос:
Почему столько распрей в народе Твоем? —
Помоги, милосердный Христос!

Ты изведал насмешки, глумленье, позор,
Крест тяжелый так кротко Ты нес.
Научи к небесам поднимать скорбный взор! —
Помоги, милосердный Христос!

О Тебе, мой Спаситель

О Тебе, мой Спаситель, моя песня не смолкнет.
Лиры, арфы и гусли Тебе гимны поют.
По долине страданий проведешь Ты, я знаю,
И навек успокоишь в том небесном краю.

Часто силы слабеют в этой битве неравной,
Ураганы гонений вырывают друзей.
Возвожу мои очи к небу, к Родине славной —
Защити, милосердный, нас десницей Своей!

О гряди, Искупитель, за Своею Невестой!
О Тебе так тоскует Голубица Твоя.

Путь страданий окончим, воспоем гимн небесный,
Неземное „осанна“ в торжестве бытия!

Не скорби же, о сердце, гимн хваленья воспой!
Помоги, Искупитель, мне пройти путь земной!

Мой Спаситель

Мой Спаситель, мой чудный советник Христос,
Предстоит мне сегодня идти на допрос.

Гром неверья опять разразиться готов —
Защити меня, Боже, даруй Твой покров!

Утро ясное, голуби в небе парят,
Вся природа одета в цветущий наряд.

Тополя чуть шумят серебристой листвой —
Иисус, помоги мне быть только с Тобой!

Может быть, на свободе последний мой час,
Детки, спутница, мама, увижу ли вас?..

Церковь милая, братья и сестры мои,
Вместе с вами провел я счастливые дни!

Все стремленье к друзьям моим, дивным, святым,
Сокровенным желанием было моим.

О друзья! Благодарность сердечная вам!
Мои межи прошли по прекрасным местам!

В синем небе ни облачка: так хорошо!
Мир небесный мне в сердце больное сошел.

Пилигриму путь узкий оставить нельзя.
За меня помолитесь в общеньи, друзья!

Всем холодным, неверным, жестоким сердцам
Дух Святой во свидетельство скажет пусть Сам!

Дух Святой

На Христа Ты, как голубь, смиренно сошел,
Явным стал для людей неба Житель.
В тихом веяньи так мне с Тобой хорошо,
Дух Святой, нежный мой Утешитель!

Ты апостолов силой великой облек,
Всех исполнив огнем вдохновенья,
Имя новое гордому Савлу нарек,
Проведя через школу смиренья.

Дух Святой! На Голгофу Ты мне указал,
Где текла за меня кровь святая.
Жизнь с избытком мне там Иисус даровал,
Отворив предо мной двери рая.

Несравненный Учитель! Наставник Ты мой!
Ты — источник познанья и силы.
Я вверяю себя лишь Тебе, Дух Святой,
О, пребудь же со мной до могилы!

Мое дитятко

Мое дитятко нежное, ты, как цветок,
Расцвела в колыбельке убогой,

Гармонично прекрасен твой детский мирок
С ясной верой и мыслью о Боге.

Мне так радостно слышать молитвы твои,
Детских искренних уст щебетанье,
Ощущать проявленье небесной любви
В целомудренном детском лобзанье.

Но святые восторги безоблачных дней
Пронесутся в полете мгновений;
Мир начнет обвивать паутиной своей,
Сеять плевелы горьких сомнений.

Без смущенья, отвергнув Божественный страх,
С ядом тонко отточенных лезвий
Чьи-то руки, погрязшие в тяжких грехах,
В твою чистую душу полезут.

Распознать очень трудно людские сердца.
Маскируют свое сердце люди.
Поспеши же в объятья святого Отца,
Он тебя никогда не забудет!

О дитя, не страшись, шествуй узкой тропой!
Скоро снова тюремные двери
Бессердечно разлучат, родная, с тобой,
Потому что я Господу верен.

Но в тюремной, безбожной, угарной среде,
Пока сердце в груди моей бьется,
Непрестанно взывать буду я о тебе,
И молитва к Отцу вознесется.

Дочурке

Дверь со стоном железным раздвоилась,
Распахнув ненасытно гортань...

Первый раз я идти удостоился
За Христа на великую брань.

Здесь, в тюрьме, с арестантскими клетками,
Где зловеще навис потолок,
Я припомнил дочурку трехлетнюю,
Проглотив горький слезный комок.

В час молитвы за Церковь гонимую
На коленях стоит вся семья,
Окружив свою мамочку милую,
Среди всех плачет крошка моя.

На картавом ребячьем наречии
Просто, в нескольких теплых словах,
Она молит о папе Предвечного
Со слезинкою в грустных очах.

Сиротинка моя синеглазая!
Бог считает слезинки твои;
Все они засияют алмазами
В вечном Царстве Христовой любви!

Небо

Небо, в прекраснейших песнях поэта
Столько ты раз уже было воспето.
Чистый, безбрежный, лазурный простор
Часто манил всех страдающих взор.

Скорбные очи в неравной борьбе,
Небо, и я обращаю к тебе.
Там, в вышине, Искупитель Христос,
Знает Он путь поношений и слез.

Небо, ты помнишь, мой глас неумолчно
К Богу всех звал днем и в час полуночный.
Узник теперь я за веру в Христа,
Хочет лукавый закрыть мне уста.

Нет, не умолкну, хоть тяжек гнет уз.
Небо, с тобою мой вечный союз.
Там, в вышине, Искупитель Христос,
Знает Он путь поношений и слез.

Небо, так трудно в безбожном народе
Гимн воспевать о Христовой свободе.
Хватит ли сил испытанья снести,
Так я устал в этом скорбном пути.

Ты так ласкаешь своей синевой,
Небо, скажи, что Спаситель со мной.
Там, в вышине, Искупитель Христос,
Знает Он путь поношений и слез.

Не смолкнет (Ис. 62 гл.)

Не смолкнет мой глас о великом Сионе!
Иерусалим, мои мысли с тобой,
Пока не увижу, как правда на троне
Блеснет словно молнии свет над землей!

Спасенье взойдет, как светильник горящий,
И правда всем будет народам видна.
Воскликнет гонимый, ту славу узрящий,
Ему, не князьям, эта слава дана.

Господь наречет тебе имя иное,
В руке Его будешь ты славным венцом.
Не будешь ты больше пустынной землею,
Прославлен ты будешь небесным Отцом.

Как радуется лишь жених о невесте,
Так радоваться будет Бог о тебе,
И города в мире не будет чудесней,
Народ твой святым назовется везде.

На стенах твоих сторожей я поставил,
Ни ночью, ни днем не умолкнут они.
Иерусалим, я наказ им оставил
О правде святой возвещать во все дни.

О, не умолкайте, глашатаи Бога,
Трубите об истине громко везде!
Не бойтесь, что вас остается немного,
Вас Бог не оставит в тяжелом труде.

Вы путь укажите в тот город народу,
Доверено знамя вам только одним,
Его пронесите сквозь мглу, непогоду,
Спаситель грядет, воздаяние — с Ним!

Замолкла скрипка

Замолкла скрипка аккордом струнным...
Кругом конвой и собачий вой.
Бреду в этапе при свете лунном,
А мысли все в общине родной.

Растаял аккорд со вздохом молений,
Остались нары, „подъем“, „аврал“.
Безжалостный ветер жестоких гонений
Все струны на скрипке моей оборвал.

Родная, быть может, ты будешь забыта,
Услышу ли вновь я твой радостный звон?
Ты снишься мне плачущей, сильно избитой,
Из порванных струн вырывается стон.

Последний аккорд. Последняя песня.
Последнее слово. Господь! Дай мне сил!
Друзья мои, были так часто мы вместе,
Но мало общение кто ценил.

Цените минуты общения с Богом,
Цените мгновенья совместных молитв,

Чтоб после, идя по тернистым дорогам,
Исполниться силой для тягостных битв.

Друзья, будьте светом и солью в народе,
Творцу посвятите все дни и года.
Наставников помните, стойте в свободе!
Пусть Сам Иисус будет с вами всегда!

Стремитесь к преддверью небесного рая,
До смерти лишь верные будут в венцах.
Гимн счастья на струнных мы вместе взыграем,
О, если не здесь, тогда там, в небесах!

На встречу

Мой усталый, гонимый за истину брат,
Изнемог ты в долине обмана.
Снова встретив тебя, я приветствовать рад,
Мой пароль — путник в край Ханаана.

Ты страдал за Христа, я же только поэт
И до крови еще не сражался,
Но, храня Иисуса Голгофский завет,
Пред безбожием я не сгибался.

Ты сейчас на свободе, теперь сатана
В твои уши шептать будет лестно:
„Ты испил уже чашу страданий до дна,
Для других уступи свое место!

Свое дело ты сделал, теперь отдохни,
Так прекрасны пейзажи природы.
Для семьи посвяти все последние дни,
Пролетают ведь лучшие годы“.

О лукавый враг душ, в тебе только обман.
Ты пришел в виде ангела света,
Тебе выгодно так усыплять христиан,
Прочь!.. На нас кровь Христова завета.

Милый брат, не оставь скорбной истины путь,
Заостри снова меч и — в сраженье.
В гавань тихую можно, конечно, свернуть,
Но тогда мы достойны презренья.

Не забудь, умоляю, о брат мой, о том
И советов лукавых не слушай.
Кто-то должен идти и сражаться в пролом,
Полагать за друзей свои души.

Первородное, лучшее к Богу нести —
В этом есть христианское счастье!
Может, будем не поняты мы на пути,
Этим, брат дорогой, не смущайся.

Будем сеять с молитвой, трудиться и ждать,
Поливая посев свой слезами.
Может, нам не придется колосьев пожать,
Но жнецов Господь вышлет за нами.

Пусть не знает никто наших скромных имен,
Не поются пусть нам дифирамбы.
Неизвестными, брат, мы с тобою умрем,
Вспоминая Голгофские раны.

Путь наш — скорбь и страданье,
но счастье нас ждет
В том краю, где, в блаженстве ликуя,
Кровью Агнца искупленный Божий народ
Стройным хором поет „Аллилуйя!“

Белым облачком в ясной лазури
Я хочу над землею лететь
Мимо стонов страданий и бури
И спасения гимн громко петь.

Люди-братья, зачем вам томиться,
Жить безбожной, химерной мечтой?
Упорхнет ваше счастье, как птица,
И растает, как призрак пустой.

Вы страдаете, люди, так много,
Проливаете братскую кровь
Потому, что оставили Бога
И Его всеблагую любовь.

К небу взор поднимите, о люди.
Ко Христу обратитесь скорей!
Верным Пастырем вашим Он будет,
Тайной счастья в долине скорбей.

Облаками в лазури небесной,
Христиане, нам нужно лететь,
Чтобы в святости, стройно, всем вместе
Над землей гимн спасенья воспеть.

Смысл страдания

Целый день я искал подходящее слово,
Чтобы им передать смысл страданья Христова.

Перебрал все слова... где таится секрет?
Видно, слова такого в поэзии нет.

Я спросил у поэта, он дал мне ответ:
„Не берись за перо, просто ты — не поэт“.

Я оставил стихи, но спустя много лет
Кроткий старец мне дал бесподобный ответ:
„Смысл страданья ищи у подножья креста,
Вопроси Самого Иисуса Христа“.

За перо я берусь после долгих лет вновь
И пишу: „Смысл страданья — святая любовь“.

Воспоминание

Солнышко! Неба лазурный шатер!
Руки счастливые к вам я простер!
Чайки и море совместно с землей
Радость мою разделите со мной!

Боже! Ты дивно все создал на свете,
Я восхищаюсь творением этим!
В этой приветливой южной стране
Счастье Едема представилось мне...
Горы, вершины взметнувшие ввысь,
Шепчут таинственно: „К небу стремись!“

Только лишь отблеск картины иной
Виден в греховной юдоли земной.
Трудно там рая блаженство узреть,
Где все живое должно умереть.
В небе любви лучезарной краса,
Счастье, блаженство лишь там, в небесах!

Ту красоту сможет тот созерцать,
Кто со Христом здесь решился страдать,

Выпорхнуть в небо стремится душа;
Мой Иисус! Жизнь с Тобой хороша!
В сердце ликующий, радостный звон,
Мысль, вторя сердцу, твердит: „Я спасен!“

Пусть я стесняем, презрен и гоним,
Но воспевает душа моя гимн!
Чайки! Несите всем страждущим весть!
Счастье в страданьях за Господа есть!

Доченьке Машеньке

Как жаль, что дни прекрасные промчались!
Как хорошо, что скорби пронеслись!
И в радостные дни, и в дни печали
Нужна нам неба голубая высь.

Ты помнишь, как дни детства пролетали,
Как юность позвала тебя в свой храм?
В виссоне белоснежном и в вуале
Ты с другом жизни сочеталась там.

Тебе сегодня девятнадцать минет.
Ты, юная, любимая жена,
Найдя покой в предвечном Божьем Сыне,
Стать христианкой-матерью должна.

Рождать детей, живя в законе строгом,
Их Иисусу посвятить потом —
Прекрасней цели не найти пред Богом,
Служенья нет ценнее пред Христом.

Предайся ж с радостью ты Божьей воле,
Всем сердцем возлюби Творца закон,

И руку помощи в земной юдоли
Тебе протянет непременно Он.

Ю. А. К.

В отдаленных местах на Урале,
Где гуманность забыта почти,
Наших странствий скрестились пути.
С горькой чашей скорбей и печали
Мы должны были дальше идти.
В дни страданий поэзии дали
Нам особенно дороги стали.

Арестанту в тюремной одежде
Трудно быть почитателем муз.
О, какой это тягостный груз —
Быть послушным тупому невежде!
Но душа, улетая из уз,
На свободе витала, как прежде,
И шептала о светлой надежде.

Увлеченный святым Идеалом,
Я хотел, чтоб средь скорбных дорог
Ты поверил, что есть вечный Бог.
Но, увы! В твоем сердце усталом
Иисус отразиться не смог.
Знамя истины в зареве алом
Для тебя путеводным не стало.

Ритм судьбы поразительно точен —
Разлучиться должны мы с тобой:
Я иду в неизвестность, как в бой;
Час разлуки не будет отсрочен.

Может быть, истомившись борьбой,
В шуме дня иль в безмолвии ночи
Вспомнишь ты обо мне между прочим.

За тебя в моем сердце тревога:
Покидая изгнаний места,
Красоту Иисуса Христа
Пред тобой не раскрыл я, хоть много
Изрекли силлогизмов уста.
Не суди же меня слишком строго
И к Христу обратись, ради Бога.

4 декабря 1987 г.

Дочери Олечке

Лист тетрадный, с ошибками строчка
И до боли знакомый конверт...
Дорогая, любимая дочка,
До меня долетел твой привет.

Ты мне пишешь, что с грустью глубокой
Вспоминаешь прошедшие дни,
Когда был я с тобой, синеокой —
Безвозвратно промчались они.

Ты по-детски тогда, без стесненья,
С добродушным сияньем лица
Могла к папе залезть на колени
И ласкаться к нему без конца.

Голубою беляночкой звали
Тебя ласково в доме родном.
Мы молились Творцу без печали,
Утешенье найдя в Нем одном.

Но настали дни скорбной разлуки —
За Христа суждено нам страдать.
Загрубевшие папины руки
Не могли тебя больше ласкать.

Много лет безвозвратно минуло —
Папа скрыт за тюремной стеной.
С постоянством упрямого мула
Стережет его строгий конвой.

А тебе уже, дочка, семнадцать.
Хоть с тобою любимая мать,
Тебе хочется к папе ласкаться
И его крепко-крепко обнять.

Часто мне, как далекие грезы,
Вспоминаются дом и семья.
Я твои вижу частые слезы...
Не рыдай, о дочурка моя!

Незабудка моя голубая,
Я по долгу отцовской любви
Возвращусь и своими губами
Осушу все слезинки твои.

Иисус, милосердный и нежный,
Утешеньем пусть будет твоим.
С твердой верой, с любовью, с надеждой
Ты почаще склоняйся пред Ним.

Дочурке Нине

Листьев золото смешано с глиной,
Оголены деревья вокруг,
Журавли, закурлыкавши, клином
Улетают поспешно на юг.

Журавлиные скорбные стоны
Манят узника в южную даль,
Но не пустит из северной зоны
Его к югу колючая сталь.

Исчезающий клин журавлиный
Догоняю я мыслью своей.
Журавли, над моей дочкой Ниной
Если вы пролетите, то ей

На своем языке прокурлычте,
Что всегда папа помнит о ней.
Пусть в курлыканье вашем, как в притче,
Быстротечность всех жизненных дней

Будет явлена отроковице,
Торопящейся в юность вступить.

Пролетают дни так же, как птицы,
А потом рвется вдруг жизни нить.

Лето ценят, когда уже снимет
Осень листья и бросит их в прах;
Юность ценят тогда, когда иней,
Как миндаль, зацветет на висках.

Нина, дочка моя, юность скоро
Распахнет пред тобою врата,
В громогласных созвучьях мажора
Закружится сует суета.

Жизнь как будто покажется новой,
Чувства хлынут рекой через край,
Но без мудрости скромной Христовой
В юность, дочка моя, не вступай.

Для Христа сокровенные дверцы
Своей юной души распахни,
Иисусу отдай свое сердце
И всей юности звонкие дни!

В час, когда над рекой жизни зыбкой
Загорится заката заря,
Ты сказать сможешь, дочка, с улыбкой:
„Юность прожита мною не зря“.

Сыну Илюше

Илюша, сын мой озорной,
Скажи: ты хочешь быть со мной
В краю, который назван ссылкой?

С надеждой и любовью пылкой
И с верой в Господа Христа
Поедем, сын мой, в те места,
Где повелел мне быть Господь.
Хотя моя устала плоть,
Но молод я совсем душой
И труд для Господа большой
Хотелось бы еще свершать.
Быть может, не придется жать
Мне в ссылке своего посева,
Но пусть с разросшегося древа
Любви и истины святой
Срывает плод потомок мой.
Илюша, стих я, как признанье,
Пишу тебе. Свои все знанья
С тобой я разделять готов.
Смелей, сынок мой! Даже в ров
Ко львам спускался Даниил,
Но Бог и там его хранил.

Решишься если ты приехать,
Тогда нам ссылка — не помеха
Заняться музыкой и пеньем.
Песнь новую с благодареньем
Во славу Господа вдвоем
Мы в ссылке, сын мой, воспоем.
Каков же будет твой ответ?
Скажи конкретно: да иль нет.

Не уходи (сестре Л.)

Ты мне, родная, нужна очень-очень!
Не утихают гонений ветра,
Станут темнее, мне кажется, ночи —
Не уходи от меня, сестра!

Мне без тебя очень трудно быть бодрым
В зоне изгнанья всю ночь до утра,
Трудно стоять пред неверием гордым —
Не уходи от меня, сестра!

Я не заметил, как мы поседели,
Юными были как будто вчера.
Жизненный путь твой заносят метели —
Не уходи от меня, сестра!

Я еще должен трудиться так много,
А предо мною неверья гора.
Не покидай же меня, ради Бога!
Не уходи от меня, сестра!

О, неужели болезнь тебя скрутит?
Нет, нам прощаться еще не пора!

Да укрепит Бог твоей жизни прутик —
Не уходи от меня, сестра!

Новое небо ждут верные всюду,
Сказано так нам в посланье Петра.
В сердце хранить я любовь твою буду,
Биться пока оно будет, сестра!

26 июля 1987 г.

Новобрачным
дочери Машеньке и Павлу

Ты стоишь в белоснежной вуали,
Опустивши в волнении взор.
Дорогие минуты настали —
„Две руки“ петь готовится хор.
Миг еще, и любимому другу
В этой скорбной юдоли земной
Ты отдашь свое сердце и руку,
Чтоб до смерти быть верной женой.
Твой избранник стоит рядом, слева,
Молод, искренен, строен, высок.
Ты любима им, юная дева,
Съединяет сегодня вас Бог.
Дорогие, какое же счастье
В брак вступить по любви во Христе,
Радость, горе, невзгоды, ненастье
Вместе встретить в святой простоте!
Счастье, долг исполняя пред Богом,
Милых деток Христу посвящать,
Жить в законе евангельском строгом,
Согрешенья друг другу прощать.

Посмотрите сейчас друг на друга:
Вы прекрасны лицом и душой,
Молодые супруг и супруга,
Но пред вами путь жизни большой.
Время свой отпечаток наложит,
И морщинки покроют чело,
Скорбь земная болезни умножит
И вторгаться в ваш дом будет зло.
Но ему не давайте вы места —
Над любовью не властны года;
Так как любят жених и невеста,
Вы любите друг друга всегда.
Иисус вас счастливыми сделал,
Разогнавши неверия тьму,
Вы в порыве святом, юном, смелом
Жизнь свою посвятите Ему.
С Ним тернистой тропою идите,
С Ним любой разрешайте вопрос.
Нет прочней втрое скрученной нити:
Третья нить — ваш любимый Христос.
Ему верными будьте до смерти,
И любовь вашу Он сохранит —
Так любите, надейтесь и верьте!
Нерушим Божьей правды гранит.
Так хотелось бы быть вместе с вами,
Свои руки на вас возложить,
Помолиться Творцу со слезами,
Чтоб помог Он достойно вам жить...
Но пока что высокой стеною
Скрыт от узника вольный простор,
Заржавевшей колючкой стальною
Любоваться устал его взор.
Не забудьте ж, любимые дети,
Всех страдальцев за имя Христа!
Вы в минуты счастливые эти
Посетите изгнаний места

Благодарной, сердечной молитвой,
Чтобы те, кто в проломе стоят,
Истомившись духовною битвой,
Вновь сплотили евангельский ряд.

В день похорон сестры

Ты ушла навсегда, сестра Лида,
От страданий земных в мир иной,
Где не властвуют месть и обида,
Где нет тюрем с решеткой стальной,

Где гонителям правды нет места,
Где страданья исчезнут, как сон.
Облечется Христова невеста
Там в прекрасный небесный виссон.

Вся в цветах под мелодии хора
Ты свершала последний путь свой.
Ввысь манил от земного минора
Купол неба своей синевой.

Ты трудилась для Господа Бога —
За тобою пошли вслед дела.
Хоть труда несвершенного много,
Но ты сделала все, что могла.

Не колеблясь, за узника-брата
Полагала ты душу свою.
Венец жизни — от Бога награда —
Ждет всех верных в блаженном раю.

За любовь, доброту и заботу
Не воздать мне теперь уж тебе.

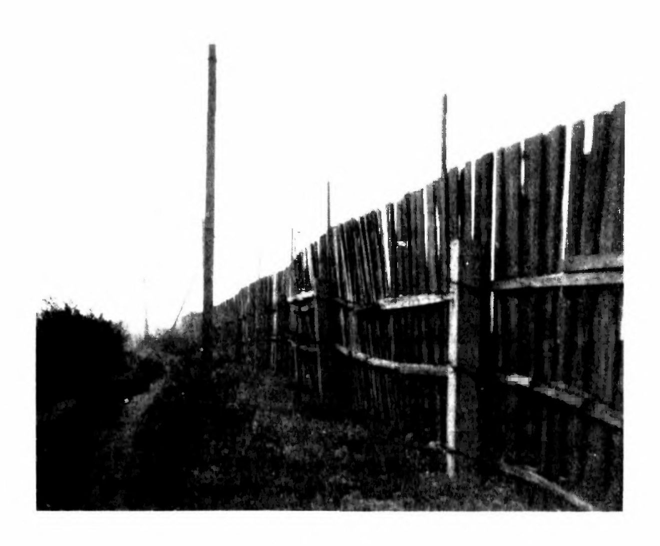
О, как сердце рвалось на свободу,
Чтоб слезами в последней мольбе

Оросить погребальные ризы,
Положив на прощанье букет,
Но на выезд у узника визы
И в трагических случаях нет.

„Мир тебе!“ — говорю я из зоны,
И невольно сжимается грудь.
Как жестоки насилья законы!..
Дорогая сестра, в добрый путь!

3 августа 1987г.

↓ *Забор рабочей зоны лагеря,
где находился Е. Н. Пушков*



Оптимистическое

Преждевременно не веселитесь, тираны,
Поднимать не спешите победный вы тост;
Хотя раненных много в сраженье неравном,
Но Христос исцелит Своих воинов раны,
И они снова встанут в пролом во весь рост.

Знамя истины Божьей поднимется выше,
Молодежь его примет из старческих рук.
Гимн свободы Христового племени слышен,
Ему нужно звучать не в подвалах — на крыше,
Пойдут верные с ним среди скорби и мук.

Укрепите сердца ваши, старцы, старицы,
Продержитесь немного в проломе еще!
Радость да озарит ваши скорбные лица,
Жажду пусть утолит воды жизни криница!
Голиаф содрогнется пред Божьей пращой.

О, мужайтесь вы, юные слуги Христовы!
Старцам, в битве уставшим, пора отдохнуть.
В руки взять знамя истины будьте готовы!
Пусть напрасно бряцают неверья оковы,
Сам Христос да осветит тернистый ваш путь!

Слейтесь мыслью единою все поколенья:
Дети, отроки, юноши, старцы, отцы!
Фимиамом пускай будут ваши моленья!
Пусть сильней грянет гром христианского пенья!
Верным в небе готовятся жизни венцы.

При реках Вавилона

В плену, при реках Вавилона,
Припомнивши былые дни,
Безмолвно плакали они,
Печальные певцы Сиона.
Приют плененных очень тесен,
Умолк напев сионских песен.

В плену, при реках Вавилона,
Песнь о свободе трудно петь,
Там не звучит тимпана медь,
Гуслярного не слышно звона.
Гимн славы Господу чудесен,
Но смолк напев сионских песен.

И все ж, при реках Вавилона
Светильник веры не угас.

Гонимый брат, теперь твой глас
Услышит пусть изгнанья зона.
Нет, никогда неверья плесень
Не истребит сионских песен!

Блудный сын
(поэма, посвящается брату В.)

„Бродил я далеко в чужой стороне,
И страсти немолчно кипели,
Небесный Отец не забыл обо мне,
Следил Он за мной с колыбели“. —

Так он прочитал всего несколько строк,
И руки его задрожали,
Прижал он двойной пожелтевший листок.
В сердечные словно скрижали
Вписать захотел дорогие стихи,
Раскрывшие юности пылкой грехи.

Он вспомнил промчавшейся юности дни —
Все, все воскресало былое,
В родительский дом лишь страданья одни,
Казалось, несло время злое:
Шел год 41-й, и весь земной шар
Узнал, как ужасен военный угар.

В военные годы страдалица-мать
Жила в Подмосковье без мужа.
Как много скорбей ей пришлось испытать:
И боли, и голод, и стужа
Ее пятерых посещали детей,
От мужа же не было долго вестей.

Потом он вернулся, израненный весь,
Лечился, трудиться стал вскоре,
Но тем, кто хранил христианскую честь,
Встречалось в те дни только горе:
Тюрьма разлучает супругов опять,
Отца будут дети ждать снова лет пять.

О, как мать молилась скорбящей душой
О детях в то смутное время!
Особенно сын, почти самый меньшой,
Для матери был, словно бремя.
О нем мать взывала к Творцу больше всех, —
Опутал его с ранней юности грех.

Друзья развращенные, карты, табак
Его привлекали особо,
Не ведал тогда он, душевный простак,
Что грех ранить сердце способен;
Не видел, что в адскую пропасть без дна
Искуссно его завлекал сатана.

И мать поседела. Свою жизнь сполна
Отдавши за детские жизни,
Чрезмерным трудом изнурялась она,
Но верила — в вечной Отчизне,
Когда скорбной жизни закончится путь,
Она сможет вместе с Христом отдохнуть.

Вернулся отец, сохранил его Бог.
Увидев детей полунищих,
Добра им желая и будучи строг,
Стал с ними он строить жилище.
И летом, каникулы были когда,
Не мог он оставить детей без труда.

„Трудиться и верить должны мы всегда, —
Детей поучал отец часто, —

В неверье и в праздности много вреда,
Лентяям не встретится счастье.
Кто молится с верой и любит свой труд,
Невзгоды того в порошок не сотрут".

Но сын непослушный, греха плод вкусив,
С друзьями быть жаждал на воле.
Он, в юности будучи очень красив,
О праздной мечтать начал доле.
Встречался с девицами он, и вино,
Как видно, его привлекало давно.

А мать, сына многих скорбей возлюбя,
Взывала о нем неизменно
И часто шептала в тиши про себя:
„Я верю, покается Веня", —
Но Веня о Боге не думал совсем,
К мольбам материнским был глух он и нем.

Решился отец наказать гордеца,
Однако не тут-то уж было:
Готов он был броситься и на отца
В порыве греховного пыла.
На всех почему-то он был очень зол,
А ночью тайком вдруг из дома ушел.

О бедная мать, ты же жизнь отдала,
Чтоб выросли дети, плод чрева,
Теперь же твой сын плод познания зла
Срывает с греховного древа.
Оставив родительские рубежи,
К свободе греховной он резво бежит.

Ты думала: „Мужа теперь дождалась, —
Жить будет полегче немножко,
Проявится в доме отцовская власть,

Луч счастья заглянет в окошко".
Но христианин для страданий рожден,
Чтоб к небу, как искры, был дух устремлен.

Молилась ночами скорбящая мать.
Но где ж оно, счастье земное?
Железо и то можно гнуть и ломать,
Тем более — сердце больное.
Оставили силы страдалицу вдруг,
Сразил ее вскоре тяжелый недуг.

О матери как-то случайно узнав,
Сын Веня почувствовал жалость
К родным, пред которыми был он не прав,
А сердце в тот миг как-то сжалось.
„А что, если мать умирает уже?" —
Подумал он с болью в смущенной душе.

Решил он тогда попроведать родных,
Хоть сердце таким же осталось.
Скучал он порою, конечно, о них
Немножечко, самую малость.
Тогда жизнь еще улыбалась ему,
И не разлюбил он неверия тьму.

Вот — город. Вот старый родительский дом.
„Дом новый как строится долго, —
Подумал так Веня, осекшись потом, —
Ведь я же сыновьего долга
Родителям не оплатил ни на грош!
Так кто ж я такой, на кого я похож?!"

Мать к смерти близка уже очень была.
Потускли прекрасные очи,
Свершила она все земные дела
И только в бессонные ночи

Мечтала на блудного сына хоть раз
Взглянуть, пока светоч любви не погас.

Для сына она на тетрадных листах
Писала сама на прощанье
О сыне блуждавшем всю притчу в стихах,
И несколько слов увещанья.
Глубокий, в стихах преломленный рассказ
Полит был слезой материнской не раз.

И вдруг этот сын вновь стоит перед ней,
Такой же красивый и милый,
И, кажется, любит его мать нежней
Сердечной, негаснущей силой.
Спокойно она умирала теперь,
Шепнувши: „Сыночек, покайся и верь!“

Смерть матери всех потрясла глубоко —
Любили ее дети сильно.
Без мамы им будет теперь нелегко.
Да, сеяла мама обильно,
Но только любви христианской посев
Не дал пока всходов в безбожной росе.

Сын Веня не долго был вместе с отцом:
Он призван был вскоре на службу.
Простившись с могилкой, с поникшим лицом
Ушел он из дома, но дружбу
Он с миром греха и неверья не рвал,
Девятый над ним не прошел еще вал.

Лет двадцать еще всех сует-суета
И разных идей пантомима
Кружили его, но о счастье мечта
Прошла незамеченной мимо.
Женитьба без Бога, чинов рубежи
Не могут дать счастья для вечной души.

Когда ему сорок исполнилось лет,
Задумался он отрезвленно:
„Живу я в достатке, но радости нет,
А годы летят, словно с клена
Осенней порой опадают листы,
Увяли все юных мечтаний цветы.

Дни тянутся серой, бесцельной чредой,
Тоска налетает, как туча,
Духовный мой сад весь зарос лебедой,
В компаниях мне стало скучно;
Вино, может быть, перестал бы пить я,
Но давит бесцельность всего бытия.

Цветы наслаждений я в жизни срывал,
Но вяли они очень быстро.
Вся жизнь — суета, безрассудный аврал,
Порой, правда, совести искра
В сознанье укором внезапным блеснет,
Тогда сдавит сердце греховности гнет.

Но голосу совести я не внимал,
Глушил я его дозой винной.
Я в чувствах распутных искал идеал.
Красавицы с томною миной
Украли всю юность, всех дней чистоту,
А мог бы ведь я посвятить их Христу“, —

Так он размышлял. Созерцать все кругом
Внимательно стал он и чутко.
По жизни уже не бежал он бегом —
Катиться с горы было жутко.
Челн в жизненном море хотя сел на мель,
Но стал он искать в жизни вечную цель.

* * *

Из дома отцовского, как из гнезда,
Все дети давно разлетелись.
Разлуки приносят родным поезда

И жизни суровой метели.
Отец дни один не хотел коротать,
Решил он под старость жениться опять.

Продавши свой дом, он уехал давно
В просторы степей Украины.
Там он с младшим сыном своим заодно,
Купивши большой дом старинный,
Открыл в нем собранье во имя Творца,
О, как ликовали там многих сердца!

Брат младший, сестра и еще старший брат,
Принявши по вере крещенье,
Писали все Вене, чтоб жизни наград
Не ждал он, а лучше ученье
Христа Иисуса воспринял скорей,
Чтоб грех не лежал у сердечных дверей.

Отец много раз ему также писал:
„Мой сын, приезжай! Хоть разочек
Послушай, как хор здесь поет на весь зал!
Здесь юношей много, сыночек...
Припомни молитвы ты мамы своей
И зря не теряй дорогих жизни дней!

Я жду тебя, сын, торопись, я ведь стар
И близок совсем к переходу.
Христос предлагает спасения дар,
Прими его, сын, и к народу,
Взыскавшему Господа в жизни земной,
Примкни, сын заблудший! Вернись, сын родной!"

Порой он хотел на отцовскую грудь
Припасть со слезой покаянья,
От жизненной чтоб кутерьмы отдохнуть,
Но эти благие желанья

Опять заглушала сует суета,
Дни дальше все так же текли без Христа.

Раз как-то покончить он с жизнью хотел,
Ее не жалея ни грамма,
Но в этот момент от греховных всех дел
Его отвлекла телеграмма.
Принес где-то в полдень ее почтальон,
Стряхнула она пустоты жизни сон.

Делить чтобы горечь тяжелых утрат,
Писал младший брат в телеграмме:
„Ушел папа в вечность, проститься с ним, брат,
Мы ждем. Вспомним также о маме“.
Он только вскричал: „Папа! Милый отец!
Летит к тебе сын, недостойный гордец!“

* * *

Собранье к концу подходило уже.
Сын Веня приник к изголовью
Отцовского гроба. Он жаждал в душе,
Проникшись огромной любовью
К предвечному Богу, Владыке миров,
Вернуться скорей под Его Отчий кров.

Стоял на столе гроб отца голубой,
В цветах ароматного мая.
Вокруг — дети, внуки склонились с мольбой,
Слетевшись, как ласточек стая.
Безмолвны уста. Запечатался взор.
Гимн „Небо“ спивает украинский хор.

Как только растаял прощальный аккорд,
Поднявшись, сказал скорбно Веня:
„Я долго не каялся, был очень горд,
И чашу грехов непременно
Пытался я выпить до капли, до дна —
Пред Богом моя беспредельна вина.

Я всю свою низость у гроба постиг,
Не чтил я отца в жизни трудной...
Кричит мое сердце: „О папа, прости!
Как поздно пришел я, сын блудный!“
Казалось, рыдал вместе с Веней весь зал,
Когда на холодную грудь он упал.

Потом он поднялся, у всех на глазах
Достал из грудного кармана
Листы пожелтевшие: в скорбных слезах
Писала когда-то их мама.
О блудном он сыне прочел весь тот стих,
А после сказал, когда зал приутих:

„Стихи перед смертью дала мама мне,
Ускорил ее я кончину...
Теперь с Иисусом она в вышине,
А мне, ее блудному сыну,
Прощенному — хочется славу воздать
Творцу за отца и любимую мать“.

О юноши, дети, пусть этот урок
Напомнит об истине важной:
Покайтесь скорей и в положенный срок
Пусть скажет родителям каждый —
Пока жизни их не прервались пути —
Священное, нежное слово „Прости!“

Плод духа

(Послание Галатам 5, 22-23)

Вступление

Фруктами ценны деревья садовые,
Ценен зерном всякий злак в полосе,
Ценятся очень и соты медовые,
И виноградная кисть на лозе.

Дерево сада в огонь будет брошено,
Если оно не приносит плода;
Нива бесплодная будет не скошена
И зарастет сорняками тогда.

Без винограда лоза виноградная
Людям уже ни на что не годна,
Участь бесплодья всегда безотрадная —
Брошена будет в огонь и она.

О человек! Для тебя в аналогии
Здесь поученье от Господа есть.
Божьи законы прекрасны, но — строгие,
Это евангельская скажет весть.

Жизнь — не прогулка в бесцельной беспечности,
Как драгоценность она нам дана,
Чтобы мы в ней принесли плод для вечности;
Только тогда смысл имеет она.

Христианин! Первый плод-покаяние
Богу принес ты в былые года,
Ну, а теперь, может быть, путь скитания
Ты совершаешь совсем без плода?

Чтоб, просмотрев путь земного хождения,
Не уклонился в Содом ты, как Лот,

Бог предлагает без предубеждения
Духа иметь вожделеннейший плод.

В нем — девять качеств, они одинаковы;
В духе живущий их сможет иметь.
Плотью хвалились сыны лишь Енаковы.
Все таковые — звенящая медь.

Тайна пред всеми сейчас раскрывается,
Ценность ее выше всяких наград.
Духом Святым плод небесный срывается,
Он его ищущим дать будет рад.

Любовь

О тебе можно петь только нежными кантами,
Уподобившись голосом лишь соловью;
Не владею, Любовь, я такими талантами,
Но строфой поэтичной тебя обовью.

О Любовь! Как невеста в вуале таинственной,
Вечно ты привлекаешь людские сердца.
Все пройдет, но тебе лишь —
прекрасной, единственной
В мире не было, нет и не надо конца.

Ты — мечтаний поэтов краса несказанная,
Сердце бьется с тобой учащенней, сильней;
Словно песня неспетая, вечно желанная
Манишь ты перламутром небесных огней.

Пред тобою законы людей, даже строгие,
Моментально покажут бессилье свое;
Пред тобой умолкают словесные логии —
Только сердце восторженно гимны поет.

Не могу о тебе рассказать и стихами я —
Разум смолк, пульс стучит,
взор в лазурь устремлен.
Ты, наверное, сущность Творца и дыхание,
Пред тобою мой дух в восхищеньи склонен.

Возлюбивши меня, восхищенного зрителя,
Ты сама мне шепнула небесный секрет,
Что на землю пришла ты в лице Искупителя,
Предызбрав для себя скромный град — Назарет.

Ты и заповеди принесла совсем новые:
Всех люби, всем прощай, никого не злословь.
Ты сама допустила, чтоб иглы терновые
Изъязвили прекрасный твой лик, о Любовь!

Пред священниками, перед лифостротонами
Ты судима в лице Иисуса Христа,
Пред ареной, тюрьмой, перед царскими тронами
Ты стояла прекрасна, невинна, чиста.

Ты язвима в истории всякими жалами,
Но они не сгубили твою красоту.
Как же ты допустила, гвоздями чтоб ржавыми
Твое чистое тело прибили к кресту?

Претерпев поруганья, кресты, инквизицию
И смиренно отвергнув неверия грязь,
Ты осталась для любящих мудрой царицею,
Пред тобою бессилен безбожный тьмы князь.

Совершенств совокупность,
ты так снисходительна,
Что своим и меня зажигаешь огнем.
О царица Любовь! Я прошу убедительно:
Поселись в моем сердце и царствуй ты в нем.

Без тебя так ничтожны мои все деяния,
Пред тобой, преклонившись, Любовь, я стою.
Претерпеть ты поможешь земные страдания
И в спокойствии встретить кончину свою.

Иисус, мир уже ощутил жажду жгучую
Той любви, что способна спасать от тревог.
Привлеки еще многих любовью могучею!
Если Бог есть Любовь, то в любви виден Бог.

Человек, не противься влечению властному,
Загрубел ты совсем в безрассудной борьбе,
Место в сердце своем
дай ты чувству прекрасному,
И оно тогда счастье подарит тебе.

Радость

Без любви совершенной нет истинной радости,
Как любви совершенной без радости нет.
Радость верных Христу
хочет в вышний тот град ввести,
Где сияет небесный немеркнущий свет.

Радость — это капель удивительно звонкая
После лютой зимы в отдаленных местах;
Радость — это былиночка первая, тонкая,
Это чувство души, поборовшей свой страх.

Радость — это садов ароматных цветение,
Пенье птиц, звон ручья и жужжание пчел,
Торжество бытия, пульса жизни биение,
Это в небо направленный правильно челн.

Радость — возглас в страданьях
рожденного первенца.

Забывает тогда о своих муках мать,
В упоении счастьем ей даже не верится,
Что она будет жить и младенца ласкать.

Радость — это тот миг, когда Церковь гонимая
Слышит крик покаяния: „Боже, прости!“
Радость — это блаженство ни с чем не сравнимое,
Когда грешники к Богу находят пути.

Радость — это находка в гоненьях союзника,
С кем за истину можно страдать заодно;
Радость — встреча семьей долгожданного узника,
Когда солнышко в скорбное светит окно.

Радость — крест пронести чрез долину страдания
И, с надеждой пришедши к земному концу,
Видя Церкви Христовой прекрасное здание,
Мирно, тихо свой дух предать в руки Творцу.

Без надежды на Бога земная жизнь бренная
Людям полную радость напрасно сулит.
Иисусом лишь радость дана совершенная,
Его вечный Завет прочен, как монолит.

И действительно, жизнь без обещанной вечности
Маскарадом своим не прельстит мудреца;
С вакханальной игрой, с мишурою беспечности
Не минует она рокового конца.

Во Христе жизнь, напротив, полна упования,
Верный с радостью ждет появленья зари.
Здесь — страданье, но орден небесного звания
Совершенная радость в надежде дарит.

Жизнь без радости — это сплошная агония,
Ну, а с радостью даже в страданиях — рай.

Прочь, софистика ложная, прочь, космогония!
На Христа лишь, душа, непрестанно взирай!

Мир

Совершенная радость с любовью Всевышнего
В сердце входят когда, то с собой мир несут,
Возлюбить, как себя, тогда хочется ближнего,
А живущие так не приходят на суд.

Мир Христов — это полное Богу доверие.
Море жизни ревет и грозит вражий стан,
Но спокоен пловец, видя неба преддверие:
Он — в ковчеге, в котором Христос — капитан.

Проведет Он ковчег, встреча с эвроклидонами
Голубице Христовой совсем не страшна.
Пусть насыщена жизнь искушеньями, стонами,
Но желанная цель очень ясно видна.

Ради вечных небес обетованной Родины
Стоит жизнь положить на священный алтарь.
О, мужайся, мой брат, мили многие пройдены!
Ночь пройдет, и засветит зарницы янтарь.

Верен будь, и никто от любви Искупителя
Не отлучит тебя — в этом мира залог.
Ждет награда небесная лишь победителя;
Не страшись, только верь, что с тобой вечный Бог!

Воспринявшие мир стать должны миротворцами
И всегда возводить очи только к горам.
Пусть же мир возвещается Божьими горцами,
Исцелит пусть Он многих страдальцев от ран!

Исстрадалась земля от угара военного,
Всем сердцам нужен мир, как священный бальзам.
Возжелайте же, люди, богатства нетленного,
Иисус подарить его хочет вам Сам.

Долготерпение

Лишь с любовью и радостью,
с миром Божественным
Может долготерпенье раб Божий иметь.
Твердым духом, но с сердцем
как будто бы женственным,
Злу и гневу он скажет конкретно: „Не сметь!"

Появляется в сердце его снисходительность
К недостаткам людей, он готов им помочь,
Но себе не прощает он; святость и бдительность
Охраняют мир сердца в безбожную ночь.

У него появляется также умение
На тяжелый свой крест никогда не роптать.
Лишь в гоненьях шлифуется долготерпение
И его не похитит из сердца злой тать.

Божий раб никогда не винит обстоятельства:
Все во благо ему, что Господь допустил.
Отвергает плотские он все посягательства
Твердым духом. Дает ему Бог много сил.

О, как часто мы просим у Бога терпения,
Но боимся страданий, гонений, скорбей;
Умолкают в гоненьях порой дщери пения —
Мы готовы бежать от гонений скорей.

Знаем мы, что от скорби — терпенье, вот правило,
Но скорбей мы хотим избежать все равно.

Чтоб десница Всевышнего нас не оставила,
Нужно помнить, что здесь нам страдать суждено.

Прояви, брат мой, максимум доброго рвения:
Верных мир будет гнать,
без гонений жизнь — ложь.
Трудно в небо войти нам без долготерпения,
А, точнее сказать, без него не войдешь.

Благость

Благость — свойство души,
к совершенству направленной,
Возрастать оно может в сердцах только тех,
Кто навеки решился оставить свой нрав земной,
Победить кто сумел запинающий грех.

Благ один только Бог, в Своем свете таинственном
Обитающий вечно. Течение времен —
Все подвластно Ему,
только в Нем лишь единственном
Виден смысл бытия; человек Им спасен.

Бог благой благодать через Единородного
В мир послал — в этом тайна предвечных чудес.
Человека земного, к добру непригодного,
Он возвысил до жителя горних небес.

Благодать — это дар, это милость, амнистия
Обреченным на смерть и прощенным теперь —
В этом и состояла Спасителя миссия.
Восприми же дар, грешник, покайся и верь!

Как в росиночке виден свод неба лазурного,
Так и в искреннем сердце пусть отображен

Будет лик Иисуса среди моря бурного,
В нашей жизни да будет прославлен лишь Он!

Благость — сущности Божьей в сердцах отражение,
Сердце чистое может росиночкой стать
И, исполнив великое в мире служение, —
Грешным людям чрез благость явить благодать.

Кто способен простить согрешившего с радостью
И души доброту подарить всю ему —
Значит, сердце того преисполнено благостью,
Значит, светом Христа просвещает он тьму.

Дай Господь, чтоб росинками чистыми стали мы
И средь жизненной тьмы, среди адских сетей
Всею жизнью своей и сердцами кристальными
Отразили Христа для погибших людей!

Милосердие

Благость в сердце становится прочной основою
Для того, чтобы там милосердье росло.
С милосердными жизнь сразу стала бы новою,
Не царило бы всюду безумное зло.

Милосердье! О сердце, добрейшее, милое,
Истомилась сегодня земля по тебе.
Люди предпочитают дружить с адской силою
И готовятся к кровопролитной борьбе.

Зло умножить на зло — и цепная реакция
Возникает мгновенно среди царства зла,
Появляется тотчас греховная фракция,
Но во зле этом совесть сгорает дотла.

Не исправить злом зло. Это жизнью проверено.
Суд без милости — это звенящая медь.
Уже можно сказать совершенно уверенно,
Что жестокость рождает лишь стоны и смерть.

Зло, как тучи, висит над несчастной планетою,
Век двадцатый похож на трагический том.
Отвратитесь от зла, люди, вам я советую,
И живите в любви с милосердным Христом.

Раны сердца нельзя исцелить медициною:
Против зла нужен Божий священный елей;
Милосердье могло б стать надежной вакциною.
Иисус, Ты бальзам милосердья излей!

Христиане, пора уже стать милосердными,
Отразивши в сердцах мир лазурных небес,
Нужно быть в Божьем деле особо усердными,
Вирус зла чтоб навеки с планеты исчез.

Христианки, насыщен мир жалами острыми,
Много ранящих сердце, а лечащих нет.
Всех израненных, став милосердия сестрами,
Принесите в евангельский вы лазарет.

Брат по вере в Христа, окружены мы хворыми,
Много грех причинил им болезненных ран;
Не симпозиумы им нужны и не форумы,
А дела милосердные всех христиан.

Всеоружьем Божественным вооруженные,
Божьи воины, выйдите смело на бой,
Милосердьем и истиной преображенные,
Заслоните от гибели землю собой!

Вера

Добродетели разные полною мерою
Дух Святой предлагает сегодня всем Сам,
Воспринять же их можно лишь искренней верою,
Устремивши с молитвою взор к небесам.

Вера — благ ожидаемых осуществление
И уверенность в том, что не видим пока,
Вера — к небу от тленья земного стремление
И берущая обетованья рука.

Вера — это система познанья особая,
Познаем ей, что было, что будет потом,
С ней душа, претерпеть все страданья способная,
Знает твердо, что в вечности будет с Христом.

„Отче наш“, — так Творца называем мы верою
И, евангельский видя святой водоем,
В торжество бытия превращаем жизнь серую,
Если воду живую мы с верою пьем.

Утешителя Духа воспринявши верою,
Видя силу Его и Христа благодать,
Мы душою с небесной сродняемся сферою
И за истину Божью готовы страдать.

Иисуса спасенье мы приняли верою,
Не страшна со Христом нам безбожная рать;
На алтарь мы приносим любовь свою первую,
Для Христа жить готовы и с Ним — умирать.

Вера — дар и плод духа. Зерно драгоценное
Божьей веры в сердцах непременно растет,
Исполняется слово Христа сокровенное,
И дар веры приносит обильнейший плод.

Хорошо верить в Бога, но больше доверия
В век лукавый к Нему нужно всем нам иметь,
Сокрушилась чтоб замыслов дьявольских серия
И порвалась неверья лукавая сеть.

Пусть сердца наши станут удобренной почвою,
Чтоб дар веры в сердцах изобильно возрос!
Пусть вся жизнь наша станет избыточной, сочною,
Чтобы в ней отразился Спаситель Христос!

Кротость

Как приятно, имея от Бога служение,
Приближаться к Нему, зла законы поправ,
Но без кротости нет еще преображения,
Божий воин кротчайший иметь должен нрав.

Кротость — это отсутствие мщенья греховного,
Кроткий бьющим подставит ланиту свою;
Кротость — чистое зеркало роста духовного,
Очень нужное свойство в духовном бою.

Кроткий дух — не родня молчаливой трусливости:
Моисей, вождь кротчайший, настойчив был, смел,
Но, увидев Творца бесконечные милости,
Он любовь бескорыстную к братьям имел.

У людей могут быть слишком разные мнения,
Но один Иисус, пред небесным Отцом
Проявив бесподобную кротость, смирение,
Был, есть, будет кротчайшим святым образцом.

Как овца, веден был Иисус на заклание,
И простить распинавших Отца Он просил.
Жизнь отдать за людей — в Нем горело желание,
И за это Отец дал Ему много сил.

Верных истине, брат, ждет венец победителя.
Трудно, знаю, тебе: ты устал, ты гоним,
Подними с верой взор на Христа Искупителя
И опять в сокрушеньи пади перед Ним.

Он научит тебя быть кротчайшим в гонении,
Все обиды прощать и молить за врагов.
Сила заповедей скрыта в их исполнении...
Будь овечкой Христовой и знай трубный зов!

Дорогая сестра, для тебя украшение
Драгоценней, чем кротость, нигде не сыскать.
Украшайся всю жизнь ей, свершай с ней служение,
Возлюби кротость мудрую больше, чем мать.

Пилигримы в край неба, плоды ханаанские
Украшают пусть ваши земные года.
Увенчает пусть кротость дела христианские;
Ее жемчуг не меркнет нигде, никогда!

Воздержание

Воздержанье должно завершить добродетели,
Духа плод возрастает в сердцах только с ним,
Есть в Священном Писаньи живые свидетели;
С воздержаньем кто жил, тот был Богом храним.

Дни лукавы, свершать все земное хождение
С воздержаньем должны мы — иначе ждет грех.
Братья, сестры, нужно ежечасное бдение,
Чтобы не растерять добродетелей всех.

Вы припомните только Исава беспечного:
Проявив невоздержанность даже в еде,
Он лишается благословения вечного —
Чечевичное блюдо приводит к беде.

Первородства права нам даны в Искупителе:
За Христа пострадать и с Ним Царство иметь.
Братья, сестры, небесные ждут нас обители —
Неразумно менять на земную их снедь.

А Давид, веры муж, преисполненный силою,
С вожделеньем Вирсавию лишь осмотрел,
Но потом он едва не сроднился с могилою
И оплакивал горько печальный удел.

Христиане, нужда в воздержаньи огромная,
Жизнь святую с молитвой нам нужно начать,
Чтоб видна была миру кристальная, скромная
Целомудрия и воздержанья печать.

Тот, кто сеет лишь в плоть, пожинать будет тление,
А посеявший в дух — пожинать будет жизнь.
Сейте, верные, в дух — к небу наше стремление —
Дел же плоти, мой брат, вообще воздержись!

Заключение

Рифмы умолкли в благом поучении,
Ждет верных Богу лазурная синь,
Можно б, казалось, сказать в заключении
Слово — свидетельство правды — аминь.

Кто-то, свою просмотрев жизнь минорную,
К Богу придет с откровенной мольбой
И, не желая травою быть сорною,
Скажет: „Господь, я навеки с Тобой!"

Кто-то, быть может, таков, как смоковница,
Не приносящая больше плода;
Время настанет — Писанье исполнится,
Жалкая участь того ждет тогда.

Брат мой, зачем ты бесплодье сердечное
Лаодикийской украсил листвой?
Око Творца вездесущее, вечное
Видит тебя, ведь оно над тобой.

Елочка в доме, хоть очень зеленая,
Очень стройна в новогоднюю ночь,
Всеми плодами стоит наделенная,
Но ведь потом ее выбросят прочь.

Как ни прекрасно у ней украшение,
К веточке не прирастает оно.
Брат мой, покайся! Твое сокрушение,
Сердце твое Иисусу нужно.

Духу Святому — Садовнику нежному,
В сердце твоем потрудиться доверь,
Челн твой Он к небу направит безбрежному.
Сделай же это сегодня, теперь!

Искренне, просто и без многословия
Богу отдай ты в порыве святом
Жизнь всю свою, не диктуя условия,
Преобразит ее Сам Бог потом.

Духа Святого глас слушай внимательно,
К Богу взывай с верой ночью и днем,
И возрастать будет, брат, обязательно
Дивный плод духа и в сердце твоем!

Заповеди блаженства

Вступление

День как тысяча лет. Этой мерою
Мерит время лишь Бог, давший свет.

С христианскою новою эрою
Скоро кончатся шесть тысяч лет.

Человечество вехи позорные
Оставляло, добра ключ иссяк,
Лишь блаженства Христовы нагорные
Людям светят во тьме, как маяк.

Мира гении методы разные
Предлагают, чтоб лучше жилось,
Только притчи Христовы алмазные
Затоптала безбожная злость.

Увлекаемый мудростью ложною,
К катастрофе идя напрямик,
В ситуацию ввергнут мир сложную.
Всюду ядерный виден тупик.

Без любви люди стали все чуждыми,
Если б, свергнув налет всех идей,
Дать блаженств им нагорных жемчужины,
То тогда не бывать бы беде.

Не кичись, шар земной, совершенствами,
Все они потонули в крови,
Все померкли они пред блаженствами
Несравненной Христовой любви.

Восклонись, Божий люд, пред growth

Искушений, гонений, тревог!
Церковь Господа, стань же единою,
Не страшись, ведь с тобой вечный Бог!

Бог творил мир шесть дней, те дни — тысячи
Повторялись; седьмой день — покой.
Свет из камня неверья Бог высечет
В Царстве мира могучей рукой.

1. Блаженны нищие духом

Нищие духом блаженны:
Царство на небе их ждет.

Заповедью совершенной
Божий утешен народ.

Заповедь та непонятна
Гордым, надменным умам,
Но Иисус очень внятно
Преподавал ее Сам.

Как же быть нищим духовно,
Как сбросить гордости бич?
Мудростью мира греховной
Духа закон не постичь.

Божья премудрость святая
В душу не сможет войти,
Если там зло обитает,
Если лукавы пути.

В сердце надменном не сможет
В Духе Сам Бог обитать,
Гордым противится тоже
Бог и Его благодать.

Гордый богат делом плоти,
Плоть же — всегда духу враг,
Гордую славу поглотит
Ада кромешного мрак.

Нищий в смиренье убогом
Жив упованьем одним.
Обогатится он Богом,
Дело пойдет вслед за ним.

Нищий духовно — не бедный:
Бедный не просит, а он
Будет с молитвой победной
Славы наследовать трон.

Нищий и миллионером
Даже потом может стать,
Будет он многим примером,
Духа имея печать.

Пусть даже сильными мира
Нищий духовно презрен —
Не загрустит его лира,
Будет он петь: „Я спасен!“

Путь его прям, в бездорожье
Видит вершины он гор,
С благословением Божьим
Ввысь направляя свой взор.

Цели сего мира бренны,
Грех мира давит, как гнет,
Нищие духом блаженны,
Царство на небе их ждет.

2. Блаженны плачущие

Блаженны плачущие в мире этом,
Их Иисус утешит вскоре Сам.
Зима заменится цветущим летом,
Гимн радости воспрянет к небесам.

Труждающихся и обремененных,
Проливших в жизни очень много слез,
Бог хочет видеть в армии спасенных:
„Придите все!“ — зовет их Сам Христос.

Познавших горе, скорбь, несправедливость —
Земных надежд печальный негатив —
Как солнце радости осветит Божья милость,
Приникнет в сердце радостный мотив.

Душа, вкусившая нужду и горе,
Любить готова горячо Христа;
Любви Господней увидавши море,
Она найдет блаженство у креста.

Кто не страдает, то плода блаженства
Тому вкусить, наверно, не дано,
Он не познает тайны совершенства,
Она не постучит к нему в окно.

Через страданья к нам приходит благо,
В слезинках преломляется печаль,
Священных слез молитвенная влага
Блаженную нам открывает даль.

Утешьтесь, плачущие в этом мире:
Бог ваши слезы соберет в сосуд.
Ведь место есть для вас на брачном пире,
Гонителей же всех ждет Божий суд.

Для избранных готовится обитель
В немеркнущей небесной красоте,
Уж скоро позовет туда Спаситель
Тех, кто нашел здесь счастье во Христе.

Красы небесной не воспеть поэтам,
Ее не описать земным сынам.
Блаженны плачущие в мире этом,
Их Иисус утешит вскоре Сам.

3. Блаженны кроткие

Блаженны кроткие — всю землю им в наследство
Кротчайший царь Христос навеки дать готов.
Быть вместе со Христом — приятное соседство,
Но нужно кротким стать и пастырский знать зов.

О кротость мудрая, кристальная криница,
Ты привлекаешь чистых сердцем, как магнит,
В твои б небесные глаза взглянуть, царица,
И аромат вдохнуть прекраснейших ланит.

Ты посещаешь христиан, но лишь как гостья,
Без твоего венца на них висят порой
Не добродетели, а жалкие лохмотья,
А сердце черствой покрывается корой.

Где, кротость, отыскать тебя, чтоб быть с тобою?
Тебя наставницей хотелось бы иметь,
Не огорчить тебя бы жизненной борьбою,
В звенящую не превратиться чтобы медь.

„Я не одна, — сказала кротость, — существую,
Девятая лишь часть святого я плода.
Мы как бы семью составляем все живую;
Где Дух Святой живет, цвету там я тогда“.

Любовь в семье той, радость, мир, долготерпенье,
Там благость, милосердье, вера, воздержанье,
В том сердце мы живем, в котором есть стремленье
Диплом иметь небесного образованья.

Диплом получит тот, кто в Университете
Кротчайшего Христа в себе отобразил,
Распяв плотское „я“, кто стал душой, как дети,
Вместить в себя кто смог избыток Божьих сил.

Профессором в небесном Университете
Является Дух Божий, то есть Дух Святой,
Все тайны раскрывает Он в небесном свете
И учит, как идти тернистою тропой.

Кто Богу повинуется всецело,
В том зреет духа плод и Дух Святой живет;

Он формирует качества плода умело,
Прекрасен духа плод, он сладок, словно мед!

Лишь только так блаженное наследье кротких
Возможно получить от Господа в удел“.
О христиане, в жизненных путях коротких
Дай Бог, чтоб каждый духа кротости имел.

Чтоб побеждать всегда,
есть тройственное средство:
Меч Божий, веры щит и кроткий Дух Христов...
Блаженны кроткие — всю землю им в наследство
Кротчайший Царь Христос навеки дать готов.

4. Блаженны алчущие и жаждущие правды

Кто алчет и кто жаждет правды вечной,
Блаженны вы — Христос насытит вас.
Вас встретит мир угрозой бесконечной —
Мужайтесь! Избавленья близок час.

Святая правда с истиной Христовой
Сольются в сердце верного в одно,
Союз их будет жизненной основой,
С ним в небо приоткроется окно.

Кем Бог любим — любима правда тоже.
За правду Божью в жизненном бою
Возлюбленный Христом с любовью сможет
Отдать безропотно и жизнь свою.

Христовы воины чрезмерно рады,
Когда луч правды заблестит во мгле,
Не надо им совсем иной награды —
Светила б правда Божья на земле.

Но мир лежит во зле. Где зло, там правды
Священный огонек презрен совсем,
Стереть его с лица земли мир рад бы
Лишь потому, что мир пред правдой нем.

Носитель правды Божьей, трудно очень
Тебе светить, где грех и зло царят.
Ты ждешь тот миг, когда во мраке ночи
Засветит правды вечная заря.

Ты алчешь правды, жаждешь, как в пустыне,
Утешься, странник, — ты не одинок.
Есть много не оставивших святыни;
Хранит всех верных всемогущий Бог.

Воспряньте, верные! Любви сердечной
Смотрите чтоб светильник не погас...
Кто алчет и кто жаждет правды вечной,
Блаженны вы — Христос насытит вас.

5. Блаженны милостивые

Все милостивые блаженны тоже —
Помилованы будут и они.
Спасать людей рука Господня сможет,
Она не сократилась в наши дни.

Бог во Христе простил грехи всем людям,
Мы также милость проявлять должны,
А если должникам прощать не будем,
То будем в Царстве Божьем не нужны.

Суд правды — хорошо, но милость — выше,
Она превознесется над судом.
Без милости кто судит, пусть услышит:
Не будет он помилован потом.

Где нет суда, нет милости и веры,
Там, значит, весь закон пренебрежен,
За это фарисеев „лицемеры"
Христос назвал; конечно, прав был Он.

Бог утром обновляет милосердье,
И солнце утром светит всем опять.
Как много нужно проявить усердья,
Чтоб милость над землей могла сиять.

Сплотитесь, христиане всей планеты,
Пусть милосердья солнышко взойдет.
Сердца людей должны быть им согреты,
И тронется вражды безбожной лед.

Приди, как милосердный самарянин,
Мой брат, к избитому грехом и злом.
С елеем милости душа воспрянет —
Он благодарственный споет псалом.

Введи его в гостиницу спасенья,
Увидит он любви Христа закон
И, исцеленный Богом от сомненья,
В греховный не пойдет Иерихон.

О милосердье, плод Святого Духа,
Ты христианам так сейчас нужно:
К словам без дел людское сердце глухо —
Пред милосердьем тает вмиг оно.

Лишь милосердный милость в полной мере
Способен проявлять всегда во всем;
Да укрепит его Спаситель в вере
И в край блаженств введет Своим путем.

Христианин, суди себя построже,
Других прощай, им грех не помяни...

Все милостивые блаженны тоже —
Помилованы будут и они.

6. Блаженны чистые сердцем

Чистые сердцем блаженны, бесспорно,
Ибо они Бога правды узрят.
Не были в мире травой они сорной,
В святости жили, страдая не зря.

В город небесный не входит нечистый,
Преданный мерзости, лжец или трус,
Прелюбодей и безбожник речистый.
Озеро огненное — вот их курс.

В граде небесном нет зла, тьмы и ночи:
Бог — его храм и немеркнущий свет.
Это зреть будут искупленных очи
На протяжении всех вечных лет.

Ну, а теперь возникают вопросы:
Можно ли Бога узреть на земле,
Могут ли сделать спасения росы
Сердце способным найти путь во мгле?

Могут, но только условие — то же,
Ставилось раньше оно всем уже:
Чистый лишь сердцем узреть Бога может —
Это понятно прощенной душе.

Чистое сердце — вот тот орган зренья,
Бога которым узреть можно здесь.
Тайны творенья, молитв, откровенья
Сердце познает и скажет: „Бог есть!“

Крик часто слышится в мире безбожном:
„Бога не видно. Его, значит, нет!"
Сердцем слепые, в надмении ложном
Нечем увидеть вам истинный свет.

Тем, кто стремится все ж встретиться с Богом,
Нужно познать непременно одно:
Чистое сердце с таинственным оком
При покаянии будет дано.

Грешник, поверить в Спасителя нужно
И перед Ним в сокрушеньи упасть;
С первой слезой покаянья жемчужной
Дай над собой Ему полную власть.

Сердце очистит твое кровь святая,
Вспыхнет оно лучезарным огнем;
В этом огне лед неверья растает,
Действие Бога проявится в нем.

Будешь Христа ожидать ты покорно,
Он облечет в белоснежный наряд...
Чистые сердцем блаженны, бесспорно,
Ибо они правды Бога узрят!

7. Блаженны миротворцы

Миротворцы, вы блаженны, без сомненья,
Божьими сынами вы наречены,
Песнь свободы, счастья, мира и спасенья
В небе петь вам, благородные сыны.

Чудный мир Свой Иисус оставил верным,
Мир земной же людям мир иной сулит,
Мир Христов далек от зла и всякой скверны,
Мира мир с грехом в союзе тесном слит.

Мир Христов со святостью шагают вместе.
Тот блажен, в чьем сердце этот мир царит.
Мир Христов далек от компромиссов, лести.
Свят он, нерушим и прочен. как гранит.

Кто вот этот мир нести захочет смело,
Миротворцем наречет того Христос,
Будет он свершать Христовой правды дело,
Только пусть не ждет от жизни пышных роз.

Миротворцев встретит мир земной войною
Только потому, что сам лежит во зле.
Мир, Христа забыв, гоним мечтой одною,
Жизнь же без Христа — блуждание во мгле.

Мир Христов лишь гарантирует мир — миру.
Миротворцы Божьи, вставши в дружный строй
И сердца настроив, как большую лиру,
С пеньем устремитесь вы в духовный бой!

Мир Христов несите в города, в деревни,
Дело приложите к истинным словам,
В каждый дом входите вы с девизом древним.
Как Христос когда-то говорил: „Мир вам!“

Примиряйте с Богом, с ближним и соседом
Каждого, кто стонет в беспросветном зле,
И конец положит Иисус всем бедам,
И наступит царство мира на земле.

Миротворцы Божьи, вы в строю едином
Смело в бой вступите с призраком войны!
Наречет Бог скоро миротворца сыном.
В бой за мир, за правду, Господа сыны!

Самых мирных в этом мире ждут гоненья,
Но у врат небес причалят их челны.

Миротворцы, вы блаженны, без сомненья,
Божьими сынами вы наречены.

8. Блаженны изгнанные за правду

Блаженны изгнанье за правду принявшие, —
Для вас в небе Царствие вечное есть;
Блаженны страдавшие, но устоявшие,
Награда великая вас ждет и честь.

Как мало желающих встать под знаменами
Немеркнущей правды, чтоб знать трубный зов,
Зато много тех, кто рожками презренными
Питаться всю жизнь из-за страха готов.

Гоненья за правду на всем земном глобусе,
Наверное, примут обширный размах,
Неправда на правду сильнее озлобится,
Скует волю многих панический страх.

Неверье захочет шагами огромными
Пройтись по планете, чтоб веру попрать.
Скрывайся всегда под библейскими кронами,
За веру и правду стоящая рать.

Неверье не раз уж идейными войнами
Пыталась библейскую правду стереть,
Но Божьи служители с гимнами стройными
Вставали, готовясь принять даже смерть.

Они отстояли, пусть жертвами многими,
Небесную правду — священный завет.
Их не запугали запретами строгими —
Горит и не меркнет евангельский свет.

Восстань, воин правды, частицу лишь малую
Страданий осталось еще претерпеть!
Взирай на Христа и на кровь Его алую,
Так сделай сейчас, поступай так и впредь!

За правду священную, миром гонимую,
Поднять знамя выше пора бы давно,
Блаженную долю, ни с чем несравнимую,
Принять уже скоро всем верным дано.

А мир угрожает. Угрозы те странными
Не кажутся воину правды уже.
По тюрьмам и зонам с кровавыми ранами
Привык он страдать, боль скрывая в душе.

А сколько страдающих семьями целыми!
Когда же наполнится чаша скорбей,
Когда перестанет идейными стрелами
Язвить мир гонимых за правду людей?

Утешьтесь, в жестоких гоненьях уставшие.
Не вечно царить будет злоба и месть...
Блаженны изгнанье за правду принявшие, —
Для вас в небе Царствие вечное есть.

9. Блаженны гонимые за Христа

Блаженная радость с наградой обещана
На небе всем тем, за Христа кто гоним,
Но большего счастья еще не завещано,
Чем жить для Христа и быть в вечности с Ним.

Гонимые миром, прекрасными музами
Не ярко ваш подвиг священный воспет,
Зато воссиял над страданьями, узами,
Над жизнью и смертью евангельский свет.

Чрез двадцать столетий перед миллионами
По шару земному тернистый вы путь
Прошли, как полки с боевыми знаменами,
Теперь можно в вечности вам отдохнуть.

Хотя об ученьи Христа много спорили,
А кто-то, быть может, готов спорить вновь,
Но Церковь Христа пронесла по истории
Священное знамя — Христову любовь.

Кто жил в благочестьи, под этим встав знаменем,
Тот был обязательно миром презрен:
Ареной, тюрьмой, инквизиторским пламенем
Путь Божьих детей был всегда опален.

Но знамя Христовой любви не утеряно.
Его, как реликвию, верным сынам
Отцы передали, пройдя путь уверенно.
О Боже, дай сил пронести его нам!

Последний этап называется финишем,
Идти с этим знаменем будет трудней.
Господь, помоги сохранить в веке нынешнем
Любовь среди множества чуждых огней!

Диавол стращать будет верных темницами,
Но Божья любовь победит страх и зло.
Встают, как отцы с просветленными лицами,
Их дети, дополнить чтоб верных число.

Есть место под знаменем вместе с гонимыми,
Их Бог облечет в белоснежный наряд.
Мой брат, хватит жить идеалами мнимыми,
Решайся скорей и вставай к верным в ряд!

Пусть жизнь их страданьями вся перекрашена,
Но вся она — тайна, вся — песня, вся — гимн...

Блаженная радость с наградой обещана
На небе всем тем, за Христа кто гоним.

Заключение

Чрез Моисея евреям дан строгий закон на Синае:
Бог дал Синайский закон, это был Ветхий Завет,
Через него Бог беседовать с ними хотел как с сынами,
Чтобы потом воссиял новый евангельский свет.

Обетованье Творца величайшую силу имело,
Прежде чем строгий закон дан был евреям потом.
Веря обетам, свершить Авраам смог достойное дело,
Другом Творца назван он, ставши для верных отцом.

Но для чего же закон? Он дан после
по той лишь причине,
Что слабо верил народ обетованьям Творца.
Бог дал почувствовать многим,
что только в предвечном лишь Сыне
Люди найдут полный мир — Он их очистит сердца.

Ветхий Завет никому из людей
дать не мог совершенства,
Детоводителем лишь — временным был он к Тому,
Кто на Голгофском кресте
подарил людям мир и блаженство;
Он есть закона конец, свет, просвещающий тьму.

По благодати чрез веру спасенье подарено людям,
Ибо исполнить закон сами они не могли.
Брат мой, принявши спасенье,
мы славить Спасителя будем.
За искупительный дар людям всей грешной земли.

Новый Завет Бог дал людям планеты огромной,
Всем утружденным теперь Он обещает покой!
О, помоги, Иисус, прославлять Тебя
жизнью всей скромной,
Сам доведи в край небес верных пронзенной рукой!

Там, в лучезарных чертогах
блаженной заоблачной дали,
Тех ожидает Христос, кто за Него был гоним.
Тот, кто все девять блаженств записал
на сердечной скрижали,
Кто пострадал за Христа,
тот будет царствовать с Ним.

Пятьдесят сонетов

Иисусу

Прими, Иисус, стихотворный сонет,
Души неземные восторги,
Я не променял на блеск звонких монет,
Не отдал на суд мирских оргий.

Давно не плачу я мирской музе дань
(Как жжет ее мщения жало).
Хочу, чтоб Твоя лишь пронзенная длань,
Христос, мое сердце держала.

Кто кровью Христовой омыт добела,
Тот петь средь гонимого стана
Об истине будет; Христу честь, хвала
Возносятся пусть непрестанно!

Я — узник, но в царстве неверья и зла
Христу воспеваю „Осанна!“

Гонимому братству

Я к гонимому братству примкнул потому,
Что Христа путь страданий в нем вижу яснее.
Эта Церковь верна лишь Христу одному,
Крест скорбей я хотел бы нести вместе с нею.

Как Христу братству верных я отдал талант,
Жизнь униженным я посвятил не для вида.
Мир позорное имя мне дал — арестант,
Потому что я в руки взял гусли Давида.

Струны гуслей порвало неверье, но впредь
Пусть безбожникам будет об этом известно:
Не умолкнет в страданьях Христова Невеста,
Под биение сердца я буду гимн петь!

Сердце с братством гонимых поет все равно,
Лишь с последним биеньем умолкнет оно.

Первенец

Ты кому улыбнулась улыбкой таинственной,
Ясный взор устремивши в ночной полумрак,
Повстречавшаяся в ранней юности с истиной
И по вере в счастливый вступившая брак?

Ты о ком помолилась беззвучной молитвою,
Ощутивши под сердцем внезапную дрожь?
Ты мечтою живешь, воедино с тем слитою,
Кто потом на тебя будет в жизни похож.

Подари его Церкви и верь, что носителем
Правды вечной он будет, идя за Спасителем,
Это может тебе много силы придать.
Освящаются браки рождения муками,
Дочерями, сынами, любимыми внуками,
А еще восхитительным именем — мать.

Воскресное утро

Унесла тайны все предвоскресная ночь.
Улыбнулась зарница в фате бледно-розовой.
Удались суета монотонная прочь,
Не смущай мою душу житейскими грозами!

Дух Святой, подбери к двери сердца ключи
И заполни Собою в нем клеточку каждую,
Волю Божью меня познавать научи,
А, познавши, — исполнить с молитвенной жаждою!

Боже вечный, услышь в ранний утренний час
Обращенный с надеждой молитвенный глас!
Труден путь, но с Христом
не страшна ноша крестная.
Я, под крест добровольно подставив плечо,
Иисуса желаю любить горячо.
Его подвиг прославит молитва воскресная.

Материнство

Чтобы заветы Христовы могли быть свершенными,
Верность многих в последнее время нужна.
Христианки, когда вы становитесь женами,
То молитесь о детях Творцу, как одна.

Когда Бог наградит вас малютками милыми,
Вы, как Анна, Ему их верните скорей,
И наполнится Церковь Христа Самуилами,
И прославится в них Иисус Назорей.

Вид прекрасен младенцев с кормящими мамами,
Их цветами усыпать бы нежными самыми,
А в цветы те вплести поэтический стих.
Но цена выше жемчуга маме с малютками,
Разлученной с супругом гоненьями лютыми,
Но Молоху детей не отдавшей своих.

Ионафану

На опасных стезях среди вражьего стана,
Когда верных преследует призрак могил,
Нужно братьев любить так, как Ионафана
Бескорыстной любовью Давид возлюбил.

Ту любовь выше женской друзья оценили,
Возрастать средь гонений она будет впредь.
Ту любовь не смущают тернистые мили,
Перед нею бессильны и тюрьмы, и смерть.

Благодарность Тебе возношу непрестанно
Я за то, Иисус, что Ты Ионафана
Подарил мне, когда угрожать стало зло!
Жизнь отдать за величье Любви Идеала,
За надежду, что в небе всех верных ждет слава,
За прекрасных друзей — не тяжело.

Грехи юности

Где теперь ты? Ответь, ясноокая.
Не померк ли твой взор голубой?

Снова юность воскресла далекая,
Промелькнувшая вместе с тобой.

Монологи окончились длинные,
И прошу об одном я: „Прости,
Что, отвергнувши чувства невинные,
Преткновеньем я был на пути.

Совершенных во дни маловерия
Грехов прошлых вдруг выплыла серия,
Растревожили память они.
Иисус, мой Спаситель единственный,
Все оставив, пошел я за истиной —
Грехов юности не помяни!“

Жизнь

Жизнь, о какой же ты дар драгоценный!
Только пройдешь ты, а жаль...
Смерть, притаившись за жизненной сценой,
Горе несет и печаль.

Жизнь, суетой ты меня истомила,
Ран нанесенных не счесть,
Всюду неправда и зло — все не мило.
Смерть, хорошо, что ты есть!

Пусть мир греха обращается в тленье,
Но ведь бессмертных душой
Тайна великая ждет — воскресение.
Господи, как хорошо!
Тех, кто воспримет спасенье Христово,
Вечная жизнь в Царстве правды ждет снова.

Посвящение

Славу неба оставив, сошел добровольно
Иисус за Невестой в земные места.
Только вспомню, и сердцу становится больно —
За меня Иисус принял муки креста.

О Любовь, воплощенная тайна святая,
Чем за милость избранья тебе я воздам?
Мои мысли и чувства, как ласточек стая,
Устремляются в твой удивительный храм.

Выше подвига не отыскал я на свете,
За любовь можно только любовью ответить.
Иисус, отдаю Тебе сердце вполне!
Ты мне жизнь даровал, пусть я слаб и ничтожен,
Но за жизнь свою жизнь посвящаю я тоже.
Да святится, Христос, Твое имя во мне!

Путь Церкви

Много пар детских глаз скорбно смотрят на папу,
Много рук дорогих машут издалека.
Суд окончен. Он снова пойдет по этапу,
Поседевший, больной и сутулый слегка.

Снова — трудная жизнь, снова редкие встречи,
Разлученных семей стало много весьма.
Очень часто звучат прокурорские речи,
А в итоге — отцы шлют два в месяц письма.

Иногда журавли из далекого края
От гонимых за правду привет принесут:
Церковь Божью не сломит безбожников суд,
Церковь к небу идет, на Христа лишь взирая.

Магдалина

Гора Масличная. Кедронская долина
Христа скрывали ночью и средь зноя дня.
Теперь — Голгофа, крест, рыдает Магдалина,
Стопы пронзенные Спасителя обняв.

Мария, грешница, великую утрату
Принес тебе девятый на Голгофе час.
К Христу ты льнула как к Спасителю и брату,
Всем сердцем возлюбивши в жизни первый раз.

Он руки распростер, как будто для объятья
Погибших грешников, а раны от гвоздей
Струились кровью, искупляющей людей.
Возлюбленные Им — сроднятся в Нем, как братья,
Мария и Распятому была верна —
Увидит первая Воскресшего она.

Марфа

Возлюбивши Христа, для Него угощенье
В изобильи готовила Марфа всегда,
Но духовного часто лишалась общенья —
Забирала все время у Марфы еда.

Марфы труд не остался Им неоцененным.
Он любил двух сестер, но в положенный срок
Чрез Марию и Марфу Христос всем спасенным
Преподал очень жизненно-важный урок.

„Марфа, Марфа, ты слишком печешься о многом!" —
В тех Христовых словах заключен не запрет,
А желанье, чтоб больше бесед было с Богом,
Чтоб сердца не присохли к домашним порогам,

Чтоб был познан духовных общений секрет,
А без них на земле для души счастья нет.

Мария

Ты ученицею была прилежной,
Мария, Марфы с Лазарем сестра,
Христа любила ты любовью нежной
И часто дни и ночи до утра,
Домашнее совсем забывши дело,
У ног Его ты, слушая, сидела.

Ты не скрывала чувств своих нимало.
Пока Учителя глас не утих,
Его ты ноги миром омывала
И волосами утирала их.

Мария, фарисейским пересудом
Не омрачен прекрасный образ твой,
Живешь ты с алавастровым сосудом
В страницах вечных Библии святой.

Лазарь

Ты был очень кротким, сказать можно сразу,
Припомнив Вифанию, добрых сестер,
Иначе Христос не любил бы так, Лазарь,
Твой скромный, но гостеприимный шатер.

Твой образ словесным блистающим лаком
Не ярко покрыт — все же он завершен:
Уж если Христос о тебе, Лазарь, плакал,
И если пред всеми ты был воскрешен,
То, значит, ты был Царя кроткого воин
И быть на священных страницах достоин.

Сдружилось неверье с жестоким кошмаром:
Законников и саддукеев совет
Решил погубить тебя, Лазарь, недаром,
Но тщетно — горит воскресения свет!

Анна

Прося у Бога сына непрестанно,
Еще и материнства не познав,
Его Творцу уж посвятила Анна,
Благочестивый проявляя нрав.

Родивши и вскормивши Самуила,
Бездетной будучи под старость лет,
Она его в дом Божий проводила,
Исполнив свято пред Творцом обет.

О, где вы, Анны Нового Завета?
Быть может, вы совсем лишились сил?
Хоть сын для мамы бесконечно мил,
Им сердце материнское согрето,
Но все ж, не нарушайте вы обета —
Христовой Церкви нужен Самуил.

Мои межи

Ты был всюду со мной, где б ни шли мои межи,
И, когда мне казалось, что крест мой тяжел,
Видел я впереди след кровавый Твой свежий
И, забывши про боль, за Тобой снова шел.

Мне на долю земное не выпало счастье,
Безответным остался сердечный мой пыл.
Скорбь, лишенья мое сердце рвали на части,
Но ведь Ты был со мной, значит, счастлив я был.

Может быть, скорбный путь свой холодною ночью
Вдалеке, окруженный колючей стеной,
Без родных и без милых друзей я закончу.
Иисус, о, пребудь до могилы со мной!

Я хотел бы с любовью сказать Тебе там:
„Мои межи прошли по прекрасным местам!"

Господь — сила моя и песнь

Я с Тобой не сробею в часы испытаний.
А, верней, — Ты, Христос, не сробеешь во мне.
Ты проводишь меня чрез горнило страданий,
Утираешь Сам слезы в ночной тишине.

Там, где Ты, все кругом вдруг становится мило.
Мне не страшно с Тобой за решеткой стальной.
Я теперь не сменяю страданий горнило
На бесцельный, безбожный блеск жизни земной.

Пусть умолкли в тюрьме сладкозвучные струны,
Но, любуясь Тобой, Агнец мой златорунный,
Я уверен, что счастье в страданиях есть.
Прочь, уныньe! Тоска по свободе да сгинет!
Сердца боль изольется в сонете иль гимне.
Иисус — моя сила, Христос — моя песнь!

Святому Духу

О Дух Святой, прими благодаренье
За посещение в воскресный день!
Чрез призму Духа Бога лицезренье
Рассеяло долины смертной тень.

Восторги сердца превратив в сонеты,
Взор устремив к вершинам дальних гор,
Я за решеткой ощутил Фавор,
А стены мрачной камеры согреты
Как будто стали неземным теплом;
Душа восторженный поет псалом.

О, посещай почаще, Гость небесный,
Порывом поэтическим меня.
Я Иисуса воспою путь крестный,
Пусть рифмы сердца серебром звенят!

Илий

Илий священник верный был, но мало
Двоих сынов старался обуздать.
Расплата за бездейственность настала —
Покинула их Божья благодать.

Отторгнуто священство от развратных,
На место их был избран Самуил.
Род Илиев сошел во мрак могил,
И подвигов не совершивши ратных.

Христов служитель, для тебя уроком
История с Илием быть должна.
Служи Христу, борись с людским пороком,
Но знай, что святость и в семье нужна.

Кто воспитал своих детей умело,
Тот исполняет Божье дело смело .

Благовестнику

Сердца людей ты жги святым глаголом,
Мечом духовным зло и ложь карай.

Ты — житель гор, идя греховным долом,
Не попадешь в благословенный край.

Не только лик прекрасен, но и ноги
Стоящих на Сионе быть должны.
Кто на гору взошел, тот виден многим.
Христу святые вестники нужны.

Носитель дивной вести о спасенье,
Людьми любим ты должен быть бы всеми,
Однако как Христос ты миром зла гоним.
Колючей проволокой ты хоть сжатый,
Не унывай, Божественный глашатай!
Христос страдал, иди и ты за Ним!

Хористам

Певцы, новозаветные левиты,
И регент, новоявленный Асаф,
Вы — представители евангельской элиты,
Законы себялюбия поправ,
Сердцами воедино будьте слиты,
Имейте, как Христос, кротчайший нрав!

Песнь новая поручена хористам,
А регента должны настроить хор.
Гимн о Христе созвучием искристым
Пусть оглашает голубой простор!

Проникнут в сердце черствое, людское
И сделают его совсем другим
Аккорды счастья, мира и покоя.
Звучи над миром, христианский гимн!

Молитвенницы

Вы в церковном служенье не блещите санами,
Образ жизни ваш скромен предельно и прост,
Но яляетесь незаменимыми самыми
Часовыми Христа вы, встав свято на пост.

От Христа Самого получивши задание —
Не оставить страдальцев в духовной борьбе —
Вы стараетесь строить Церковное здание,
Не присвоив ни капельки славы себе.

В откровеньях молитвенных стали понятными
Вам деяния лис вместе с их лисенятами.
В виноградниках нужно сберечь виноград.
Когда вновь, несмотря на мороз низкоградусный,
Юность гимн о Христе запоет жизнерадостный —
Это будет для вас выше всяких наград.

Свобода

Век двадцатый восстаньями полон народными,
Впрочем, были восстанья и в древних веках.
Все народы, все люди хотят быть свободными,
Тиранию и рабство повергнув во прах.

Люди мира достигли б давно изобилия,
Если б их не тиранили зло, войны, грех.
Нет, свободу духовную даст не насилие —
Только истина освободить может всех.

Чтоб для Царствия Божьего людям стать годными,
Нужно быть от греха и от зла им свободными.
Дел кровавых довольно! Прочь адский искус!
Факел братской свободы сияет таинственно,

Люди, дарит свободу вам вечная Истина!
Эту истину людям принес Иисус.

Пресвитер

Радость светлых общений и горечь печали,
Детский лепет и старцев прощальный наказ
Твои добрые очи и руки встречали,
За других ликовал ты и плакал не раз.

Твое сердце чувствительное, как мембрана,
Постоянно небесным горело огнем,
Иисуса любовь и Голгофская рана
Отражалась, как солнышко в зеркале, в нем.

Люди мира, о, как вы жестоко язвите
Раба Божьего сердце! Но знайте, пресвитер —
Это избранный Богом священный сосуд.
Бог, Владыка миров, на престоле высоком
Видит каждое сердце недремлющим оком,
Нечестивых гонителей Божий ждет суд.

Диакон

Цель всей жизни твоей — о других попеченье.
Ты к страданьям людским никогда не был чужд.
Хоть тебя самого крутит жизни теченье,
Но ты первый всегда там, где множество нужд.

Ты всей жизнью, деяньями нелицемерными
Подражать Иисусу стремишься во всем,
Твои дети, жена стали в Церкви примерными
И идут за Христом узким, скорбным путем.

Ты устал. Из людей утешения нет ни в ком,
Но пред взором твоим — Иисус Назорей.
Как диакон Филипп, стань и ты благовестником,
Чтоб приблизилось Царствие Божье скорей.

Не ропщи, когда встретит тебя мир войной —
Наша жизнь — лишь прелюдия к жизни иной.

Страдалец

Стынет кровь, я подобен холодной стал льдине,
Крик о помощи рвется, вселенское... (СОС).
Три креста на Голгофе и там, посредине,
Умирает прекрасный, невинный Христос.

Рим, империя, юриспруденции прима,
Как предельно жесток и как низок твой нрав!
Распинают бездушные воины Рима
Иисуса, любовь римским правом поправ!

Вдаль веков перенесшись, смотрю на Христа я,
Виноватить евреев и римлян готов,
Но в распятии истина скрыта простая,
Мой напрасен и жалок о помощи зов:

За грехи ко кресту прибить нужно б меня —
Я склонюсь пред Христом, никого не браня.

Варавва

Ты на жизнь получил незаконное право:
Иисус на кресте твое место займет,
Ты ж, жестокий разбойник, убийца Варавва,
Даже не ощутишь на себе крестный гнет.

Сын в отца — переводится имя Варавва.
Кто ж Вараввы отец, на кого он похож?
Это — символ жестокости, злобного нрава,
Породивший неверье, убийство и ложь.

Вот предстали два сына пред казнью кровавой:
Иисус, Божий Сын, со злодеем Вараввой —
Но решился народ сына зла предпочесть.
Друг мой, брат мой, теперь предстоят двое те же,
Избери, с кем по жизни пройдут твои межи...
Неужели Варавве окажешь ты честь?

Разбойник

„Помяни меня, Господи, в Царстве Твоем!" —
Так разбойник взывал, умирая.
Отвечал Иисус: „Ныне ж будем вдвоем
Мы с тобою в обителях рая".

Так грехи Иисус может только прощать
Даже тех, кто достоин был смерти.
Без укора Он ставит спасенья печать.
Люди, в милость Христову поверьте!

Без заслуг, без даров и без звонких монет
Имя Господа, если в предсмертный момент
Призовет в сокрушении грешник,
То Христос в милосердьи безмерном Своем
Назовет день последний — спасения днем,
И грехов не помянет Он прежних.

Воскресенье

Утро. Солнце взошло. Ароматы весенние
Над землей разлились вместе с пением птиц,

Пробуждайся, душа, и встречай воскресение —
Самый радостный день календарных страниц.

Над гонимыми, кроткими, нищими, бедными
Солнце правды взошло — Искупитель воскрес.
Радость рвется на волю, псалмами победными
Оглашается купол лазурных небес.

Иисус, преисполнен благими желаньями
В это утро мой дух. С быстроногими ланями
Состязаться я в скорости смог бы опять.
Рвется сердце из зоны скорбей и стеснения
В то общенье друзей, где стогласное пение,
Как всегда, будет стройно Тебя прославлять.

Крещение

Ты стоишь пред событием очень великим,
Чтоб обет доброй совести Господу дать.
Восходящего солнца янтарные блики
Разукрасили чистую водную гладь.

Ты волнуешься, пульс твой стучит учащенно,
С нетерпением ждешь ты таинственный миг,
Когда, выйдя из речки, счастливой, крещенной,
В сердце скажешь:
„Господь, как в любви Ты велик!“

Иисус — твой Спаситель. Как символ спасенья,
Твои ризы на солнце блестят белизной.
Навсегда ты запомни минуты крещенья,
Пусть Господь освятит весь путь жизни земной!

Романтичней, возвышенней подвига нет,
Чем исполнить крещенья священный обет.

Родителям

Папа с мамой, родные мои, драгоценные!
Через вас в царство веры открылась мне дверь,
Вы у Бога уже за житейскою сценою,
Как Ему благодарен за вас я теперь!

Преподали науку вы самую нужную.
В благодарной молитве склонившись у нар,
Воспринявши любовь и надежду жемчужную,
Я постиг, как велик Божьей милости дар.

Ваши души, пока что бесплотными ставшие,
Пусть утешит блаженный божественный рай.
Иисус, все почтенья мои запоздавшие
Моим милым родителям Ты передай...

За Тебя я пресыщен обильем угроз,
Подари с папой, с мамой мне встречу, Христос!

Дедушке

Ты в родстве нашем первым решился без страха
По евангельской вере жизнь строить свою.
Пред могилой твоей, у почтенного праха,
Милый дедушка, я на коленях стою.

Ты был беден, однако одной из жемчужин,
Несравненно прекрасной, сам лично владел.
Мира блеск тебе был совершенно не нужен,
Ибо с ней в синем небе тебя ждал удел.

Ту жемчужину, будучи в возрасте старом,
Передавши в наследство дрожащей рукой,
Удостоил ты внука бесценнейшим даром,
А потом тихо с миром ушел на покой.

Все отнял у меня гордый мира колосс,
Но осталась жемчужина — вечный Христос.

Завещание
(посвящается Коле М.)

После тюрем и зон умирал молодым
Иисуса Христа благовестник;
Он посевов своих не увидел плоды,
А с женой лишь полгода жил вместе.

Был он беден, но честен и чист, как кристалл,
Поселившись в малюсенькой хате,
Он наследство огромное все ж завещал
Неувиденному им дитяти.

„Завещаю, — сказал он, прощаясь, жене, —
Ту любовь Иисуса, которая мне,
Словно светоч, во мраке светила.
Я Христу гимны пел, не стяжая наград,
Но Он Сам мне открыл доступ
в вечный Свой град.
Иисус — моя песнь, моя сила“.

Божий страж
(посвящается Г. К.)

Мы в духовной борьбе, как во дни Гедеона,
Унывать и пугаться способны порой,
Но готовит Бог тех, кто, страдая без стона,
Не оставит борцов Иисусовых строй.

Дома — трудности, манят назад дети, жены,
Увлекает пейзажами жизни мираж,
Но стрелой искушений не будет сраженным
Только истине верный Божественный страж.

Может быть, осуждают тебя лицемеры,
Но взирай на Христа, не теряй Божьей веры,
Брат любимый, храни верность, как Гедеон.
Все минует: гоненья, угрозы и беды —
И во тьме засияет, как символ победы,
Приготовленный Богом небесный Сион.

Гедеон

Чрез Гедеона Бог израильтянам дал свободу.
След мадиамских воинов простыть успел уже,
Но почему покоя нет Ефремовскому роду?
Быть ефремлянин победителем желал в душе.

„Ты по какому праву
нас решил не брать с собою?" —
Сынов Ефрема прозвучал воинственный вопрос,
Но Гедеон открыто звал всех добровольцев к бою.
Как погасить теперь огонь вражды, обид, угроз?

„Вы больше сделали, чем я,
князей в плен взявши, братья, —
Ответил он, — Бог победил, не я, кто я такой...
Своею силой никогда не смог прогнать бы рать я.
Господь в сраженье нас повел
и спас Своей рукой".

Не превознесся Гедеон пред братьями нигде.
Смирил Господь дух Ефремлян —
конец пришел вражде.

Самсон

Влечет поэта, как магнит, к себе персона
Того, кто силой был могучей наделен,

Судьи Израиля, богатыря Самсона,
Был назореем Божьим потому что он,

Но предан был он женщиной иноплеменной:
Сгубила сильного Далидина краса.
Гроза филистимлян поник, с главы склоненной
Острижена вмиг назорейская коса.

Храни, Христов служитель, тайны назорея,
Беги от мира и от женских чар скорее,
Иначе сил лишишься так же, как Самсон.
Ты — Божий страж, стоящий на посту высоком.
Спустилась ночь — следи кругом духовным оком,
Смотри, не погрузись в лаодикийский сон.

Суд

Закручена пружина до предела —
Неверье мне опять готовит срок.
До трех томов разбухло мое дело;
Суровы судьи, как трагичный рок.

Склонен к неправде ловко лжесвидетель,
Глаза недружелюбно смотрят с мест.
О Иисус, святая Добродетель,
Дай сил безропотно нести свой крест.

Спаситель мой, на что же все похоже? —
К преступникам причислили меня.
Ведь Ты к злодеям был причислен тоже,
Так помоги ж, прощая, не кляня
Гонителей моих в суровой доле,
Покорным быть, как Ты, мне Божьей воле!

Саул

Взамен судей не так-то было просто
Израильским царем Саулу стать;
Он выше всех на голову был ростом
И смело вел израильскую рать.

Но, будучи не склонен к послушанью,
Врагам Израиля открыл от тыл;
Принесши жертву собственною дланью,
Он навсегда отвержен Богом был.

Не забывай средь жизненного гула,
Мой брат, библейского царя Саула,
Хоть внешне был красив и силен царь,
Но есть духовная иная сила
Священника, пророка Самуила —
Ему доверен Богом был алтарь.

Давид

Пред гордым Голиафом, лишь пращей владея,
Встал смелый юноша, красив он был собой.
Давид, о, как могла к тебе придти идея —
Вступить с гефянином огромным
в смертный бой?

Проклятьем идольским оглашена долина,
Быть может, жизнь тебе, Давид, не дорога?
Израильтяне все боятся исполина,
Вернись и ты, беги от сильного врага!

О нет, не испугала жизни катастрофа
Того, кто в бой вступил во имя Саваофа,
Любя Творца миров, страх верою поправ.

Хоть страшен великан, грозны его доспехи,
Но вера юноши победы ставит вехи —
Бесславно пал в том поединке Голиаф.

Гвоздика

Лишенный вновь свободы ненавистью дикой,
За имя Господа опять в тюрьме сижу,
И с символом свободы, с алою гвоздикой,
Я вновь вступаю на тернистую межу.

Друзья, родные, я в одном цветочке алом,
В судебном зале у моих упавшем ног,
Привет прощальный принял. Бывши в стаде малом,
Воспевши песнь любви, я сделал все, что мог.

Но без плотской свободы можно стать свободным
И к службе строевой в изгнаниях быть годным
Тому, кто истину Христа познал вполне.
Всегда свободен дух у воина Христова,
Душа свободы гимн в тюрьме воспеть готова...
Гори, не угасай, святой огонь, во мне!

Песнь Песней

Зазвучи среди мрака ночного
Песнь любви неземной — Песнь Песней!
Ты — всемирного счастья основа,
Жизни смысл с Тобой виден ясней.

Лютый холод минует, с весною
Горлиц крик огласит вешний сад.
Все живое потянется к зною —
Время не возвратится назад.

Ободрись, Церковь Божья, в гоненьях,
Не ищи в человеческих мненьях
Разрешенья глобальных проблем.
Есть один лишь Царь правды, Царь мира —
Он спасет обездоленных сирот,
Перед Ним суд мирской будет нем.

Счастье

Без Тебя не могу я прожить ни минуты,
Все земные пути без Тебя — суета.
Лицемерным лукавством они изогнуты,
Растворятся бесцельно в них жизни лета.

Без Тебя люди стали предельно жестоки,
А с жестокостью истине — не по пути.
Милосердья и правды святые истоки
Лишь в Тебе человечество может найти.

Счастлив я, что Твое есть на свете ученье,
Что меня не влечет воды мутной теченье,
Путь мой, истина, жизнь, идеал чистоты!
Счастлив я, что в Тебе моей жизни устои,
Счастлив я, что страдать за Тебя удостоен,
Счастлив я, Иисус, что на свете есть Ты!

Не зря

Когда холодом лютым, снегами, метелями
Тебя встретит Якутск, Воркута, Магадан,
Вспомни, брат, как с тобою играли и пели мы,
Нам небесный талант был от Господа дан.

Не всегда пусть мы были
кристально-стерильными,
Но Христу жизнь свою посвятивши сполна,
Поколеньям грядущим ее подарили мы,
Чтоб любовь Иисуса была в них видна.

Ароматною розою с молитвами ранними
Расцвела юность вновь в христианском строю,
Свет Христа, преломляемый юными гранями,
Сердце узника греет в суровом краю.

Там, где буйствует ветер, лютует мороз,
Разливаться вдруг стал аромат нежных роз.

Причина грусти

Почему ты сдружился с тоской элегичной,
Воспевающий синее небо, сонет?
Может быть, неудачником стал в жизни личной
Написавший тебя христианский поэт?

Может быть, вспомнил он рок-н-роллы и твисты,
Растлевавшие в юности душу собой,
Или стал неподсилен ему путь тернистый,
Иль смущает житейского моря прибой?

Нет, он счастлив, уйдя от мирского растленья,
Ноги твердо стоят на скале искупленья,
Глас не смолкнет его, хоть надвинулась ночь,
Но настроена лира минорным аккордом,
Потому что мир гибнет в неверии гордом,
А поэт призван гибнущим людям помочь.

Стремление

Как на нашей земле все участочки суши
Съединяет собой мировой океан,

Так любовью Христовой сродняются души
Всех пяти континентов, всех наций, всех стран.

В мировой океан устремляются реки,
Чтобы слиться там вместе с водою большой.
Убеленные кровью Христовой навеки,
Образуют так Церковь с единой душой.

Кто гордится рожденьем арийским иль русским,
Взгляд того в Церкви Божьей считается узким:
Не в рождении счастья вселенского суть.
Отрекаюсь от всех я мирских привилегий,
Гимн спасенья пою вместо грустных элегий
И стремлюсь в океане любви отдохнуть.

Сестре во Христе

Под густыми ветвями старинного клена
Скромно в годы былые ютился наш дом,
Там была ты обильно красой наделена,
Юность жизни Христу посвятивши потом.

Устремлялись к тебе пылких юношей взоры,
Кто-то жаждал назвать тебя верной женой,
Но тебя привлекали библейские горы,
Дух Святой тебя к жизни готовил иной.

По дороге обычной, проторенной, гладкой
Не пошла ты, для юношей ставши загадкой,
Вызвав недоуменье у многих из них.
Пусть же сладостным будет
твой путь неизвестный,
Будь прекрасной и нежной Христовой Невестой!
Скоро встретит тебя твой небесный Жених.

Гонителям

„Не должны ли мы, братья, больше всего молиться за гонителей наших" (И. Златоуст).

Нет, гонители, вам не услышать проклятья,
Сожаленья о вас лишь исходят из уст.
Так, страдая, прошли скорбный путь наши братья,
Точно так перед ними прошел Иисус.

Отреченье из нас вы исторгнуть не в силах,
Не пытайтесь, не стройте трагических поз,
Гнить придется вам десять столетий в могилах,
Нас же к жизни восставит Спаситель Христос.

Пока живы, молитвы в надзвездные дали
Вознесутся о вас еще к Богу не раз:
Вы нас в Царствие Божье насильно толкали,
Вас же в адскую пропасть влек ваш же приказ.

Для чего гибнуть вам, идя против рожна?
Вера Божья, гонители, всем вам нужна.

Голубица

Усмиряющий волны житейского моря,
Водворяющий мир и желанную тишь,
Посмотри: на земле столько стонов и горя...
Почему, Иисус, до сих пор Ты молчишь?

Голубица в ущелье скалы истомилась,
Надмевается зло и неверье над ней.
О, когда обласкает ее Твоя милость,
Наградивши за верность венцом вечных дней?

Ободрись, Церковь Божья! Кротчайший Царь мира
Очень скоро грядет. Гимны брачного пира
Зазвучат в переливах победных фанфар.
Ты — невеста Христа. В белоснежном виссоне
С Божьим Сыном ты царствовать будешь на троне
И познаешь вполне Божьей милости дар.

Неверующим

Люди, жертва неверья, какими жестокими
Вы становитесь, Бога законы поправ!
В лабиринт ваших дум стихотворными строками
Я проникнуть стремлюсь,
чтоб смирить злобный нрав.

Без любви, без надежды во мраке неверия
Вам не виден стал счастья кристальный родник:
Непотребств и грехов всяких целая серия
Закрывает от вас Искупителя лик.

Ваши судьбы отмечены знаком трагичности,
Потеряв благородные качества личности,
Обезьян взявши в предки себе на позор,
Вы отвергли желанного неба обители,
Идеал красоты во Христе Искупителе
И поэзии духа безбрежный простор.

Верность

Лицемерною лаской искрилась речь вся:
Сильный мира сего при беседе со мной
Предложил от гонимого братства отречься,
Чтоб расстаться я мог с ненавистной тюрьмой.

О свобода, ты стала заветной мечтою!
Узник очень желал бы с тобой подружить,
Но отказ от гонимых безбожной толпою —
Это Богу измена — так лучше не жить.

Мои милые братья, за правду страдальцы,
Вашу жизнь, как канву, натянули на пяльцы,
Но по ней Дух Святой вышивает узор.
Без свободы свободными духом вы стали,
Ждут вас царствия тысячелетнего дали...
Пусть же к небу с надеждой направится взор!

Мама

Венок сонетов

У твоей я хотел бы могилы
Свить из лучших сонетов венок.
Чрез канву поэтических строк
Созерцаю я образ твой милый.
Мама, мамочка, очень немного
Довелось мне быть вместе с тобой.
Подкрепленный твоею молитвой,
Я уверовал в вечного Бога.
За Христом путь идет через скалы.
Даль небес застилается мглой.
О, как трудно идти в буре злой,
Видя адских чудовищ оскалы!
Иисус, помоги не упасть,
Загради зверя адского пасть!

1. У твоей я хотел бы могилы
Помолиться, главу преклоня.

Мама, если б как в детстве меня
Приласкала теперь ты, то силы
Я прилив ощутил бы, наверно.
Я тебе при кончине пути
Не сумел сказать слово „прости!“ —
Грехи юности давят безмерно.
Жизнь сложнейшие ставит вопросы.
Мама, я совершенно седой,
Но себя я всегда пред тобой
Чувствую виноватым подростком,
Пожелавшим за мудрый урок
Свить из лучших сонетов венок.

2. Свить из лучших сонетов венок —
До чего ж это трудное дело!
Как достичь, чтобы рифма запела,
Разум с чувством чтоб вел диалог?
Нужно в малый по форме сонет
Заключить чувств сердечных вулканы,
Лить бальзам на глубокие раны —
Вот твое назначенье — поэт.
Ты — оракул, рапсод, ты — пророк,
Раздаватель духовного хлеба,
Красоту открывающий неба
И казнящий лукавый порок.
Расскажи, что открыл тебе Бог
Чрез канву поэтических строк.

3. Чрез канву поэтических строк
Я смотрю на картины былого:
Себя юношей вижу я снова
На распутьи житейских дорог.
Ты явила мне, мама, пример
Жизни чистой, возвышенной, скромной.
А твоею молитвой, как кроной,
Огражден от безбожных я сфер.

Ко Христу был не гладок мой путь —
Нагрешил молодым я немало,
Но минута прозренья настала —
Я к Нему преклонился на грудь.
Наделенный Божественной силой,
Созерцаю я образ твой милый.

4. Созерцаю я образ твой милый
И в изгнанье в суровых местах.
Мама, был я трусливый и хилый,
Но Господь превозмочь помог страх.
Он доверил мне, мама, служенье,
Укрепил дух и слабую плоть.
Я страдаю, но жизнь моя — пенье.
Да прославится вечный Господь!
Крест тяжелый хоть давит на плечи,
Хоть палим я безбожным огнем,
Но ясней цель видна с каждым днем,
И осталось мне ждать, когда встречу
Я тебя у святого чертога,
Мама, мамочка, очень немного.

5. Мама, мамочка, очень немного
В жизни сделать я смог для Христа.
В отдаленные изгнан места
Я теперь. Покарал очень строго
Суд безбожный меня за желанье
Нести грешным евангельский свет.
За весь мир распростер Христос длани,
Всем народам дав Новый Завет.
Умолчать невозможно об этом.
Хоть лишили свободы меня,
Но в изгнании стал я поэтом —
Мои рифмы на воле звенят.
Я молюсь, чтоб, окончивши бой,
Довелось мне быть вместе с тобой.

6. Довелось мне быть вместе с тобой,
Мама, в детские только лишь годы.
Бушевал моря жизни прибой,
И лишен был отец мой свободы.
Ты из сил выбивалась в те дни,
Пятерых нас, детей, поднимая,
Голод, холод, болезни одни
Нам сулила година немая.
Но небесный не смолк в тебе зов:
Дом отдав для святого собранья,
Ты пошла чрез долину страданья,
И помог тебе Бог Саваоф.
Божий люд в дом потек сам собой,
Подкрепленный твоею мольбой.

7. Подкрепленный твоею мольбой,
Встал и я, младший сын твой, на ноги,
Только дни твои были немноги —
Ты устала бороться с судьбой.
Возвратился домой мой отец.
Ты ему завещать лишь успела,
Чтоб моя скрипка гимны запела,
Чтобы славился вечный Творец.
Горько я на могиле рыдал,
Грудь сдавило мою, как клещами.
Там тебе, мама, слово я дал,
Что исполню твое завещанье.
Хоть по миру шла долго дорога,
Я уверовал в вечного Бога.

8. Я уверовал в вечного Бога.
Загоревшись мечтою одной,
Я пришел вновь на холмик родной.
Там судила меня совесть строго,
Потому что я долгое время
Был в погоне за славой мирской,

Хоть я бросил греховное бремя,
Во Христе найдя мир и покой,
Но твой холмик немым был укором —
Мама, юность мной прожита зря.
Но взошла искупленья заря —
Я запел с пилигримовским хором,
Не страшась, что нас, путников, мало.
За Христом путь идет через скалы.

9. За Христом путь идет через скалы,
Им идя, стал я счастье иметь,
Скрипка гимны любви стала петь,
Я поверил, что в зареве алом
Над землею взойдет солнце правды.
Жаль, что юных дней жизни цветы
Я не отдал Царю красоты!
Я вернуть свою юность был рад бы,
Но — увы! Возвратить юность людям
Не дано никогда, никому.
О друзья! Так давайте же будем
Посвящать жизнь Творцу одному,
Пусть порою под дьявольский вой,
Даль небес застилается мглой!

10. Даль небес застилается мглой.
За колючей стеной смолкла скрипка
Скрыта в памяти мамы улыбка.
Предо мною — жестокий конвой.
Эгоизм. Злоба. Север. Тайга.
Никого нет: ни брата, ни друга.
Резкий ветер. Морозы. Снега.
Автомат в грудь наставлен упруго.
Замерзает в термометре ртуть.
Упаду я, наверное, где-то,
И закончится песня поэта,
Завершившего скорбный свой путь.

Полетит телеграмма домой...
О, как трудно идти в буре злой!

11. О, как трудно идти в буре злой!
Боже вечный, но Ты же сверх меры
Испытаний не дашь?! Искры веры,
Не скрывайтесь под серой золой!
О, останься, царица любовь!
Будь со мною, сестрица надежда!
Видит тот пусть, кто в вере невежда,
Как алтарь воздвигается вновь!
Богу нужен теперь, как и встарь,
Фимиам благовонных курений.
Меньше споров, дебатов и прений —
Больше верности! — Вспыхнет алтарь,
Побежит к нему путник отсталый,
Видя адских чудовищ оскалы.

12. Видя адских чудовищ оскалы,
Иисус, трепещу я порой.
Ты меня щитом веры покрой,
Дальше шел пилигрим чтоб усталый!
Без Тебя упаду непременно
Я на скорбном пути, Иисус!
Меня может согнуть крестный груз,
Обессилить лжебратьев измена,
Меня манят мирские пейзажи,
И могу я духовно уснуть.
Дьявол шепчет: „Оставь скорбный путь,
Кто оставил, тот счастливо зажил".
Везде адская хитрая снасть.
Иисус, помоги не упасть!

13. Иисус, помоги не упасть!
Помоги мне идти всегда прямо,
Так, как шла моя милая мама,

Поборов к миру бренному страсть!
Помоги не роптать на свой крест,
Ибо иго Твое — это благо.
Пусть Твоя благодатная влага
Орошает меня, а Твой перст
Пусть укажет мне цель жизни всей,
Чтоб я шел, тайной счастья владея.
Ты — путь, истина, жизнь, Ты — идея.
Защити, Боже верный, друзей!
Иисус, прояви Свою власть:
Загради зверя адского пасть!

14. Загради зверя адского пасть,
А иначе меня он поглотит!
Бог любви, грехи духа и плоти
Жизни всей я желаю покласть
На Голгофской горе у креста.
Ты их ввергни в морскую пучину!
Я опять к Твоему иду Сыну.
Иисус, вновь омой, чтоб уста
Инструментом Твоим стали впредь,
Чтоб, любую воспринявши долю,
Я исполнил, Господь, Твою волю!
Если ж в узах придет ко мне смерть,
Помоги ее встретить вдали
С сердцем полным горячей любви!

Семистрочье

Желание

Я хочу, чтоб мой стих засиял, как алмаз,
Чтоб украсилось рифмой его семистрочье,

Пусть гонимых друзей привлекает он очи,
Чтобы веры огонь в их сердцах не угас,
Чтобы, на гору взойдя и возвысивши глас,
Средь безбожного мира, среди темной ночи
Закричали о правде они, что есть мочи.

Я хочу, чтоб мой стих, точно радуги свет
Семицветьем порадовал Господу верных,
Хоть устали они в испытаньях чрезмерных,
Но Христос проведет их чрез множество бед—
Вечен, свят, нерушим Иисуса Завет.
Пусть стремятся, минуя житейские скверны,
Они к Божьей воде, как проворные серны.

Я хочу, чтоб мой стих, точно горный поток,
Напоил истомленных в греховной пустыне.
Воду жизни найдя, чтобы к ней, как к святыне,
Бедный грешник проникнуть с надеждою мог
И, напившись, бежал чтоб, не чувствуя ног,
На ристалище истины. Да не остынет
Его сердце, нашедшее цель в Божьем Сыне.

Я хочу, чтоб мой стих пел, как скрипки струна,
О любви Иисуса, ни с чем несравнимой,
Чтобы Он укреплял членов Церкви гонимой,
Пьющих чашу страданий за правду до дна.
В этом мире дана жизнь нам только одна,
Помоги не увлечься, Христос, целью мнимой!
Ты есть истина, жизнь, Иисус, Ты есть гимн мой.

Сновидение

Снятся узнику в камере сладкие сны,
Будто входит в калитку он дома родного,
Обнимает жена его верная снова,

Дети с криком бегут — как их взоры ясны!
А кругом все цветет. Ароматом весны
Дышет сад, облеченный в душистый виссон.
В дом с женой и детьми входит радостно он.

Смотрит узник: вся Церковь гонимая здесь.
Он приветствует братьев, сестер со слезами.
Детский хор гимн запел вдруг в просторнейшем зале,
Громогласно звучит о спасении весть.
Дом стал преображенным как будто бы весь:
Он — огромен, над ним — купол весь из стекла,
Весть благая рекой многоводной текла.

Окна, двери распахнуты. Житель любой
Беспрепятственно мог воду жизни пить даром,
Много было здесь тех кто, библейским нектаром
Напитав свои души, предстали с мольбой.
Звал в бескрайнюю даль свод небес голубой.
Не разбить Церкви Божьей безбожной грозе —
Иисус сцементировал души друзей.

На стене лозунг светится: „Бог есть любовь“,
А чуть ниже — стихи: „братство, мир и свобода
Во Христе Богом вечным даны для народа“.
Человек, за тебя Иисус пролил кровь,
О, зачем же Его распинаешь ты вновь
Своим гордым неверьем и классовым злом?
О, покайся и вечно живи со Христом.

Задает в восхищении узник вопрос:
Значит, Церкви борьба завершилась победой?
И в ответ слышит: „Снова иди, проповедуй
Весть благую в долине страданий и слез,
Крест неси свой, как нес его Агнец Христос.
Если корень живой — древо Церкви цветет.
Узник, верь, на том древе созреет твой плод“.

Вдруг все быстро исчезло. Умолк детский хор.
Он проснулся. Повеяло воздухом смрадным,
Но дух бодр, ободренный виденьем отрадным.
Темной ночью к вершинам Божественных гор
Поднимает он, встав на колени, свой взор.
Не напрасен твой скорбный труд, узник, крепись,
Направляй взор почаще в небесную высь.

Тайга

Снежный вихрь, налетевши свинцовою тучей,
Свет апрельского ясного солнышка скрыл,
Зашумела тайга, словно тысячи крыл
Хищных птиц, что таились под горною кручей,
Рассекать стали воздух и силой могучей
Всколыхнули дремавшую мирно тайгу,
И она застонала, купаясь в снегу.

Дикий Север свой нрав проявил и в апреле.
Все кругом вдруг смешалось. Не видно ни зги.
Взволновались массивы Уральской тайги;
Но, сомкнувши ряды, сосны, кедры и ели
Не склонялись пред вихрем, а в небо смотрели.
Унеслась в своей злобе бессильной пурга —
В хлопьях снега красивее стала тайга.

Из-за туч проглянуло вновь солнышко вскоре,
Продолжая поэму премудрых чудес,
Вновь очистился купол лазурных небес;
И таежное бело-зеленое море,
Покатило спокойно опять на просторе
По предгорьям валы в изумрудную даль...
Да, природе не свойственна, видно, печаль.

Церковь Божья, воспрянь средь гонений жестоких
И вокруг Иисуса теснее сплотись,
Пусть твой взор устремится в небесную высь.
О страдалец, утешься, прочтя эти строки!
В твоей скорби сокрыты надежды истоки.
Солнце Правды блеснет все равно из-за туч,
Тьму неверья пронзит Божьей истины луч.

Христиане, одной монолитной стеною
Вместе с братством гонимых вам нужно бы встать.
Станет сразу бессильной неверия рать
Со своей ужасающей силой стальною.
Ни пурге, ни морозу, ни летнему зною
Насаждений Христа не сгубить все равно.
Из-за туч уже солнышко Правды видно.

Край родной

Край родной, незабвенный приют детских лет,
Уголок удивительный русской природы,
Мои годы промчались, как вешние воды,
Жизнь оставила в сердце трагический след.
Узник я и, казалось бы, радости нет
За тюремной решеткой, но гимны свободы
Не могу я не петь даже в трудные годы.

Край родной, ты открыл предо мной красоту,
Тайный смысл и гармонию песни творенья,
А когда вдруг созрело святое стремленье
Свою жизнь посвятить Иисусу Христу —
Затаил в юном сердце тогда я мечту:
Путь найти в поэтический храм вдохновенья
И воспеть всеблагого Творца откровенья.

Я пел гимны любви и благую весть нес,
Возлюбившим Христа отдавал свои знанья.
Путь мой вскоре пошел чрез долину страданья.
Сколько было скорбей, сколько пролито слез!
Но всегда предо мной шел Спаситель Христос.
Созидал Он церковное вечное зданье
И меня звал достигнуть небесного званья.

Скоро должен закончиться путь мой земной.
Стало солнышко жизни к закату клониться,
Так хотел бы родных и друзей видеть лица!
Как хочу я взглянуть на тебя, край родной!
Но с тобой разлучен я высокой стеной.
Верных Господу скрыла сырая темница,
Но их к небу ведет Иисуса десница.

Может быть, я тебя не увижу, мой край,
Но не буду из этого строить трагедий.
Я иду чрез страданья к великой победе.
Не тоскуй, о душа, на Христа лишь взирай,
Тебя ждет в синем небе Божественный рай.
Скоро, скоро минуют страдания эти —
С Иисусом ты будешь в немеркнущем свете.

Размышление

Лето жизни уносится. Юности розы
Быстро вянут, склоняясь все ниже к земле,
Дней цепочка теряется где-то во мгле.
В бездну вечности время жемчужные слезы
Непрестанно роняет. Несбывчивы грезы
Пылкой юности. Их разрушает собой
Волн житейских безжалостный грозный прибой.

Кто ты есть человек? Ты явился откуда?
Для чего ты живешь и куда ты идешь? —
Мало мыслит об этом сейчас молодежь.
На земле очень много различного люда,
Но не распят за всех Магомет или Будда.
Что есть истина? — Вот самый важный вопрос,
На него дал ответ лишь Спаситель Христос.

Землянин, сбрось скорей безнадежности ношу
И к источнику истины Божьей прильни,
Не напрасно прошли чтоб твоей жизни дни.
Потерял, может быть, ты их много, но все же
В храм поэзии духа ввести тебя может
Иисус в любом возрасте, только поверь
И прими его верою в сердце теперь.

В Иисусе померкнет бесцельности ужас.
Пусть льет время потоки обильные слез.
За тебя пострадал и воскрес Царь Христос.
Понапрасну лютует безбожная стужа,
Понапрасну неверия вороны кружат.
Вера Божья — победа над смертью и злом;
Счастье — вечный союз с Иисусом Христом!

Жизнь земная для верного есть ряд прелюдий
К тому гимну, который в восторге поют
Дети Божьи, нашедшие вечный приют
В синем небе. Восстаньте ж из праха, о люди!
Благовестья набат вас давно уже будит.
Может быть, скоро смолкнет евангельский зов,
Вырывайтесь скорей из безбожных оков!

Сердцу

Что ты волнуешься, сердце больное,
И учащенно трепещешь в груди,

Снова предчувствуя скорбь впереди?
Ты исстрадалось от холода, зноя,
В тюрьмах и зонах под игом конвоя.
Нам постоянно с тобой угрожал
В жизненном море неверия шквал.

Ты разрывалось от боли на части,
Видя прощальные слезы друзей;
Много прошли мы суровых стезей,
Были на йоту от дьявольской пасти,
Но не рассталось ты с мыслью о счастье
В этой безбожной юдоли земной,
Сердце, ты жизни желаешь иной!

Но не пора ли смириться, родное?
Нам ведь с тобою страдать суждено,
Льется пусть жизни безбожной вино,
Мимо проходит пусть счастье земное.
Сердце, прошу, будь в единстве со мною!
Веря, надеясь, любя, мы с тобой
Снова вступаем за истину в бой.

Бьешься опять ты, предчувствуя вроде,
Что будет трудно в духовном бою.
Сердце, я слаб, еле-еле стою;
Но, истомленный мечтой о свободе,
Должен я в русском любимом народе
Истины факел держать в темноте,
Сила моя — в Иисусе Христе.

Я не оставлю страдальцев Христовых,
Их потому что очень люблю,
Верных до смерти в неравном бою,
За Иисуса сражаться готовых.
Лучше всю жизнь быть за правду в оковах,
Чем оставлять верных истине строй
И покрываться греховной корой.

Бейся же с верными, сердце. Мы с ними,
Шествуя скорбным, тернистым путем,
Счастье в Христовой любви обретем.
Этого счастья никто не отнимет.
Здесь, на земле, и в таинственно-синем
Небе ждет верных блаженный чертог,
Им приготовил его вечный Бог.

На Троицу

Вечный Бог, в день сошествия Духа Святого,
Когда силой апостолов Ты наделил,
Я взываю к Тебе. Как во мне мало сил!
Ты исполни меня Своей силою снова,
Чтоб в пути не оставил креста я Христова,
Чтобы жизнью своей Твое имя святил
И чтоб стал путь страданий мне дорог и мил.

Иисус, как тяжка моя доля земная.
Труден путь! Спотыкаюсь я часто на нем,
Но крещение Духом Святым и огнем
Пожелал я принять — так уймись, боль немая!
Пилигрим должен радостно шествовать, зная,
Что храним Богом вечным он ночью и днем;
Его манит лазурных небес окоем.

Дух Святой, снизойди на меня, голубь нежный,
Не иссяк чтобы в сердце священный елей,
Радость, мир и покой в мою душу излей.
Одари твердой верой, любовью, надеждой,
Потрудись надо мной,
чтоб в виссон белоснежный
Облечен был Христом я, пройдя путь скорбей.
Ей, гряди, Иисус, мой Спаситель, скорей!

Миссия Фриденсштимме — это христианская организация, распространяющая Евангелие, преимущественно в русскоязычных странах. Для читателей, желающих познавать евангельские истины, издательство „Фриденсштимме“ издает ряд книг, расчитанных для широкого круга читателей.

Адрес издательства: Verlag des Missionswerkes Friedensstimme, Postfach 2168, 4790 Paderborn, Germany

Наших читателей, проживающих на территории СССР, по вопросу приобретения книг просим обращаться к верующим поместных общин евангельских христиан-баптистов, которых мы, по мере возможности, обеспечиваем имеющейся в наличии литературой.

* * *

Серия книг **„По следам веры“**:

1. **Находка**
2. **Под могучим дубом**
3. **Сюрприз перед рассветом**
4. **По ту сторону моста**
5. **Запертый сад**
6. **Добрый Пастырь**
7. **Тайна коттеджа фазан**
8. **Книга дедушки**
9. **Свет жизни**
10. **Эстер Рид**
11. **Где начинается река**

Эта серия расчитана для подросткового возраста, однако и взрослый читатель найдет много поучительного для себя. Эти книги расскажут Вам о верных последователях Иисуса Христа, о том, как незнающие Бога находят мир и утешение в прощении грехов, когда они обращаются к Нему.
К изданию подготавливаются и другие книги этой серии.

Юст Мюллер-Бон **„...Ибо их есть Царство Небесное“** (два тома). На каждый день года в 2-х томах этого издания наши юные читатели найдут стих из Библии, короткий рассказ, стихотворение или песню. Иллюстрации Людвига Рихтера оживляют прочитанное, оставляя в сердцах детей след доброты.

Д. А. Ясько **„Иов“** — книга Иова в стихотворном переложении с заметками и приложениями.

„Юность — Иисусу“ — сборник духовных песен для молодежи — издается в двух видах: с нотным текстом и буквенным обозначением гармонии и только с буквенным обозначением гармонии. В данный сборник вошли духовные песни, известные по прежним изданиям, а также новые, отвечающие требованиям музыки и поэзии.

Росс Клиффорд **„Иисус вновь перед судом“**. Автор цитирует всемирно известных юристов нашего времени, взвешивая данные о самой влиятельной Личности в истории человечества — Иисусе Христе. Большое внимание уделено делу Апостольского Кредо: „На третий день Он воскрес!“ Не сомневаясь в достоверности доказательств воскресения Христа, Росс говорит о том, что Воскресение обязательно влияет на мировозрение, самопознание и формирует чувство ответственности человека перед Богом.

Джон Буньян **„Путешествие Пилигрима“**. Широко известный среди христиан аллегорический рассказ о жизненном пути христианина. Удивительно точно и наглядно передает автор, написавший свое произведение более 300 лет тому назад, внутренний мир, борьбу, а также и внешние воздействия, с которыми сталкиваются христиане в повседневной жизни. И сегодня, читая эту книгу, многие узнают себя в Пилигриме, получают ободрение и утверждение на пути веры.

„Библейские принципы семейной жизни“. В наше время, когда нормы морали и целомудрия теряют свое значение в обществе,

когда колеблются основы семьи и нет принципов, на которые бы опирались люди, созидающие семьи, весьма необходимо вернуться к библейским нормам и рекомендациям. Бог — Создатель семьи, Он заложил принципы взаимоотношений между членами семьи. Об этом и идет речь на 187 страницах представляемой книги.

Э. Пикеринг **„Библейский сепаратизм"**. Мир нуждается в фундаментальных христианах. В христианах, которые не только во время богослужений проповедуют Евангелие, но которые и живут по нему. Принципы отделенности от мира, бескомпромиссное служение Богу на примере американских баптистов взяты автором в основу своего труда.

Гомер А. Кент **„От Иерусалима до Рима"**. Эта книга — результат исследования автором одной из книг Нового Завета — „Деяние Святых Апостолов". Автор задался целью сопоставить историю „Деяний Апостолов" с исторической обстановкой того времени. В ней освещены основные события и кризисные моменты в истории начала распространения Евангелия.

И. П. Плетт **„Наше богатство во Христе"**. Человек, не знающий Бога, не может порой понять, что же заставляет христиан так крепко держаться за Христа и сохранять Ему верность даже и во время гонений. О том, какое богатство во Христе открывается каждому человеку, приходящему к Богу с раскаянием, рассказывает автор, который сам обнаружил и имеет это богатство.

И. П. Плетт **„Внутренняя жизнь церкви"**. Внешняя сторона жизни христианина очевидна и доступна каждому. Автор в своей книге расскрывает внутренние процессы жизни церкви.

Э.Трахзель-Паули **„Духовная музыка"**. Нововведения в музыке только вопросы стиля и вкуса? Может быть, существуют различные источники музыкальных произведений: духовные, человеческие или даже демонические? Могут ли люди без риска для себя пользоваться при этом всей современной музыкой?

В книге предпринимается попытка обсудить эти вопросы, исходя из вопроса более широкого: что говорит на этот счет Библия?

Г. Гайкооп **„Письма молодым людям“**. Книга адресована людям, ищущим Бога или сделавшим на пути к вечной жизни только первые шаги. В ней рассматриваются основополагающие вопросы о грехе, о возрождении и дальнейшей жизни веры.

К. О. Розениус **„Путеводитель к миру“**. Мир сердца, жизнь насыщенная, любовь к Богу и ближним — все это не результат исполнения предписаний какой либо религии. Только в живом общении с Богом можно освободиться от чувства вины и жить новой жизнью, дающей радость, надежду и будущность. „Путеводитель к миру“ — книга не о религии и религиозности, но о вере и о состоянии души верующего.

А. Геллер **„Чудеса Божьи в пустыне“**. Книга рассказывает о 12 чудесах, которые пережил народ Израильский во время 40-летнего странствования по пустыне. Опыт прошлых поколений может помочь и обогатить духовную жизнь христиан нашего времени.

Родился **Е. Н. Пушков** в семье верующих 6 марта 1941 года. В поисках своего счастья он увлекся музыкой, закончил консерваторию. Изучая марксизм-ленинизм и научный атеизм, он еще более убедился в шаткости теории безбожия.

В 26 лет Евгений Никифорович принял водное крещение и уже не смог быть работником „идеологического фронта", каковыми считались артисты.

Вскоре его игра на скрипке во славу Божью и, более того, проповедь Евангелия возбудили против него ярость „сильных мира сего".

Дважды он отбывал сроки заключения за свою верность Господу: первый раз — три года, второй — восемь лет. Второй срок в связи с переменами в стране Бог сократил до 5, 5 лет.

Предлагаемый сборник стихов Евгения Пушкова — результат раздумий, переживаний и работы его поэтической души в годы неволи.